

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PL 5178

.K73

1895
v.3

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY**

121

Марко Лукуч, Кропивницький

М. Л. Кропивницький.

Рознуї світук творів

**ПОВНИЙ
ЗБИРНИКЪ
ТВОРИВЪ**

ТОМЪ III.

<p>1. Доки сонце зійде—роса очи виість. 2. Вергілієва Енеїда.
3. Дурысвітка. 4. Супротивни течіи. 5. Глумъ и помста.</p> |
|--|

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типо-Литографія М. Я. Дрейшпуля, Рыбная улица, № 23.
1903.

PG 3948

. K 73

1895

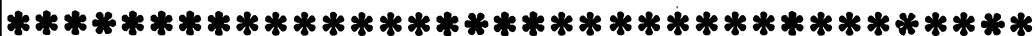
v. 3

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Апрелья 1902 года.

12-20-60

О Г Л А В Ъ:

	Стран.
Доки сонце зійде—роса очи выисть	1
Вергилієва Енеида	55
Дурысвитка	103
Супротывни течіи	127
Глумъ и помста	175

Доки сонце зійде,

роса очи

выість

Драма у 4-хъ дѣяхъ, выправлена наово.
Дієтця межы 1862—1863 роками.

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ, 9 Іюня

1901 года № 4199.

ЛЫЦЕДІИ.

Дмитрій Мыколаевычъ Вороновъ, поміщыкъ.

Наталія Семеновна, его жинка.

Борысь, ихъ сынъ, студентъ.

Владымиръ Нетровычъ, сусидъ, прыятель Борысивъ.

Антонъ Завада, старый чоловикъ.

Оксана, его дочка.

Максымъ Хвортуна, пидстаркуватый чоловикъ, стрілець и швецъ.

Степанъ Кугуть, парубокъ.

Гордій Поваренко, парубокъ, городьскій швецъ.

Скубка, писарь, пидстаркуватый чоловикъ.

Текля, дивка у литахъ.

Соломія, дивчына, служыть у панивъ.

Катря, молода дивчына.

Парубки и дивчата.

Діетця на сели.

Д і я 1 - а.

Ставокъ порослый очеретомъ, та кугою, въ киньци ставу—гребля; видъ греблю—розореный млынъ. На гребли вербы и березы. Смерка.

Я в а 1 - а.

(За лаштунками ледве чутьно спиваютъ дивчата, дали спивъ наблѣжаетця; въ киньци писни дивчата боязко выходятъ на кинъ).

Текля, Соломія, Катря и дивчата.

КАТРЯ.

Охъ, сестрычки-матиночки, куды жъ мы оце забрелы? Тутъ такъ страшно!

ТЕКЛЯ.

Тю, нависна! Чы не страмовыще! Та ондочки жъ и слобода! Сотни ступенивъ не видойшлы видъ хать, а ій це здаетця вже за край свита!..

КАТРЯ.

Колы жъ я, Господы, якъ боюсь!

СОЛОМІЯ.

Воно такы і справди, дивчата, смеркомъ тутъ не безпешно. А все ты, Текле, идешъ, та і идешъ, а мы за тобою, якъ вивци за цапомъ, отъ ёй-Богу, що правда!.. За для чого ты насъ сюды завела?

ТЕКЛЯ.

Кажу жъ вамъ, що тутъ буде на гребли дыво.

ДИВЧАТА.

Та яке жъ дыво? Дыво, та і дыво, а яке?

ТЕКЛЯ.

Давайте спершу скупаемся, а потимъ роскажу.

ДИВЧАТА.

Оттакои выгадай, де жъ такы купатысь?

СОЛОМІЯ.

Тутъ же по захидъ сонця разъ у разъ водяныкъ бовтаетця.

ТЕКЛЯ.

Я водяныка не боюсь!

ДИВЧАТА.

Не бійся, та стережись!

ТЕКЛЯ.

Отъ же на вдывовыжу вамъ буду его драгуваты. *(Гука).*

„Водяныкъ, водяныкъ,
Дамъ тоби медяныкъ,
Покажись изъ воды
Ажъ до пивъ бороды!“...

Охримъ *(за лаштунками).*

Ось, я заразъ!

(Дивчата прожогомъ тикають).

Я ва 2-а.

Входять Охримъ.

Охримъ (*регоче*).

Ачь, якъ дременулы уростичъ, не-
наче козы! Ого-го, ажъ гупотыть!.. Тю-тю,
нависни! Вернитьця-бо сюды! Це я,
Охримъ!

Текля (*за лаштунками*).

Чы й справди-то ты, Охриме?

Охримъ:

Тадже прыдывьсь! (*Дивчата зо
страхомъ наблыжаютьця*). Водяныкъ
же зъ зеленою бородою и увесь у ку-
шыри, а въ мене нема ни бороды, ни
вуса.

Текля.

Справди це Охримъ!

Соломія (*до Охрима*).

Оце жъ, нехай тоби всячына, якъ ты
насъ налякавъ! (*До Катри*). Заспокойся-
бо. Це жъ Охримъ, ось прыдывьсь!

Катря (*ледве промовля*).

Охъ, духъ мени зовсимъ забыло!

Охримъ (*узявъ їи за руку*).

И выгадають же чортъ-батька зна-
яки выграшки—одна одну полохаты? Пев-
но це Теклыни вытивкы?

Текля.

На вищо бъ-то мени здалося їи по-
лохаты?

Охримъ.

Це вже я знаю „на вищо!“

Текля.

Справди? Охъ, який же ты догад-
ливый! (*Регоче*).

Охримъ.

Та не поможетця!

Катря:

Я вже й не знаю, що я тоби, Текле
заподіяла?

Охримъ.

Якъ що! їй вси дивчата заважають.
Теперечкы ты сегодня зо мною стоишь,
учора й позавчора те жъ стояла. Ну, а
це їй голкы въ печинкы!

Текля (*регоче*).

Ой, який же хорошунъ! Охъ, рятуй-
те, сестрычкы, бо збожевелю видъ заз-
дросты!

Охримъ.

Ой, не регочы!

Текля.

Утры слыны свой крالی, ондечкы
яки сережкы попускала черезъ губу! (*Ре-
гоче*).

Катря.

Сама ты слынява!

Охримъ (*Катри*).

Плюнь ты на неи.

Текля.

Заплачь, тонкослизко! Гляньте, сест-
рычкы, яка гарна пара стоить, мовъ на-
малевана! А вона, вона, якъ рожа! (*Ре-
гоче*).

Охримъ.

Видсахньсь ты, сатано! Чого въязнешъ
до дивкы? Жыдивьська ты помыйнице!

Текля.

А вона тоби винчана, чы якъ?

Охримъ.

Хочъ вона мени й не винчана, а тебе я й безъ попа сегодня звинчаю по потылицы кулакомъ.

Текля.

Руки покорчыть!

Охримъ.

Тьфу!

Текля.

И тобі тьфу!

Я в а 3 - я.

Ти жь, Степанъ, Гордій и парубкы.

Степанъ.

Бачъ, куды ихъ занесло! А все це певно Текля керуе? Це вона, Охрине, за тобою такъ зорить: постерегла, що ты пишовъ у Купріянивку, дакъ вона вже и на зустрічь тобі.

Охримъ.

Хай вона пропаде, анахтема!

Текля.

Може й зорыла, докы дурною була!

Охримъ.

А теперь порозумничала? Ну, й слава Господеви, що хочъ однією дурною меньчъ буде на сели!

Текля.

Не печалуйся, дурный заступивъ порожне мисце, якъ разъ буде у шчерть.

Охримъ.

Ну, й дивчинка, настояще срибно-золотце.

Текля.

И я жь кажу, що такы настояще! Черезъ губу плюе, черезъ голову врынае, до тебе ракомъ врынае.

Гордій.

Довольно остроумная барышня!

Степанъ.

Чы по знаку вамъ, дивчата, оця проява? (*Показуе на Гордія*).

Дивчата (*прыдывляютьця*).

Хто жь оце?

Текля.

А я видъ разу впизнала: це жь Гордій Поваривъ?

Гордій (*з гармонією пидъ пахвою*).

Онъ и есть—Гардей Мыкитовычъ! Я сышчасъ толькы што зъ города прыкатыль зъ калаконьчыкомъ. Мое поште-ніе, барышни! (*Тупнувъ ногою, протяга руку*).

Текля (*подае руку*).

Благодаримо васъ!

Дивчата.

Що? Поште-ніе? барышни? Яки жь мы барышни?!

Гордій.

А то какъ же? Ну, меньзели, когда желеаете по немецькому. „Безъ привету, какъ адевету быть нельзя“. У насъ, у городи, значыть, какъ зберутця на промынажъ, чы по вашому—на юлыцу, сышчасъ одынъ другого за ручку: „мое поште-ніе“; и зъ барышнямы такой тошно хвасонъ. Ну, у васъ на дерёвни овсимъ другой поднарядъ! Такъ не даромъ же сказано: „дерёвня, какъ деревня, а городъ, какъ городъ!“

Текля.

Видь нашихъ парубкивъ наврядь чы диждесея городянского звычайю.

Охримъ.

Ни, у насъ якъ людныи, то й людське, а свынн, то й честь свыннча!

Гордій.

Позвольте на споръ объ етихъ самыихъ словахъ. На чый щотъ вы отдыраете егн самыи категоріи?

Степанъ.

Мелы, бисе, чортъ тебе второпа!

Дивчата.

Сыдивъ бы тамъ зъ своимы мензелымы у городи! (*Регочуть*).

Гордій.

Вотъ такъ порадошна культура! Какъ паѣду въ городъ, въ тотъ же секундъ объясню всимъ кавалерамъ и барышнямъ, што какая, значыть, глупая попытка на дерѣвни!..

Охримъ.

Чого жъ це ты прытетюрывся до насъ?

Гордій.

Такой я имиль свой капрызь, штобъ прыхать, изъ тѣмъ што жалая повыдаты тятеньку и мамашу и прыхаль!

Охримъ (*сміється*).

Тутъ тебе тильки й бракувало.

Гордій.

Нечаво не кстати задаватьця, нечаво наводыть тѣнь на глянецъ!.. Мы, пожалуста, и самы зъ усами, толькы што носъ не абрось!

Степанъ.

Перестанъ вже белькотаты, выдко птыцю по облычю.

Гордій.

Я не белькачу, ну передь усякимъ смило можу оправдать свой авантажъ, и у разговорахъ усякому носа утру,—не то што, а вотъ што. Я имію аттестать, што можу батынки на коркахъ и на двойной падошви. Да хочъ и на мериканьской, дакъ не спужаимся! Вгодно, дакъ и бакфорты по новому хвасону, зъ бутылкамы. Я не халамыдныкъ какой!..

Степанъ.

Тебе возомъ зачепылы, чы якъ?

Гордій.

Я не какой небудь жулыкъ, а майстерной чалавекъ! Вы гнете на то, штобъ барышни ваши понималы объ мине на противъ и даже зъ насмешкой. Ну, дакъ мы тоже можемъ гаварыть не пахуже!..

Степанъ (*до всихъ*).

И языкъ ему не заскоче оттаке белькотаты!

Гордій.

Не карѣйтесь, пожалуста, и не задавайтесь!

Степанъ (*до всихъ*).

Дывы, якъ роспустывъ генбу!

Гордій (*до всихъ*).

Какъ вы не понимаете городского разговору, дакъ я при етомъ случаи не прычыною,—вотъ вамъ и вся процендура. Отъ барышни ваши, дакъ я такъ понижаю, што воны мой культурный разговоръ можуть объяснить,—правда? И барышни мальчяты? вдивытельно? Вотъ такъ воспытаніе!

КАТРИЯ.

Куды жъ намъ до городянокъ рив-
нятысь!

ГОРДІЙ.

Положымъ, што вы правыльно...

ТЕКЛЯ.

А звисно, такій якъ ты то зась;
а я все зрозумила, що вони говорятъ.

ГОРДІЙ (*протяга руку Текли*).

Поздравляю васъ зъ цывилизаціей.

ОХРИМЪ.

Ты, коношне, городянкамъ пидъ масть!
Вона у насъ Гордію, уміе черезъ губу
кашлять! (*Сміється*).

ТЕКЛЯ.

Засмієся колысь на кутни!

ОХРИМЪ.

Слухай-бо, Гордію, Посватай у насъ
Теклю, вона зовсимъ на городянку закан-
дзюбылась!

ГОРДІЙ (*пидходе до Катри*).

Кажетця, Катерина, по батюшки,
звынить на томъ, не впомню, вы вдывы-
тельно покрасивелы! И потому, между
тимъ прочимъ, позвольте вамъ рыкумен-
довать меня!

КАТРИЯ (*до дивчатъ*).

Охъ, сестрычки, що жъ це винъ
зновъ забелькотавъ?

ОХРИМЪ (*злегенька одпыха его пле-
чмъ*).

Лыбонь, ты не въ ти взвуся?

ГОРДІЙ.

Пачаму? (*Знову до Катри*). Пой-
мите одно толькы, што я, для новаго зна-
комства, хочю рекумендовать меня.

ОХРИМЪ.

Та кажу жъ-бо, що не въ ти взвус-
ся! Братьця, що се на ему за одежда?

ГОРДІЙ.

Кажетця, повяты можна, што гедзеть,
а либо по вашому, по деревенському, джи-
геть! Обнакавенной хвасонъ на городсь-
кихъ кавалерахъ.

ОХРИМЪ.

А й прыстало тобі, якъ корови сидло!

СТЕПАНЪ.

Це жъ той каптанъ, що зветця:
пусты-вырвусь!

ОХРИМЪ.

Чепурный, якъ свынй въ дощъ!

ГОРДІЙ.

Не завдавайтесь на мелкіе макароны,
бо лапша зъ кармановъ сыплетця!

ОХРИМЪ.

Пам'ятаете, братця, на великденъ
нимецъ ходывъ по селу зъ каплямы, якъ
разъ у такій кацавейци?

ГОРДІЙ.

И што вамъ на эти глупые дураче-
ства объявуть? Болваны, одно слово, бол-
ваны! У насъ такой тытуль, штобъ ру-
башка зъ манышкою калинорова, або
сытцева, зонтыкъ въ руци и шчиблеты,
або бакфорты на рыпахъ... А безъ етихъ
документовъ въ хорошую канпанію не
пожалуйте!

ОХРИМЪ (*прыдвеляетця до его чо-
битъ*).

А чоботы, а чоботы! Тю, дывы! Глянь-
те, хлопци на его закаблуку, якъ винъ
нигъ не повыверта?

Гордій.

Тогда только сапогъ и имейте свой настоящей тытуль, когда подборъ высокый и стончоной на нѣтъ, штобъ слидъ отъ подбора бувъ не болшь двоигривенного. Какъ сапогъ у подъема какурать, такъ вонъ и иміе свою надлежащу державу!

Охримъ.

А побижы, чы здорово заорешъ носомъ?

Гордій.

Пушай бигають дураки, но я, кажетця при своей памъяти! (*Почына грать на гармоніи и спивать*).

Яхъ ты бабка, ты ядгадка,
Ядгадай маю балестъ:
Гаварать, што лыхорядка
Треплетъ друга маево.
Но не долго протрепала
Тры недели усего.
На четвертую неделю
Сталъ Ванюша адюжать.

Степанъ.

А що у васъ спивають парубкы, якъ зберутця на вулицю?

Гордій.

Случаетця, только што у насъ нѣтъ парубковъ, а усе кавалеры.

Де-яки парубкы.

А ну, кавалеръ, заспивай, може й мы переймемо?

Гордій.

Ну, только што у насъ на тверозую ногу не поють.

Охримъ.

Ачъ якый, звикъ до могорычивъ!

Гордій.

Не въ томъ ращотъ... Пойдемъ въ пытейной, я самъ васъ вгашу.

Парубкы.

Та ну-бо, заспивай!

Гордій.

Запойте вамъ романца—не поймете. Одначе вотъ вамъ, напริ่มиръ. (*Спива*).

Сама я розочку садыла,
Сама я буду польвать!
Сама я друга полюбыла,
Сама я буду вискъ страждать!..

Парубкы.

Ты заспивай намъ салдацькон.

Гордій (*сміється*).

Важна камерція. Ты имъ благородну, а вони салдацьку. Вотъ вже не даромъ сказано про деревеньскихъ хохловъ, што мазепы!

Охримъ.

Ты-бо не будь тимъ, що моркву рые!

1-й парубокъ.

Колы зъ тобою по чеськи, то ты не роботы по песьки!..

2-й парубокъ.

Гляды, штобъ часомъ не пидборкалы тоби отіен кацавейкы?

3-й парубокъ.

Тай плюндры штобъ не трыснулы ныжче пояса.

Степанъ.

Ну й чого вы на него опудылись и не соромъ вамъ? Хиба не бачыте, що винъ на вика дурный? (*Регочуть*).

Гордій.

Нѣтъ, кажетця такъ, што я не дуракъ.

СТЕПАНЪ (*тыхо до него*).

Мовчы, бо бытымуть! У насъ, братъ, по простому, такъ отдубасять, що ажъ пирья сыпатыметця.

ГОРДІЙ (*трохи злякався*).

Ну, пусть я буду дуракъ, только и вы не вочень вумніи!

СТЕПАНЪ.

А ну, братця, гайда на вулицю! Ходимъ, ходимъ, дивчата, бо сегодня вже паныча не побачите!

ДИВЧАТА.

Винъ такы намъ и потрібный!

ДРУГИ.

Прытулы горбатого до стины!..

СТЕПАНЪ.

Та вже ничого, ничого!.. Другый тыж-день, якъ панычъ прыхавъ до дому, а воны, сердешни, ажъ попару не знайдуть.

ТЕКЛЯ.

Нехай вже Оксана вытрища на него свои банкы.

ОХРИМЪ.

Здрастуйте вамъ! Зновъ чортяка штрыкнула тебе у ребро?

ГОРДІЙ.

Такъ панычъ вже прыхавъ? Вотъ зъ панычомъ, дакъ я можу никоторой парадшной разговоръ... Нада будетъ ре-комендувать меня ему.

ОХРИМЪ.

Наврядъ, щобъ винъ зайшовъ въ па-тѣкы зъ такымъ разумнымъ дурнемъ.

ГОРДІЙ.

Мы знаємъ, што знаємъ, и я мало внимаю обращенія на ваши глупые анекдоты—вотъ што! Вотъ хотивъ васъ по-поштывать настоящимъ турецькимъ табачкомъ, а теперъ не покурите!

ОХРИМЪ.

Може коло турецького лежавъ?

ГОРДІЙ.

Верную правду гавару, што турецькой, настоящей, чесное слово, восемь капеекъ чвортка!

ОХРИМЪ.

Такъ дай попробовать.

ГОРДІЙ.

Зачимъ мене дуракомъ обозначаете?

ОХРИМЪ.

Тю, винъ вже й розгнивався! То жъ мы у шуткы.

ГОРДІЙ.

Парадошни шуткы, што чуть до интересного шкандалю не дойшло! (*Дае табакъ*).

СТЕПАНЪ.

Справди добрый табакъ!

ГОРДІЙ.

А зъ какого жъ резонту я буду обманывать? Отъ же тутъ и цина подписана. (*Показуе папиръ, у котримъ табакъ*).

ОХРИМЪ.

Дай сюды, я прочытаю!

Парувкы (*регочуть*).

Ты такы й тямышь?

Охримъ.

Мій же дидь бувъ грамотный, а батько дрюкований. (*Бере папиръ и нбы чыта*).

„Тысяча висимьсотъ,
Зверху старый чортъ,
Въ городи Парыжи,
Въ Вороновій поблыже,
Сила собака на вовка,
Та боялась злизты,
Бо вовкъ хотивъ ии зысты!“
Аминь!

(*Хова табакъ въ кешеню*).

Гордій.

Куда жъ ты табакъ запрятавъ?

Охримъ.

Въ кешеню, твоя може продерта, а въ мене цила.

Гордій.

Вотъ такъ мошенство.

Охримъ.

Я тоби позаторикъ видкуплю! (*Парубкы регочуть*).

Текля.

Понесли бъ оттой папиръ до Оксаны, та бъ краще прочытала.

Степанъ.

О, та прочытала бъ! Оксана добре грамотна! Ии панычъ навчывъ грамоты, ще якъ вона служыла у панивъ пры горвыцяхъ.

Текля.

Навчывъ и до розуму довивъ, а вона теперь косою свитыть.

Степанъ.

Текле! Плещы про кого ынчого, колы свербыть пидъ языкомъ, а про Оксану а ни пысны.

Текля.

Я своима очыма бачыла, якъ вона на тимъ тыжневи плоскинъ выберала, та все за поперекъ хапалася.

Степанъ.

Слухай, Текле! Я плохий, плохий, ну, якъ розлютуюсь, то й чортъ мени не свать!.. Кому ты оце все кажешъ, кому ты хочешъ бакы забыты твоимъ паскуднымъ пащекуваннемъ! Я Оксану знаю, якъ своихъ пъять пальцивъ; я зъ нею заразомъ служывъ у двори, и знаю; и бачывъ, якъ панычъ вчывъ ии грамоты, и якъ балакавъ зъ нею, и про вищо, —усе те я бачывъ своими власными очыма!..

Текля.

Знаю я, що й тоби Оксана запала въ око, черезъ те ты теперь и заступаеся за неи?

Степанъ (*почервонивъ*).

Про мене... Про мене инча ричъ, и це дило не твого розуму. А за Оксану я кожному въязы зкруту!

Де-яки парубкы.

Ну, кожному, чы не багато буде?

Степанъ.

Я головою за Оксану одвигаю!

Охримъ.

Стрывай, Степане, не горячысь! Правда, братухо, якъ олыва на верхъ сплыне.

Степанъ (*Текли*).

Набыты бъ тоби губы такъ, щобъ ажъ порепалысь...

Текля.

Що жъ винъ визьме ии за себе, чы якъ?

СТЕПАНЪ.

Чы визьме чы ни, то ынча ричь, а ты языка не ропускай!

ТЕКЛЯ.

Кажуть, що вона що вечора до паныча у садокъ хсде.

ГОРДІЙ.

Такъ воно жь такъ и скрозь заведено! У насъ у городи, ежели есть кака камерція промежъ кавалера зъ барышнею, дакъ тоже завсегда ети дила позно у ночи, потому днемъ главно дѣло амбыція!..

СТЕПАНЪ.

Геть пидь тры чорты зъ своею амбыцею, докы не бытъ!

ГОРДІЙ.

Вотъ тебе и порадошной разговоръ!

СТЕПАНЪ.

Не лизь! Кола не до тебе пьють, не кажы й здоровъ.

ОХРИМЪ.

А цытьте, лыбонь, щось гомонять? *(Слушаютъ)*. Такъ и е! Ондечкы панычъ вертаеця зъ охоты.

ТЕКЛЯ *(прыдывляеця)*.

И Тытивський панычъ зъ нымъ, той, що кажуть, самъ соби істы варе, самъ и коняку запряга.

ГОРДІЙ.

Та не можеть быть? Вотъ такъ категорія!..

ТЕКЛЯ.

Гарни паны насталы! Запряже конячynu у якусь тарадайку, та й іде селомъ, та склыка людей на роботу, неначе

той паламарь, що у писть по пидь виконню курей та поросятъ клянчыть.

ГОРДІЙ.

Вотъ такъ воспытаніе!

ПАРУБКЫ.

Ходимъ, не звычайно у вичи лизты!

СТЕПАНЪ.

А ну, заводь хто писню!

ГОРДІЙ.

Я вамъ спою якъ разъ по вашому скусу. *(Застыве)*.

Не зъ послиднихъ булъ прыкащыкъ,
Я спою обь немъ расказъ:

Буль вонъ посланъ за получкой
денегъ,

Тошно було ето въ разъ!

(Говоре). А вы пидхлопайте дружницъ:

„Оны его маняты, и ёны его маняты:

„Пожалуйте, пожалуйте,

„Пожалуйте, купецъ. *(Пшлы)*.

Я в а 4 - а.

Борысь Дмитровычъ, Володымырь Петровычъ и Максимъ Хвортуна; вси вони зъ рушныцями и охотнычою прымусією.

МАКСЫМЪ.

Ну, панычи, вже якъ соби хочете, а вдруге выбачайте щобъ я васъ повивъ на охоту, шкода, теперь вже бильшь не пиддурите мене.

БОРЫСЬ.

Це новына! Чымъ же мы васъ пиддурылы?

МАКСЫМЪ.

Бачъ, ще й пытають! Вы жь такы розумни и, мовлявъ, вчени люде, то й

розмиркували бь, що цилісонькый день вы соби у двохь балакаете, а за вами слідкомь човга щось таке, котре нибы те жь скидаеця на людыну, а вы его маете чы за „прышый кобыли хвисть“, чы за дурного. . Бовкнете яке тамь до него слово, та й зновь промежь себе.

Борысь.

Наша балачка наврядь чы цикава вамь.

Максымь.

А чому жь и ни? Може и я такы розшупывь бы, хочь пяте черезь десято. може якесь тамь слово и розжувавь бы; а то...

Борысь.

До того, про вищо мы вдвохь розмовляемо вамь клопоту ще нема.

Максымь.

Ще бь-то якь? Стало быть, я не зрозумію, чы що? Хиба думаете нась не вчылы по всякому розумить? Вчылы. Вчылы по морди и по потылицы...

Борысь.

Ну, не сердьтесь, Максые. Видь цего разу, я завжды розмовлятыму и зь вами про те, про вищо розмовлявь заразь зь Володымыромь.

Горновь.

Вже розсився.

Борысь.

Я здорово ноги натомывь. (*Бруте цыгарку, дали дае тютюнз Горнову*).

Горновь (до *Максыма*).

А цикаво бь було колы небудь послухаты, якь вась вчылы и чому?

Максымь (*сміетьця*).

Якь! Та кажу жь вамь, що по морди; а чому, такь то хытра штука. Бачте: привезлы до нась поваря, хранцуза—своихь новаривь було мало, тилькы трое, такь ще треба й хранцуза. А потимь привезлы садовныка нимця... Ото взяли й мене на кухню у навуку. Якь забалака хранцузь, я й вывалю очи на него; а винь заразь копысткою мене по лобови. Щось зь мисяць подержалы мене на поварни, та й прогналы. И хто его зна, що воно за знакь? Оце нибы вже и розумію, що те зветця такь, а те такь; а на завтра вже и забудь. Оце гука: „доне муа кюветь“. Це бь-то: дай мени кастрюлю; а я ему подаю сыто, або ополоникь. Винь мене заразь по лобови копысткою... Писля того, виддалы мене до садовныка. А той те жь, якь забелькоче, та вже по инчому... Чы правда тому, що кажуть нибы-то опричь нашего государства та е ще ажь симьдесять шисть государствь, а зь нашимь симьдесять симь и симьдесять симь языкивь?...

Борысь.

Бильше государствь и бильше языкивь?

Максымь.

Невже? (*Борысь подае ему тютюнз*). Та вы вже, будь ласка, сами мени зкрутить цыгарку, бо мои пальци, мовлявь, не до тонкого паперу зроблени. (*Сивз*). А яка чудова ничь: тыхо, тыхо, мовлявь, якь у вуси! (*Закурюе*). Чы воно на дощь оце затыхло, чы на витерь?

Горновь.

А вамь якь здаеця?

Максымь.

Та хиба жь вась цему не вчать?

Горновъ.

Ни не вчать.

Максымъ.

Якъ-то можна? Воно жъ повинно
стояты у тихъ книжочкахъ, що вы вчите?

Горновъ.

Не додывлявся я.

Максымъ.

Глузуете надъ дидомъ? Це мабуть
така правда, якъ колысь хотили забыты
мени бакы, що нибы гримъ видъ того,
що хмара объ хмару. стукаетця...

Горновъ.

А чы вамъ е годъ зъ шістьдесять?

Максымъ.

О бильшъ. далеко бильшъ. Я вже
парубкомъ бувъ, якъ хранцузъ наступавъ.

Горновъ.

Ну, то вамъ теперь однаково: чы
той гримъ зъ тучи, чы зъ кучи.

Максымъ (*сміється*).

А бодай васъ, шуткуете. Дай Боже,
мовлявъ, шутковаты, абы не плакаты...
А отъ нашъ пьсарь, такъ той вгадуе:
чы годына буде, чы негода; тилькы на
хвылыну загляне у книжочку и заразъ
вгада.

Горновъ.

То жъ книжочка вгадуе.

Максымъ.

Эге жъ, калыптырь.

Горновъ.

Не калыптырь, а календарь, котрый
и вгадуе.

Максымъ.

Ой ни, не кажить! Винъ и ружо
може замовыты!.. Чы вирьте, що разъ
якъ замовывъ мени оцю рушныцю, дакъ
ничогисенько не вдіешъ: чвыркъ та й
чвыркъ... Мусывъ вже постановыты ему
пывкварты.

Горновъ.

И направывъ?

Максымъ.

Ще й якъ направывъ!

Горновъ (*звѣхнувъ*).

Довго ще по селахъ отаки мудріи,
якъ вашъ пьсарь, морочытымуть мырянъ!

Максымъ.

Отъ же вы й не вирьте?

Горновъ.

Годи вже й того, що вы вирьте.

Борысь.

Отъ про це мы зъ вами и распоч-
немо балачку, якъ вдруге пидемо на охоту.

Максымъ.

Колы бъ швыдчъ. Я хоча и старый,
а ще цикавистъ мене не видцуралась.

Борысь.

А якъ тутъ чудово! Я бъ оттакъ до
самисенького свиту просыдивъ!

Горновъ.

Выгадай пивтора людського: Що тутъ
красотнего? Жабы квакають, видъ ставка
муломъ несе, пидъ ногамы вохко, ажъ
джвякотыть; а нежита тутъ такого здоро-
вого можна схопыты...

Максымъ.

Еге! що й въ тыждень, мовлявъ, не вычхаеся.

Горновъ.

А бисови комари ажъ печуть!

Максымъ.

А вы обкурюте себе. Оттакъ навкругы пускайте дымъ, та колы бь ще цыгарка зь махоркы, то та погань и не наблызытця, втикатыме, якъ чортяка видь ладану.

Борысь.

Ты, Володька, не любишь поэзіи.
(Деклямуе).

„Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо, звѣзды блещуть,
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ“...

Горновъ.

Що ничъ? день по моему краще!
Та то жь куды не споглянешь, скризь чаруе и захоуе тоби очи роскишна прырода и скилькы сягне поглядь, геть зеленіе и квитчаецця круговидь у тысячахъ одминныхъ фарбь! Споглянешь на нывья и не мовь зачаруеся и ввипеся очыма и не видорвешь ихъ видь рясного колосу, що нобы нальваецця и спіе спильно зь твоею думкою!

Максымъ.

Все то видь Бога! (Зитхнуе). А конешне, день краще.

Горновъ.

Станешь у обидню добу посередь поля: сонечко прыпека, а надь головою и навкругы спивь, щебетанне, вылыскуванне, стогинь и смихъ... И нобы той сумь и весилле побылыся обь закладь и

намагаютця переважыты одно другого! И бачышь ты и чуешь, якъ кожна пташка, кожна кузочка, навить, комахка манисенька, незрозумилою, але чаривною псенею хвалыть Божый мирь, кохаючыся у его тепли... Чы такъ, Максиме?

Максымъ (задумався).

Ще такъ, ыменно. що такъ!

Горновъ.

А доводилось тоби, Борысе, бачыты колы небудь такой малюнокъ: страшенна спека. Сыдыть на обнижку мужыкь— гречкосій, стомлений винь, якъ мрія безнадійного хворого, зашмаленый, якъ негръ, груди ему здіймаютця шыроченно и часто, мовь у пидстреленого орла, а поглядь, то блыскавкою замыготыть, то згасне?.. А на вкругы его спильный колось чужой ныви гчетця и шелестыть и нобы голосно промовля: „Годи, сиромо, спочываты, вставай!“..

Максымъ.

Еге, вставай, косы!.. А свое нехай хочь высыплетця.

Борысь.

И все ты вернешь на сумни малюнкы.

Горновъ.

И кожный интелегентъ повиненъ вернуты свій розумь у цей бикъ. Це не поэзія, а проза, и ии я, люблю и ий присвячую вси мои званна, сылы и думкы... Одначе, пора вже до дому, бо я й справди скоро чхатыму.

Максымъ.

А пора, пора, бо ничъ, мовлявъ не жде... А мени ще треба до свита вставаты та за косу прыйматись, тамъ треба, выкосыты смужку ячменю шынкареви...

Борысь.

За позыку?

Максымъ.

За процента: чотыри карбованьци позычывъ у него въ осены, дакъ це за процента.

Борысь.

Це здырство!

Горновъ.

Ни, це сельска новомодня поэзія. Пожывешъ на сели, то й побачышъ... Отоди-то вже запевне довидаеся, що цікавище: чы ничъ зъ жабъячымъ кваканнемъ, чы що инче?..

Максымъ.

А чому имъ и жабъ не слухаты? За молоду и жаба за соловейка здастця, а пидъ старистъ и соловейко не розваже. Хиба имъ прийдетьця гирко працюваты за батьковыми плечыма?

Борысь.

А вы думаете, що я цилый вѣкъ сыдитыму та дывытымусь, якъ други на мене роблять?

Максымъ.

А чому-бъ вамъ и не сыдиты?

Борысь.

Ни, це въ стыдъ було бъ мени. Я, щобъ вы знали, наважывся самотужъ спробуваты усяку тяжку роботу, наумисне за для того, щобъ на власныхъ плечахъ зважыты усю ту вагу й працю, пидъ котрою згынаетьця нашъ хлиборобъ.

Максымъ.

Далеко заіхалы! Не сылкуйтесь, шкода и заходу, не здолаете.

Борысь.

Не покоштувавшы, не скажешъ на гирке, що воно гирке. И зновъ, якъ кажуть: піймавъ не впіймавъ, а погнатця можна.

Максымъ.

Хиба! Воно може спершу и сцикавытця, а дали остогыдіе. Вы думаете, що то шуточки, хочъ бы й косою попомахаты пиле лито? Якъ прыпече зверху й зъ середины, то й косу жбурнете геть.

Борысь.

Побачымо!

Максымъ.

Якъ то можно чоловикови не прызвычайному?.. (*Далеко чутно парубоцькый стивъ*). Онъ, чуєте, якъ хлопци задержаютъ? Здаетьця, що у литку такъ вже воно тоби наробытця, що ажъ попухне ему тамъ въ середины, то спало бъ краще такъ ни,—якъ тильки ничъ прийшла: выгукне та выпивуе!... И колы воно спочывае?

Борысь.

И я колысь оттакъ выгукуватыму.

Горновъ.

Дай Боже нашему теляти, та вовка зысты!

Максымъ (*сміетья*).

О, бодай васъ! Такъ спершу жъ треба его впійматы, а зысты не штука!

Горновъ.

Онъ якъ я, такъ вже чотыри роки ламаю того вовка на угонкахъ, та ни якъ за вязы не вхоплю. А отъ, якъ спроможусь скинуты зъ шыи двадцять тысячъ довгу...

МАКСЫМЪ (*ажъ крикнувъ*).

Двадцять тысячъ? Сума!

ГОРНОВЪ.

Було бильшь, це вже тильки решта.

МАКСЫМЪ.

Якъ же це вы таку сылу зачепылы!

ГОРНОВЪ.

Не я зачепывъ, а опекуны. Доки я вчывся, та въ книжочку задывлявся, а опекуны мои хазяиновалы, та й дохазяиновалысь до того, що мало-мало не впеклы земли зъ аукціону?

МАКСЫМЪ.

Якъ то зъ авкціону?

ГОРНОВЪ.

Стало быть, зъ молотка...

МАКСЫМЪ.

Скажи, голубчыку.

ГОРНОВЪ.

Ну, та теперъ вже мени далеко лехче; а згодомъ дасть Господь и зовсимъ выкручусь. (*До Бориса*). Отъ, братухо, якъ поїдемо завтра до мене, побачышь мою школу. Яки е розумни хлопчакы, душа радіе, дывлячысь на той роскышний первоцвѣть.

МАКСЫМЪ.

Вчылы й мене ззамолоду те жъ на каларнети граты, якъ ще у насъ у двори була своя капелія. Багато лозы зопсувалы на мой шкури, смугъ, та цурупалкывъ до биса на тили позаставалось; а я таки якъ затявся однимъ лыцемъ: не хочу, та й годи!.. Та такъ и вытурылы зъ школы.

ГОРНОВЪ.

И погано зробылы, що не вывчылысь.

МАКСЫМЪ.

Невже?

ГОРНОВЪ.

Чому бъ чоловикъ не навчывся, на кларнети граты, чы якому ремеслу—воно николи ему не зашгодить.

МАКСЫМЪ.

У насъ добра була и пивча: спивалы не тильки такихъ писень, а и по Тыльянскому... Ще й теперъ е де хто зъ пивчыхъ, то якъ зберутця де у беседи, за разъ и спиваютъ... якось такъ вона н слова: „зукъ унили харькопляны“... (*Глянувъ ненарокомъ у бикъ и побачывъ Оксану, котра, побачывши его, зупынылась на гребли и нобы прылытла до сербы*). Онъ воно що!.. (*До Бориса*). Ну, пора вже до дому, бо льбонъ вы комусь ынчому теперъ бильшь у прыгоди станете, нижъ мени.

БОРИСЪ.

Що вы кажете?

МАКСЫМЪ.

Та то я... Я иноди зо стару таке плету, що й самъ до купы не зберу.

ГОРНОВЪ (*спива*).

„Ой, пора, вже пора, намъ, братця, до дому!“...

МАКСЫМЪ.

Вже й вода, мовлявъ, скоро засне. Отъ же дивчына та й до зори очей не заплюще, все ждатыме чорнобрывого.

БОРИСЪ.

Яка дивчына?

МАКСЫМЪ.

А моя старенька! Це жъ я про свою зозулечку! (*Борисъ простяга ему ру-*

ку). Отъ же я й не вмю по вашому чоломкатысь. Якъ здавлю, бува, билу та пухку ручку, то щобъ часомъ не розгнивалысь. (*Бере его руку злегенька*). Ачъ, яка выкохана! Шкода зъ такымы руками та до плуга! (*До Горнова*). Що жъ и зъ вами чоломкатысь, чы якъ?

Горновъ (*протяга руку*).

А звычайно!

Максымъ.

Оця вже рука трохи на мужычу скидаеця: кистлява, та въ пухыряхъ. Ну, спасыби жъ вамъ, паныченькы, що вы не гребуете нашымъ братомъ, сыволапымъ хохломъ...

Борысь и Горновъ.

Спасыби й вамъ, що пополювали зъ нами.

Борысь.

Такъ вы, Максые, все жъ такы не ймете мени виры?

Максымъ.

Де жъ та, панычу, вира у мене визметця, колы я ин давно выгнавъ зъ своего двору? А ну, чы не сила, бува, яка качечка на плеси? (*Вашляе*). А тась до дому, бо лысычка голову видгрызе! (*Дывытця на Оксану*). Ачъ, яка не положлива!.. (*Пишовъ*). Чы я жъ ото?

Борысь.

Пидемо жъ и въ ту недилу на охоту, приходьте тилькы ранищъ!

Максымъ.

Може тоди, якъ старецъ зъ десятого села вернетця?

Борысь.

Ни, до зори!..

Максымъ.

Добре, прийду! (*Борысь и Горновъ идучы на греблю спиваютъ; имъ на зустрічъ Оксана*).

„Ой, пора, вже пора,
Намъ, братця, до дому!“..

Борысь.

Бачъ, про яку качечку Максыемъ натякавъ, чы й не хытрый же дидуганъ?

Я в а 5-а.

Ти жъ и Оксана.

Оксана.

Чы не дыво? Я й чую, що балакають та ни якъ не розберу—хто и зъ кымъ. Ажъ це ось хто! (*Протяга руку Горнову*).

Горновъ.

Давненько мы зъ вами не бачылысь.

Оксана.

Хочъ бы одвидалы и не соромъ вамъ? Було заідзыте частенько, а це вже зовсимъ насъ зацуралы. Хочъ бы забили за книжкымы що понадавалы, я вже ихъ вси перечытала.

Горновъ.

Николы було, теперъ робоча пора. Та на-що намъ вже й одвидуваты васъ, колы кращи видъ насъ прихалы?

Оксана.

Вы кращи зъ одного боку, а ти, що прихалы—зъ другого.

Горновъ.

Чы не по телятко оце вы йдете?

Оксана.

По яке телятко?

Горновъ.

Та це жь у инчыхъ дивчать така одмовка, якъ зустринетця зъ парубкомъ, заразь и каже: „теляты шукаю“.

Оксана.

Ни, я кого шукала, того знайшла.

Горновъ.

Тобъ-то мене?

Оксана.

Та й вась...

Горновъ.

А кого бильшь бажалось бачыты?

Оксана.

Почнить дратуваты!.. Обохъ однаковисенько!

Борысь.

А мы оце, Оксанко, думалы до тебе зайты.

Оксана.

Мабуть? Чую, гомоняты, та й гомоняты, та все на однімъ місцеви, ще хтось почавъ и спиваты?

Горновъ.

То я пробувавъ голоса. А правда чудовый голосокъ? уси жабы замовкы и въ кушырь поховалысь, якъ зачулы... А татусь вашъ дома?

Оксана.

Ни, нема, пишы зъ вьятирамы по рыбу.

Борысь.

Це шкода! Якъ же це мы не зустрілы его по течин?

Оксана (*показуе рукою*).

Воны у той бикъ пишы. А хиба, якъ батька нема дома, то й у хату не можна зайты?

Горновъ.

У ночи? А поговиръ, а людське пащекуванне?

Оксана.

Повно вже й такъ того поговору, вже бильшь и нукуды...

Горновъ.

И вамъ це ничего?

Оксана.

Це вже моя печаль. А вась, Владымырь Петровычъ, и пизнаты не можна: бороду запусыты та зашмалылыся, якъ цыганъ...

Горновъ.

Наважывся вже у диды-пасишныкы запысатысь! (*Чае*). Оттуды! (*Борысови*). Бачь, я жь тоби казавъ, що нежита зхоплю... (*Чае*).

Борысь.

Шпычка въ нись!

Горновъ.

Хай ему бись! (*Ще чае*). Ну, годи, або що! Дайте жь, Оксанко, надывтыся на вась! Давненько, давненько не бачылысь... Змарнылы... (*Дывытця ий у вичи*).

Оксана.

Та годи-бо вамъ вдывлятысь, ще зглазыте! (*Смѣтця*).

Горновъ.

На те Богъ давъ мени очы, щобъ закохуватысь тымъ, що красуе поглядъ.

ОКСАНА.

Це бь-то я така красуня?

ГОРНОВЬ.

А то жь и ни?

ОКСАНА.

Годи вже вамъ шуткуваты!

ГОРНОВЬ.

Тутъ не шутки, я маю вамъ сказаты шось таке, що и ворожка не вгадала бь.

ОКСАНА.

Цикаво!

ГОРНОВЬ.

Воно й давно вже належало бь вамъ про це довидатысь... Слухайте жь, сегодня я вже зовсимъ переконався, що Борысь у вась души не чье.

ОКСАНА (*ховае очи*).

О цего, то вже зовсимъ не слидь казаты... Можна шуткуваты, а це вже... Що вони, спасыби имь, мене жалуютъ...

БОРЫСЬ.

Тилькы жалую?

ОКСАНА.

А бильше ничего не повинно буты... и не слидь, и не до речи!..

ГОРНОВЬ (*глянувъ на ставокъ*).

Отъ же й справди пара качокъ прылетила! (*У бикъ*). Я тутъ зайвий! (*Хутко пшовъ*).

БОРЫСЬ.

Ты мене бьешь у сердце циею одповиддо.

ОКСАНА.

Колы що й розцвита у сердцеви, то нехай воно тамъ соби й заглуштыця.

БОРЫСЬ.

Ни, Оксанко! не звьялю и не заглушу я въ своимъ сердцеви тїен рожевой квиткы, що такъ любо и роскишно розцвита.

ОКСАНА.

Мусыть завьянуты! Не слидь хвылыннымъ поломнемъ души, котре згасне видь малого подыху витру, розжеврюваты мову; не слидь вльваты у слово мымолетючий рай души, бо те слово влетыть въ ухо тїй людыни, котра повинна боятысь его, якъ смерты!..

БОРЫСЬ.

Де жь та смерть?

ОКСАНА.

Якъ де? У вашїй оцій мови! Жьлывалы вы мене до цего часу, и я була щаслива... Не одіймайте жь у мене вашой ласкы?

БОРЫСЬ.

Колы мы любымо одно другого?..

ОКСАНА.

Оттуть-то й горе! Не треба, не треба!

БОРЫСЬ.

Чому жь не треба?

ОКСАНА.

Вы пытаете? Ну, колы вамъ не шкода мого сердца, шматуйте его!

БОРЫСЬ.

Я не розумію твоихъ полохлывыхъ ричей! Не вже жь ты дывысса на мене, якъ на паныча—дурывита?!

ОКСАНА.

Знаю, що вы не дурыте мене... а тилькы такъ не слидь, не прыходыця!.. Колысь ще давно сказалы вы мени одне слово,

и тоди воно страшнымъ мени здалось и не зрозумилымъ; а тепера воно здаеця мени ще страшницымъ!.. Сказали вы: я тебе люблю! Два роки боролась я зъ собою, докы здолала видсахнуты те слово видъ своєї души... Не розворушуйте жъ того ще теплого попилу, бо якъ розжевриетця—горе мени буде!

БОРЫСЬ.

И ты хочешъ сыломиць зупыныты половодде почуття?

ОКСАНА.

Зупыню!

БОРЫСЬ.

Не вирю! Хто зможе заборонити нашому коханню? Де та сыла, що зможе загардувати намъ шляхъ до щастя?

ОКСАНА.

Е сыла страшенна, не здоланна сыла!

БОРЫСЬ.

Де вона? Яка сыла? Чы... може... ты ынчого кохаешъ? Ну, тоди...

ОКСАНА (*дывитьця ему въ вичи*).

Паньчу! Надъ умираючымъ и ворогъ не знущаетця!

БОРЫСЬ.

Просты мене, Оксанко, я може не такъ спытавъ, я...

ОКСАНА.

Охъ, на вищо жъ та сыла, мовъ муръ, стала про межъ насъ стиною высокою, безкеткою глыбокою!..

БОРЫСЬ.

Що я панського роду, а ты простогъ?

ОКСАНА (*зарыдала и кинулась ему на шыю*).

Люблю, люблю, люблю!.. Губить, або мылуйте, я въ вашій волі!..

Я в а 6 - а.

Текля и Соломія (*здалеку*).

Текля (*тыхо*).

Бачышь, бачышь, якон вона грамоты вчытця! Ходимъ же мерщій и всимъ роскажемъ! А ты бижы у горныци и усе роскажы пани!.. (*Шислы*).

БОРЫСЬ (*цилуе Оксану и туле їи до серця*).

Щасте мое! Свите мій! Зоре моя! Оксанко, Богъ свидокъ, що я твій! Въ тоби одній вся моя сыла, вси задумани й закохани мои мрії!.. Ты те ясне проминне, котре освичуватиме вси мои замиры! Ты та довичня и мицна сыла, котра свижытиме и окрылатиме мои надї!..

ГОРНОВЪ (*вернувся и каже у бикъ*).

Оттакъ бы й давнищъ! (*Голосно*).
Сторожки каналськи качата и на пивторста ступенивъ не пидпустылы!..

ОКСАНА (*видсахнулась*).

Не знаю, куды завезде мене мое серце?.. На его волю теперь здаюсь! Я довго зъ нымъ пеклувалась, нехай же й воно теперь догляда мене!..

БОРЫСЬ.

Я буду твоею ненею, твоимъ поводаремъ!..

ГОРНОВЪ.

А я дывлюсь и радїю! Чого? Мабуть того, що е за для кого въ свити жыты!.. Оксано, дайте вашу руку! Борысе! (*Взявъ ихъ за руки*). Дывитьця

мени въ вичи, прыдвляйтесь пыльно, якимъ безкраимъ щастемъ вони запалалы! Прыслушайте до мого серця, якъ воно чуло бьетця!.. Я щастливый, щастливый чужымъ щастемъ! Ни, не чужымъ: людське щасте—мое щасте. О, колы бь такі хвылыны оберталысь у часы, чоловікь бы бувъ безсмертнымъ!..

Оксана.

Яка вы щыра душа, яка жь щыра людына! Тилькы теперь я довидалась. Я вже й не знаю, якъ вась найлюбище звелычаты, хиба братикомъ? Братыку любый, братыку дорогий.

Горновъ.

Це слово святе! Такъ, стало быть, сестра?

Оксана.

Щыра и вирна!

Горновъ.

Заховаймо жь, сестро, цей заповидь въ серцяхъ нашихъ глыбоко! Такъ идемо на боротьбу и працю, не зь пидорваннымы сыламы, а зь веселымъ посмихомъ на устахъ, зь серцями повными святой виры и надіи?

Борысь и Оксана.

И Богъ намъ допоможе!..

З а в и с а.

Д і я 2 - а.

Черезъ тыждень писля першой.

Вулиця на сели. Зь правого боку хата Антона Завады, дали хаты й повиткы. Смеркає.

Я в а 1 - а.

Соломія и Текля (идуть вулицею).

Соломія.

Не спорь, сестрычко! Вже я добре знаю, що паныча зкрутять! Що дня пани й пань грызуть ему голову! „оженысь, кажуть, на ривни, то мы тоби й слова у поперець не скажемо“. Кажуть: „беры хочь голу й босу, тилькы щобъ не зь простого роду“... Черезъ те панычъ, мабуть, и зь дому поїхавъ, що обрыдлы вже вони ему своимы уреканьямы.

Текля.

Куды жь панычъ поїхавъ?

Соломія.

Та до свого жь прыятеля, до Володыра Петровыча. Поїхавъ, та й сыдыть тамъ.

Текля.

Та невже жь Оксана такъ здорово засила панычеви у думкы?

Соломія.

Ще й якъ засила! Сегодня пани поклыкалы мене у спальню, зачынылы двери, щобъ нихто не пидслушавъ, та й кажуть: знайды мени на сели яку—чы знахарку, чы знахара,—щобъ що небудь поробыты Оксани таке, щобъ панычъ видъ неи видсахнувся, щобъ вона ему спротывылась. Я заразъ и подумала: побижу до Текли,

Текля мени найкращу пораду дасть. Пани радниці дати дві сотні карбованьцівъ, щобъ тильки Оксану видлучыты видъ паньча. До кого бь мени кынутысь изъ знахаривъ, якъ ты думаешъ?

Текля.

Дві сотні карбованьцівъ? А колы паньча сподиваютьця до дому?

Соломія.

Сегодня не одминно прыіде, сегодня жь и сподиваютьця.

Текля.

Сегодня! Дві сотні карбованьцівъ?.. Ну, скажы, голубко, чымъ та Оксана такъ уподобалася паньчеви?

Соломія.

Прямо дывына!

Текля.

Чы у него очей нема, чы що? Нехай бы винъ за тобою впадавъ, то инча ричь, бо ты жь и зь лыця краща видъ Оксаны и зь постати!..

Соломія.

Чымсь вона его прывабыла.

Текля.

Сегодня, кажешъ, сподиваютьця паньча?..

Соломія.

Прышло пьсьмо, що сегодня прыіде.

Текля.

Чы не отой прыятель паньчивъ, Володымырь Петровычъ, и е прывидця до всего? Не даромъ винъ Оксани разь-уразь кыжыкы прывозе, га?

Соломія.

Якъ тильки прыздыть до нашихъ паньвъ, то першъ до Оксаны заіде, а потимъ вже до паньв. А иноди до паньв зовсимъ не заідыть, а тильки до Оксаны.

Текля.

Такъ двисти карбованьцівъ пани дасть?

Соломія.

Але я забалакалась зь тобою, а мени треба бигты на зустричь паньчеви, на той шляхъ, що зь Тытовой йде, черезъ млакы. Пани звелилы бигты туды и дожидаты, ажъ докы не іхатыме. „Якъ, каже, побачышь, що іде, то й гукай, щобъ поспишавъ до дому, кажы, що я недужа?“ Боитця пани, щобъ винъ не заіхавъ до Оксаны. У насъ теперь гости—Басюрыха зь дочкою. Лыбонь, стари паны мадыкують оженыты паньча на Басюривни? Прощай! (*Побигла*).

Текля.

Що жь-бы таке вчыныты, щобъ паньчъ видсахнувся видъ Оксаны? Така жь репана мугырка якъ и я та хоче зрбытысь панею, ачь куды потетюрылась!.. Ни, цего не повинно буты. Розбира мене злысть на неи!.. Чы не видимського вона кодла? Певно зилемъ паньча прычарувала?.. Бо що въ ній хорошого? Та ій до мене, якъ курци до павы!.. Прямо—горыть мое+серце на неи, не доведы Господы, якъ горыть!.. Пани дасть дві сотні карбованьцівъ, щобъ паньча видъ Оксаны видсахнуты!.. Що жь-бы таке поробыты Оксаны? А що, якъ я пидведу таку машыну, що Оксану парубкы покрыють на смитныку, щобъ вона не свитыла косою!.. Оце найкраще буде!.. Антонъ все зробе, що ему загадаю! Колы коха, нехай и робе по моєму. Скажу ему, щобъ намовывъ парубкывъ на Оксану...

Я в а 2-а.

ОКСАНА (*вышла з хаты и, постеригшы Теклю, гука*).

Здрастуй, Текле!

Текля.

Здрастуйте—не застуйте! Спасыби, що привиталысь, докы ще не зовсімъ запышались!

ОКСАНА.

Гниваецца на мене, чы що?

Текля.

Ба ни! А хочъ бы й гнивалась, то вамъ яка печаль?

ОКСАНА.

А я вже скучыла за дивчатымы и оце думала на вулицю питы!

Текля.

Справди? Ну, спасыби вамъ, що хочъ разъ на рикъ и про насъ простыхъ згадады!

ОКСАНА.

Не часто я буваю на вулицы, це правда, бо роботы, сестрычко, багато на моихъ рукахъ. Сама жъ знаешъ, що и хозяйствечко у насъ, слава Господеви; а я одна у батька, якъ палець—и въ хаты, и въ подвірри сама... А сегодня такы чогось мени скучно стало!

Текля.

Стало быть, вже въ волю и начыталыся и напысалыся?

ОКСАНА.

Зъ якои це речи ты мени выкаешъ? Титка я тоби, чы дядына? (*Сміється*).

Текля.

А якъ же я могу казаты вамъ „ты“, колы вы барышня?

ОКСАНА.

Неподобне выгадуешъ. Лыхо зъ тобою.

Текля.

Зоставайтесь здоровеньки, ваше високомордіе!

ОКСАНА.

Та ну-бо, не дурій, Текле! Чого це вона такъ люте проты мене?.. Лютуй соби скилькы хочешъ, байдуже мени!.. (*Приклада долоню надъ очыма, дывытця у подовжз села*). Нема и сегодня, не выдко, не іде. Сказавъ: „у середу вернусь“, а вже и четверъ, и пятинка мынула, сегодня вже й неділя, а его нема!.. Шість день нема его!... Дивно и ныбы ажъ страшно!.. Николю жъ ще не траплялось такъ, щобъ якъ сказавъ, що тоди-то прыбуду, та щобъ не додержавъ слова. Яка жъ прыгода трапылась? (*Зитхае*). Щось зо мною діетця, то й не зрозумію? Мовъ манія яка, мовъ шаленна хожу и не могу зупынытыся ни на жодній думци: мовъ курява круте вси думкы на вкругы головы!.. Тыснутця думкы въ голову якись все не знаеми, не зрозуміли!.. Може винъ злякався свого коханья? Самъ прызнався, а потимъ злякався!.. (*Помовчала*). Ни, я догадуюсь, це лукавый побратымъ, Володомыръ Петровычъ, вытворя таке: зупыня Борыса, щобъ мене подратуваты; завизъ его до себе, та й не пуска. Винъ не зна, яка то страшенна отрута закоханному серцеви, колы его хочъ на хвыльну одурять! А колы бь винъ довидався, яки иноди страшенни думкы посадають бидну голову, який темный острахъ обгортае душу,—не зважывся бь винъ у друге шутковаты зъ закоханнымъ серцемъ!... (*Задумалась, а дали усмихається*). Яки мы дурни закохани дивчаты, яки мы божевильни!.. Та ось хочъ бы й я:

сама, доброхить и наумисне полохаю свое сердце. Не бачыла жъ я Борыса два роки, якъ винъ ще вчывся у Кыиви, то жъ два роки, не шить день!.. Два роки не бачыла его и не страждала, а теперь, колы винъ мій, колы я власнымы устами вымовыла передъ нымъ свою душу, власнымы руками виддала ему свое сердце—сумую!.. И справди, яки мы дурни закохани дивчата! (*Задумалась*). Чы я така заздритна у коханни, чы ревныва? Чого жъ першъ никола й на думку мѣни не спадало его ревнуваты, а теперь я нибы хочу, щобъ винъ неодризно сыдивъ поручъ зо мною, хочу вдвлятысь въ его любви очи, слухаты его палку мову! (*Замовкла*). Якъ рыбонька весело хлюпошетця у свижий водыци, такъ и я колысь кохалась у своихъ мрїяхъ, никола не загадуючы, що дали буде, и ни якои надїи, ни якого незбутнего бажання не виховувала я въ свойй души; а теперь ти бажання не наче зкаламутылись и ажъ заклекотили?.. Що ихъ внесло въ мою душу, що ихъ навїяло? (*За лаштунками застукотили колеса*). Борысь?! (*Схопылася и вдвляється у темряву*). Винъ, винъ! Ондечки винъ їде и побратымъ лукавый зъ нымъ. Охъ, сердце жъ мое, яке ты щасливе! (*Кыва головою и нибы кланяється и тыхо промовля*). Пора, пора вамъ показаты свои ясни очи!.. Ага, и вы скучылы? Що то поручъ зъ нымъ сыдыть за людына? Пани якась, чы панна!.. Хто жъ вона? Але винъ обмынае нашу вулицю!.. Завжды їздывъ нашою вулицею, а теперь другою поїхавъ!.. Винъ не дывытця сюды!.. (*Гука*). Борысь Дмытровычъ! (*Побигла, потимъ вернуласть*). Поїхавъ! Це щось дывне!

Я в а 3-я.

Входьтъ Гордїй.

Гордїй.

Добрый вечеръ вамъ, барышня! Поз-

вольте для новаго знакомства вамъ рекумендувать меня. (*Простяга руку*).

Оксана (*у бикъ*).

Поїхавъ и не глянувь!.. (*Подает руку*). Зъ якои жъ речи ты мене барышнею звелычавъ?

Гордїй.

А какъ же ыначе, когда вы пукеть изъ белыхъ розъ? (*У бикъ*). И штобъ етакую красотку можна було отвергать?.. Вдывтельно! (*Голосно*). А вы мене позналы? Гордей Мыкытовычъ!

Оксана.

Торикъ, здаетця, бачыла я тебе въ городи. (*У бикъ*). Що то за панна зъ нымъ?

Гордїй.

То есть, позаторекъ, такъ ето вѣрная ваша правда. Ну, одначе я выдоу, што вы все жъ такы не забыли мене!

Оксана.

Памѣятаю! (*У бикъ*). И не глянувь и не привитався!..

Гордїй.

Можна присисты?

Оксана.

Сидай, колы маешъ зайвыи часъ. (*Сидаютъ*).

Гордїй (*у бикъ*).

И такую красоту, штобъ проминать на какую нбыудь другую? (*До неи*). Я все мое времня, даже занятое, готовъ одпысать у расходъ, потому, какъ значить, теперь усе мое чувствїе на лыце!..

Оксана.

Яке чувствїе?

Гордій.

А то, што какъ только увидивъ и страждаю, какъ рекрутъ на часахъ.

Оксана.

Ты про Катрю кажешъ? Чула я, що ты и сватавъ...

Гордій.

Тутъ вже не Катря, а другая лыходейка-злодейка! Катря, ето була моя глупая обшыбка!.. Позвольте вамъ объяснить, Оксанія, по батюшки, звенить на томъ, не впомню, но впрочемъ кажеться, безошыбочно, што Антоновна?

Оксана.

На вищо: „Антоновна?“ Эъ малку звавъ мене Оксаною, такъ и теперь звы...

Гордій.

Невозможно, потому што не авантажно и не культурно!.. Когда я исчо бувъ не воспытаной, тогда и понятие мое було мужыцкое!

Оксана.

А теперь ты запанивъ, чы якъ?

Гордій.

Разви не видно мово воспытанія?

Оксана.

На вищо мени ты оце все кажешъ?.. Морочышь мене!..

Гордій.

Оксанія Антоновна! Позвольте вамъ объявить опись моихъ стражданій: што теперь вже другой мой предметъ, а не Катря; што я чесно слово, и въ мысляхъ не имивъ, штобъ какой двушмышленной шкандалъ, чы какъ... Какъ увидивъ сышчасъ васъ и такъ себя теперь понимаю,

што согласенъ помереть и пуцай меня покладуть у розовой гробочокъ и на кладбыще одвезуть.

Жысть капейка,
Когда въ любви лыходейка
Абъ мине такъ понимаетъ,
Што эъ свита зжываесть!

Понятно вамъ, какая ето мука безотвѣтная любовь?!

Оксана.

Не второпаю я тебе! Чого тоби?... У мене голова дуже болыть...

Гордій.

Какъ не болить голови? Ето верная ваша правда! Тутъ увесь корпусъ заболить!..

Оксана.

Нибы щось палке и чуле говорышь, тилькы мова твоя якась хымерна?..

Гордій.

Што жъ, когда я не вмю говорыть по простому, по мужыцкому? Разви вы не можете понимать образованого разговору?

Оксана.

Того, що ты говорышь я не розумю.

Гордій.

Вотъ, когда мени горко, дакъ горко, што вы не можете понять мене... Одначе, позвольте поднести вамъ для времяпровождения канхветовъ? (*Дае канхветы*).

Оксана.

Я не жадна на ласочи.

Гордій.

Кушайте, наслаждайтесь, сколько влиз... сколько завгодно. Какъ я теперыча, зна-

чуть, на собственномъ жалуванні, дакъ етотъ супрызъ намъ пустякъ, и я каждой день готовъ зъ моимъ вдовольствіемъ на всяки сладки вещи!.. Кушайте, кушайте... Ну, только подумайте объ моемъ несчастіи!

Оксана.

Адже ты бачывъ, то панычъ поіхавъ заразъ вулицею?

Гордій.

Ничаво я не выдавъ! Я свиту Божого не выдю! Ну, выдю только свое горе! И што только я горости терплю пры своемъ совокупномъ разужасномъ чувствіи, дакъ ето даже вдывытельно! Позвольте вамъ подарыть кольцо залатое?

Оксана.

Зъ якои речи?

Гордій.

Такъ значыть вы безъ никотораго вниманія понимаете объ мине?.. Ни канхетовъ не хочете кушать, ни подарка золотого не берете, за што жъ такая вжасная тыранія? Забросаю жъ я ето кольцо, когда такъ, въ Дунай быстру риду!.. Пущай погыбаеъ ты съ полтыною! Мине теперъ до такого иронія доходить, што пущай други какъ хотятъ объ васъ понимаютъ, ну, я, когда на то идетъ, готовъ въ огонь и въ воду!..

Оксана (*у бикъ*).

Шо винъ такъ плете? (*Встае*).

Гордій.

Я слышалъ сыпчасъ отъ одной деревенской барышни, какъ объ васъ никотори люде скверно понимаютъ, што готовы бросыть васъ на безславіе и все прочее... Ну, одначе, хоча мы и не зъ дворапъ, а на такой пассажъ, штобъ имить у

своихъ мысляхъ такое вальварское понятіе—не согласни!..

Оксана.

Кажы-бо товкомъ, щобъ я тебе хочъ зрозумила!

Гордій.

Разви вамъ исчо не объяснялы?

Оксана.

Шо таке?

Гордій.

Уся тепера деревня гаворыть, што гаворыть, нашъ панычъ женытця на какойсь памещыцькой барышни, такъ вотъ какая симпатія!

Оксана.

Шо-о? Ты пьяный, чы?.. Видъ кого ты це чувъ? (*Схотылася*).

Я в а 4 - а.

Т и ж ъ и Текля.

Текля.

Видъ кого? Дивно! Усе вже село гвалтуе, невже ты не чула?.. И не бузуйри! Звивъ тебе сердешну зъ ума, а теперъ сватае вже другу!.. Я, якъ почувла це, ажъ заплакала!.. Знаешъ шо, бижы ты заразъ прямо въ горныци и мовъ кишка скажена кынся ему въ вичи!..

Оксана.

Та вы це умовылысь мене драгувати, чы серце мое вамъ здалось на выграшку, чы жылы зъ мене хочете тягты? Одынь плете якусь нисенитныцю, друга сычыть якъ гадына!..

Гордій.

Ну одначе, до свиданія! Я пры етакихъ беседахъ не намирень присут-

ственно быть. Но когда заспокоитесь, Оксана... такъ вспомнить, што есть одынь такой человекъ у вашымъ предмети, што въ огонь и въ воду!.. (*Пишовъ, граючы на гармоніи и тыженько підспивуючы*):

Я всю Хранцію объездылъ,
Не найшовъ своей мылой,
И въ Расею возвраться,
Не заставъ ее жьвой!..

ОКСАНА.

Текле! Кажы правду, що ты чула про паныча?

ТЕКЛЯ.

Оце тебе, Оксанко, Богъ карае, щобъ не чарувала паныча, щобъ не ходыла до схидъ сонця по непочату воду, щобъ не носыла у пазуси любыстку и всякого зилля!..

ОКСАНА (*нетерпљиво*).

Це все я, я таке коила?.. Ну, добре, нехай я... Такъ, я видьма, я чакливыця?.. Яка жь мени кара за це?

ТЕКЛЯ.

А така, що панычъ Борьсь посватяся на панночци, на Басюрышыній дочци!

ОКСАНА.

Ха, ха, ха! Це ты все нарочыто? Ну, ну, що жь дали?

ТЕКЛЯ.

Регочешъ? Такъ знай же, що панычъ ще позавчора посватяся. Завтра й до виньця ідутъ! Не вирышь? Ходимъ заразъ до горныць, сама побачышь. Тамъ вже такой бенкетъ иде!.. (*Тягне її*).

ОКСАНА.

Ходимъ!.. Ходимъ, нехай я своимы очыма побачу... Очамъ не повирю, одно

тыльки сердце!.. (*Идутъ. Тилькы шо видійшылы видъ хаты, якъ зъ за тыну набига юрба парубкивъ и заступаимъ дорогу*). Це що таке?

ТЕКЛЯ.

Якъ що? Це жь тебе заразъ звинчають!

Я в а 5 - а.

ПАРУБКИ (*хапають Оксану*).

Годи тобі, красуле, дивуваты!

ОКСАНА.

Пустишь, пустишь мене!

ТЕКЛЯ.

Затулить мерщій ій рота, щобъ не гвалтувала... (*Парубкы завьязують ій рота. Текля зныкае*).

1-й ПАРУБОКЪ.

А въ кого той очипокъ, що на смитныку знайшы, давай его сюды! Давайте мерщій мазныцю, вымажемо ій голову, щобъ не свитыла косою.

2-й ПАРУБОКЪ.

На, осьдечкы! (*Подае на палыцы забрудненый очипокъ*).

1-й ПАРУБОКЪ.

Мерщій несить мазныцю! (*Наважаетця надить на Оксану очипокъ, вона кусае вму руки*). А, ты ще й кусаеся? Ахъ ты жь чортова нехлюя, хвойда всеевитня! Де мій нижь? Я ій заразъ видчекрыжу косу, по саму рыпыцю!.. (*Выйма зъ кешени ножа*). Спывайте, братця, весильнон!.. (*Парубкы спывають, регочучы*).

„Свадьба иде,
Ракъ у дудку дме,
Черепаха сваха,
Бузынова дудка“...

Оксана (*зирвала хустку зъ рота и не своимъ голосомъ галаснула*).

Гвалть! Рятуйте, хто въ Бога вируе! Братники, толубчыкы, Бога вы не боитеся?!

1-й парубокъ.

Що жъ це мазныци й досы не несутъ?

Я в а 6 - а.

Степань, Охримъ и ще парубны биять вулицею.

Степань.

А хто тутъ гвалтуе?

1-й парубокъ (*регоче*).

А осьдечкы паню хочемо покриты, такъ пручаетця, бисова тинь!

Степань (*пизнавъ Оксану*).

Катюгы! За що вы знущаетесь надъ дивкою?

1-й парубокъ.

Не знущамось, а хочемо честь ий воздаты по заслуги!

Степань.

Геть, ыроды! (*Выхоплюе у першого парубка ножа*). Черева вамъ распанахаю! Охрима! Гей, братци, дайте помочи! (*Степанъ тимъ часомъ выхопывъ зъ тыну килка*). Геть, бузовиры, собаки! Головы розчавчу!..

Охримъ (*зъ килкомъ*).

Ребра перетрошу!

1-й парубокъ.

Ну, ну, не дуже! Мы и васъ зкрутимо!

Степань.

Мене зкрутите? Ахъ, вы блазнюкы, щенята шолудиви! (*Борюкаютця*).

Охримъ.

Ще той на свить не народывся, щобъ мене зкрутивъ? (*Беркецнувъ одного до долу, а потимъ и другого*).

Оксана (*вырвавшысь бижыть до своєї хаты, але не добигшы, пада зомлилая*).

Степань.

Ходимъ, катюгы, до старшыны!

Охримъ.

Анахтемы! Въ холодну васъ! Пьянюгы чортови! (*Вси гвалтуючы пишы селомъ*).

Текля (*пидходе до Оксаны*).

Ага, зомлила?.. Ой, що це у неи иде кровь зъ рота? Невже прыбылы, бороны Боже ще и дуба дасть? Щось рыпнуло дверыма! (*Побачышы Заваду, втикла*).

Я в а 7 - а.

Завада (*выйшовъ зъ хаты, позиха*).

Що воно неначе щось гвалтувало? Чы то може мени зъ просоння такъ показалося? Де жъ це Оксана? Отъ того вже я не вхвалывъ, щобъ у ночи тынятыся по городахъ, та по садкахъ! Сыдила бъ соби у подвирри и любисенько... Що це паныча Борыса такъ довго нема, кудысь поихавъ, та и загостювався, а Оксана безъ него неначе сама не своя... Колы бъ, бороны Боже, вона не закохалася. Треба бъ зъ нею про це побалакаты... Побалакаты?.. Та хто его зна, якъ его и балакаты? (*Гука*). Оксано! Оксано! Ни,

не чуть! (*Иде и натыкаецця на Оксану*). Шо це лежить? (*Придывляецця*). Оксана?!

Оксана (*шепоче*).

Охъ, не знущайтеса жъ надо мною!

Завада (*пидводе и*).

Господь зъ тобою, моя дытно! Кто жъ надъ тобою знущаетця? Та шо це зъ тобою? Ты вся закрывавылась!..

Оксана (*озыраецця*).

Бачте, яка правда на свити!

Завада.

Шо таке, доню?

Оксана.

Посватався, а мене бьютъ!.. Я ще жыва... Мою душу, мое сердце взяли и кынули ворогамъ на поталу...

Завада.

Шо-бо ты, доню, говорышь?

Оксана.

Очипокъ на мене надилы, покрылы... и косу одризалы... голова моя въ смоли!..

Завада.

Якый очипокъ?.. И коса твоя цила!.. Богъ зъ тобою! Чы це ты у снѣ, чы збожевилила?

Оксана.

Я покрытка!..

Завада (*зъ жахомъ*).

Покрытка?! Такъ ты осоромыла мою сиду голову?!

Оксана.

Осоромыла?!.. Покрытка я, покрытка!..

Завада.

Зтыла ты мою голову, жывцемъ покляла мене въ домовыну! Спасыби, донечко! Спасыби моя утихо, моя порадыце... Одячыла за хлибъ за силь и за науку! (*Оксана кыдаецця до него*). Геть видъ мене, гадыно!..

Оксана (*не розуміючы*).

Гадына?.. За шо вы мене взычаєте?

Завада.

А шо жъ, хвалыты мени тебе, чы якъ? Клады жъ мене мерщій у домовыну, копай задалегидь яму!

Оксана.

Посватався, посватався! Згубывъ мене... Я вже не жыва, я въ домовыни... (*Крычить*). Выймить, выймить мене зъ домовыны, страшно тутъ, темно!.. (*Ухотылась за груди и зомлила*).

Завада.

Боже мій! Шо жъ це зъ нею? Зомлила! (*Несе и въ хату*). Охъ горенько, горенько! Видкиля жъ ты несподиване зъявылося на мою голову?.. (*Понисъ и въ хату*).

Я в а 8-а.

Гордїй (*засмученый выходе и зупынився посередъ шляху*).

Есть пѣсня, у которой гаворытця: што гаворыть... визьмы въ ручку пидстаету, разстрельны ты грудь мою!.. И какъ вжасно много мучительной горосты у етой самой пѣсни, какъ будто вона зъ мого стражданія описаніе! Оксанія Антоновна, какъ будто и въ резонъ не взяла мово чувства?.. И невжели жъ я должонъ быть погыбнутой чалавекъ? На какомъ основанїи?.. Ахъ, какъ вжасно мое сердце горыть! (*Помовчавъ*). Скольки я етаво

мамзельского товару не выдавъ у городи, ну кажетця такъ, што не одна исчо не завдавала моему сердцю такой тоскы-муки? Пущай у городи барышни и свою хвынозонию имеютъ въ красывомъ содержаніи, пущай будетъ въ настоящомъ хвасони и ихъ воспитаніе какуратное; и пущай вони и на речахъ бойки... Ну, тольки нѣтъ у нихъ етого самого вдывительного взгляду, одъ которого сердце кыпять!.. Тятенька говорылы, што за Оксанію Антоновною и прыданое **довжно быть какуратное и денежной капиталъ**... Ну какъ же не страждать? Што Оксанія мало воспитана, такъ ето мы поправымъ!.. А вотъ што кальця золотого не прыняла, такъ значть: аминь и шабашь!.. (*Задумався*). Тамъ, чы була у неи кака камерція зъ паньчомъ, чы не була, такъ ето пустякъ вниманія, мы у городи до етого безобразія прыравнодушылись. Главно дило денежной капиталъ. Чалавекъ безъ капитала, што швецъ безъ колодокъ, чалавекъ зъ капиталомъ всегда иментъ настоящий свой тыпъ у хорошей канпаніи. Аженився бъ соби, сышчасъ бы встругнувъ майстерську, взялъ бы подмастерна, двохъ малчыковъ, кватырю на большой вулицы и живы въ своемъ авантажи, какъ порадошной гаспадынь! Бульваръ тутъ, гостынныци, канпанія зъ воспитанными людьмы и получай благородное образованіе: на бильярти, у картъ, у кегли, кахвешантанъ... За пустякомъ все дѣло: капиталъ денежной надо иметь! Ахъ, какъ я страждаю, какъ я страждаю!..

Я в а 9 - а.

Степанъ (*иде вулицею, дуже згертований, потеризъ Г'ордія и зупинився*).

Хто це стовбычыть?

Гордій.

Свой чалавекъ! А ты обхадной, чы какъ?

Степанъ (*идийшовъ*).

Чого ты тутъ тыняеся?

Гордій.

А ежели у меня есть такой капрызь, што я не намѣренъ усякому объяснять?

Степанъ.

Вже ничъ давно, а ты вештаеся?

Гордій.

А хочъ бы й свить, тоби що?

Степанъ.

Ты бачывъ, яка тутъ була веремія?

Гордій.

Ничаво я не выдавъ и не хочу выдать!

Степанъ.

Онъ яки ыроды повылуплювались!

Гордій.

Ето ты про паньча? Да, неприятной шкандадь! Но ето случаетця не тольки въ деревни, а и въ городи. Тольки ето овсимъ не такъ надобно було, треба було хоть денежное награжденіе.

Степанъ.

А я думаю, що треба бъ було усимъ въязы поскручувать!

Гордій.

Каки въязы?

Степанъ.

А по твоему жъ якъ?

Гордій.

Кажетця, што мы розмынулись у понятіяхъ? Я гавару, што денежнымъ капиталомъ усяки такн дила можна зама-

затъ... А какъ мени вона нравытця... нравытця такъ, што хочъ сышчасъ въ Дунай быстру риду сторчъ головою...

СТЕПАНЪ.

Та що ты верзешъ?

ГОРДІЙ.

Гаварать, котри люде есть зъ понятіемъ, такъ гаварать, што гаварать: лехче чалавеку на души, какъ вонъ другимъ обь сваѣхъ печаляхъ обьявять. Значыть, какъ теперь выходыть такой предметъ, што, значыть, Оксанія Антоновна въ любви получыла ремызъ, дакъ какъ ты думаешъ, я черезъ етое самое возлюбывъ ии и страждаю безатветно-чыжало!..

СТЕПАНЪ.

Ничого не второпаю, що ты мелешъ?

ГОРДІЙ.

Выновать я, што ты такой безпоятливой? Ну, я по простому скажу тоби, што я хочу сватать Оксану.

СТЕПАНЪ.

Що-о? Ты хочешъ ии свататы?!

ГОРДІЙ.

Отчево жъ нѣтъ? Разви я такой непристойной, чы безъавантажной?.. Ежели панычъ теперь отказався.

СТЕПАНЪ.

Ты хочешъ ии свататы? Та ты зъ роду дурный, чы оце свижо скрутився?

ГОРДІЙ.

Какъ вона, значыть, була полюбовныця панычева.

СТЕПАНЪ (*вызвирывся*).

Полюбовныця? Анахтемо! Замовчы, бо тутъ тебе й чортяка злыжо!

ГОРДІЙ.

Што жъ ты крычышь, што ты командуешъ?

СТЕПАНЪ.

Якъ ты посмивъ сказаты на дивку таке гыдке слово? Та чы тямышь, що таке для дивкы честь? А. де тоби знаты! Колы ты у городи звыкъ хвоськаты своимъ нечестывымъ языкомъ, то тутъ не до речи твои городянськи норовы!..

ГОРДІЙ.

Дакъ я ничаво не пойму? Ежели жъ теперь уси гаварать?

СТЕПАНЪ (*дражнючи*).

„Гаварать, гаварать!“ чортова ты гаварака! (*Тыка его пальцемъ у лобъ*). А о тутъ у тебе, у цій тыкви, клочче, чы пире?

ГОРДІЙ.

Нѣтъ, кажысь, я пры своемъ понятіи!

СТЕПАНЪ.

Брехня, не вирь соби! Тебе, мабуть, ще зъ малку обикрадено! Колы бъ у тебе свій розумъ бувъ, то ты бъ першь розмиркувавъ, що яка то мусыть быты страшна враза, колы людыну чысту якъ скло, взычають лыхимъ словомъ?

ГОРДІЙ.

Такъ значыть, ето олынъ тольки скверной разговоръ?

СТЕПАНЪ.

Я жъ кажу, що тебе дурнемъ охрестылы! Тьфу! (*Плюнувъ и пишовъ*).

ГОРДІЙ.

Што жъ ты тьфукаешъ, за што ты ругаешся? Отъ такъ хороший фельетонъ!

(*Степанъ зайшовъ вже далеко*). И я тобі скажу: тьфу! Важна особа!

СТЕПАНЪ (*вернувся*).

Ты-бо слухай, Гордію, що я тобі ще скажу!..

Гордій (*одступає з'лякомъ*).

Та то я плюнувъ у шутки!

СТЕПАНЪ.

Ты, мабуть, справди кручений? Я тобі скажу, послухай мого совиту: не бий ты даремно чобить, бо тильки підметки почовгаешъ!

Гордій.

Ну, у меня бакфорты на тройной подошви.

СТЕПАНЪ.

И языка зацепны на петельку, бо оддубасю такъ, шо ажъ пирье зъ тебе сыпатыметця!

Я в а 10 - а.

ЗАВАДА (*засмучений*).

Не знаю по яку бабку й кинуться? До пьсаря хіба пити, якъ що винъ ще й дома! И що таке зъ нею подіялося, ни якъ не розберу?

СТЕПАНЪ (*підійшовъ до него*).

Добры-вечиръ, дядьку!

ЗАВАДА.

Це ты, Степане?

СТЕПАНЪ.

Куды це вы налагодылысь иты?

ЗАВАДА.

Охъ, хочъ и не пытай, сынашу! У мене у господи таке лихо зкоилося, а зъ чого воно?..

СТЕПАНЪ.

Я все знаю... ходимо, я вамъ доро- гою роскажу! (*Пшилы*).

Гордій (*провисши изъ очыма*).

Одначе за што вонъ двечи обьявивъ меня дуракомъ? Ну, сколько живу, кажысь, ништо исчо изъ товаришывъ не обозначаывъ мене дуракомъ прямо у глаза!.. Сказано, какъ мужыкъ, дакъ и ни кото- рого воспытанія! А я тобі скажу, што самъ ты дуракъ двоухъэтажный, вотъ што! (*Пшиовъ*).

Я в а 11 - а.

Текля и Гордій.

Текля (*оглядаючысь*).

Ходыла до горныць, шепнула Соло- мии про Оксану, щобъ сказала пани про мою послугу. Пани дасть мини дви сотни карбованцьивъ!.. Я не знаю що й робы- тьму зъ такими гришмы, я й переличы- ты ихъ не зумію? А ну, що то теперь зъ Оксаною діетця: чы одійшла вона, чы захворила?.. (*Загляда у викну*). Ни- чого не выдко. свитло горыть и нибы никого нема въ хати!.. Ни, ондечкы Окса- на на вколюшкахъ стоить, Богу мольтця... А слезы, якъ градъ котятця!.. Та невже жъ вона такъ коха паньча?.. О, встае!.. Иде зъ хаты. (*Ховаецця*).

Гордій (*підкрався до Текли*).

Здрастуйте, барышня!

ТЕКЛЯ.

Охъ, якъ же вы мене злякалы!

Гордій.

Чаво жъ пужатця? Я не зверь дыкой какой! По какимъ такимъ диламъ?

ТЕКЛЯ.

А вы?

Гордїй.

Я по своимъ унутреннымъ... А вы навѣрно какогось кавалера ыскалы!

Текля.

Якого? Вы може натякаете, на котрого зъ нашихъ свынопасивъ?

Гордїй.

Будто вамъ не одынъ зъ вашихъ кавалеровъ не ндравытця?

Текля.

Хай воны уси хочъ и заразъ повыздыхають!

Гордїй.

Одначе жъ я слыхаль, што вы зъ Ахремомъ любовь крутылы?

Текля.

Бачъ, бачъ! Я жъ кажу, що я усимъ кисткою въ горляньци засила! Господы, Господы, здаетця никого не зачепашъ, никому не заважаешъ!..

Гордїй.

Полно печали-тоскы, не стоить на ето внимать никоторого обращенія.... Такъ кого жъ вы ыскалы?

Текля (*сорожно*).

Ще й пытають?!

Гордїй.

Неужели меня?

Текля.

Догадайтесь! Якъ прїхалы вы въ село, якъ побачыла я васъ... Ни, не хочу казаты, бо мени стыдно!.. А для чого бъ я васъ передъ усима выхваляла?.. Отъ, кажу, парубокъ, настоящий кавалеръ, не нашимъ замазурамъ ривня?

Гордїй.

Такъ неужто я вамъ индравлюсь?

Текля.

У него, кажу, и поглядъ соколыный, и хода молодецька, и хватка, и речи его улеслыви та прыятни!.. Кды чую, вы задумалы посылаты старостивъ до Катри... Якъ почувла я це, то мало-мало не зомлила!..

Гордїй.

Ахъ, не досадуйте вы меня Катрею! Какъ вона есть глупая, такъ я больше не дурыкъ и ето просто була моя глупая обшыбка.

Текля.

Знайшлы кого свататы! У неи разъ-разъ зъ рота слына котытця, а на плечахъ та на стегнахъ оттаки чырякы; вона зъ чырякивъ николы не выгоуетця?

Гордїй.

Будто? Вотъ такъ категорія! Ну, благодарю вамъ, што вы мени глазы одкрылы! Позвольте предложыть вамъ канхвентовъ?

Текля.

Ни, спасыби! (*Бере*).

Гордїй.

Возьмитъ, возьмитъ исчо. (*Текля бере*). Ето намъ не вбытокъ.

Текля.

Люде, якъ спизнають, що я беру видъ васъ гостыньци, що скажуть?

Гордїй.

А што жъ воны? Воны ничаво не магутъ.

Текля.

„Не магутъ“? Та якъ тильки дивляються, що я васъ люблю!.. Охъ, що жъ оце я сказала?

Гордій.

Повторить! Сдилайте исчо разъ репетицію етимъ довольно прыятнымъ сценамъ...

Текля (*закрываетця рукавомъ*).

Охъ, соромъ же який!

Гордій.

Никоторого сорому! Когда такъ, то позвольте васъ спросить: какое у васъ прыданое?

Текля.

Яке прыдане! Насъ дви у батька. Я та меньча сестра, Мокрына. А мы люде заможни...

Гордій.

Дастъ вашъ папаша пятьсотъ рублей? Або на худой конецъ чотыреста?.. Нынче главна статя, штобъ свою майстерську!.. Ежели дастъ хочъ трыста пятьдесятъ и въ тотъ сикундъ я уже у васъ улюбленъ!

Текля.

Я знаю одне тильки, що у мене своихъ буде пивтораста карбованьцивъ, барыня подарують.

Гордій.

Не можеть быть? Ей-Богу, я въ васъ уже улюбленъ! Позвольте вамъ подарыть кальцё залатое!

Текля.

Не хочу, не хочу! Ни за що на свити!

Гордій.

Какъ же вы можете дѣлать такой равнодушный отбой улюбленному чалавеку? Гавару вамъ, што я вже страждаю объ васъ и што сердце мое кыпять и пузыреть, какъ настояща шевська смола на вогни!..

Текля.

Охъ, якъ же вы палко, та хорошо говорыте! (*Змыляетця до его грудей*).

Гордій.

Вамъ индравлютця мои речи? Я васъ тоже воспытаю, Текля... какъ васъ по башки, звыныть на томъ, не впомню?

Текля.

Свырыдивна.

Гордій.

Свырыдя, значыть, буде по благородному: Спырыдоній? Текля Спырыдонивна! возьмите кальцё залатое, бо какъ не возьмете, забросаю его въ Дунай-быстру рику, пушай погыбаить тры съ палтыною!

Текля.

Я жъ стыдаюсь! Надиньте его сами на мій палець! (*Гордій надивъ*).

Гордій.

Теперь позвольте васъ неравнодушно рощилувать, какъ собственноручную невесту!

Текля.

Охъ, який стыдъ! Не хочу, не хочу! (*Гордій цилуе и*). Що-бо вы робыте?

Гордій.

Не скисняйтесь, потому што это отъ вжасного, не равнодушного чувствія!

Текля (*цилуе его*).

Охъ, шо жъ це я зробыла? Я й цилуватыся до ладу не вмю!..

Гордій.

Одначе вашъ поцилуй сладкой, какъ карамель!

Текля.

Це я уперше на своимъ вику цилую парубка!.. Цытьте, цытьте!.. Щось гомонить, чуєте? Ходимо, ходимо мерщій звидци!

Гордій.

Ну, я вамъ теперыча объясню, што я васъ зперначалу должно быть не розглядивъ, кака вы ость красотка!.. Но теперъ выдю, што вы, какъ настояща хватаграфія, маслянымы краскамы спысана, чесно слово! Толькы бь хочъ 300 рублевъ пры васъ авантажу и сишчасъ провзойдетъ между намы по закону церковной процессъ!.. (*Пшшлы*).

Я в а 12 - а.

Завада и пысарь.

ПЫСАРЬ.

Шкода, шо це трапылось не на молодыку. А свячена вода о въ васъ?

ЗАВАДА.

А якъ же? Я для бджилъ держу, ще позаторишню!

ПЫСАРЬ.

Це ще краще. Тутъ вся сыла, щобъ свячена вода и вискъ зъ страшнои свичкы; а вже касательно останнего, то все мы побачымо у цій кныжци. У цій кныжци про весь мыръ спысано и вздовжъ и впоперекъ и я, якъ гляну у цю кныжку, то бачу увесь мыръ, якъ на своей долони... А ну, подождить, глянемо на

небесни свитыла и движеніе соотвиственное таковымъ. (*Прыклада руку до лоба и дывытця на зори*). Одна, друга, третя у купи... шість зверху, одна ясна зъ боку, одна захмарена зъ исподу... (*Щось шепче и сплевуе на бикъ трычи*). О, бачыте, ондечкы одна покотылася... Ага, леты-леты поподали видциля... Котысь котысь, не докотысь, перекотысь, зупынысь... Одъ молытвенон, рожденон, хрещенон... тьфу, тьфу, тьфу!.. (*Знову шепоче*). Ну, о теперъ ходимъ, може й допоможу. (*Идутъ и зновъ зупынылыся*). Памъятайте, мылостывый государю мій, шо якъ увійдемо у сины, то мерщій заприть двери, а главне—каглу затулить, щобъ не втыснулся за намы той, шо не въ ночи згадуваты! (*Пшшлы*).

Я в а 13 - а.

Выходыть Степанъ.

СТЕПАНЪ.

Не вирю я, щобъ панычъ насміявся надъ Оксаною! Двичи вже я ходывъ до горныць, пытавъ де-кого зъ двирьскыхъ, чы посватався панычъ? Все кажуть: „здаецця, посватався“... Здаецця... Та хто жъ мени правду скаже? Ну, посватався, такъ посватався! Нихто тоби не боронить женытыся на кому хочешъ, тилькы першъ выправъ передъ людмы ту, зъ котрою кохався, видсахны видъ неи лыху славу!.. Не вже жъ нихто не сказавъ ему про те, шо зконлося зъ Оксаною? Я жъ прохавъ де-кого сказаты, а найпаче Соломію прохавъ и вона запевняла мене, шо скаже заразъ панычеви... Чого жъ винъ не йде провидаты Оксану? Невже винъ насміявся надъ Оксаною и стоптавъ ии честь? Ни, ни!.. А якъ?.. Страшно й подуматы!... Бильшь двоохъ рокивъ я про паныча слова лыхого никому не дававъ вымовыты, бакы всимъ забывавъ, а теперъ?! Шо жъ

теперь? За вищо бь паньчъ насміявся надь дивкою?.. Мана якась, страшенна мана!.. Пиду ще до панського двору и якъ той звірь тынятымусь, докы не підстережу кого такого, що всю мени правду выявить... И колы, бороны Боже,

паньчъ выненъ передь Оксаною, то... То я вже й не знаю, що выйде зь наших розмовы!.. (*Пишовъ*).

З а в и с а.

Д і я 3 - я.

На другый день, у досвита.

Велька кимната у панськимъ будынку.

Я в а 1 - а.

Соломія и друга дивчына (*несуть видъ столу до дверей посуду и пляшкы*).

Соломія.

И я може не мепьчъ тебе хочу спаты, а якъ треба товктысь, то й товчусь... Що свитае вже, такъ щожь? Выспымось и въ день: не щѡ-дня бенкеты, поспіемъ видпочыты!.. (*Соломія однесла посуду и вертаеця*). Ну, заварылы наши паны кашу!.. Бидного паньча зовсимъ заморочылы. Спершу посадовылы его у картъ граты, щѡбъ не урвавъ часу, та не провидавъ Оксаны, а дали такъ підпонылы его, що ледве дійшовъ до лажка и якъ снпъ звалывся.. Чогось Степанъ приходывъ, такый зьеретованый, прохавъ, щѡбъ я выкыкала паньча; якъ глянула я на него, та ажъ затремтила... Може у него що лыхе на думци?.. Що тамъ парубкы зрѡбылы зь Оксаною? Якъ тилькы упораюсь, побижу та развдаю.

Я в а 2 - а.

Текля и Соломія.

Текля.

Соломіе, де пани?

Соломія.

На вищо тоби?

Текля.

Я підвела парубкывъ, щѡбъ Оксану на смитныку звинчало: ій надылы на голову за мисець очипка постилъ, смолою косу вымазало и пирьемъ обсыпало; а ворота дегтемъ вымазало...

Соломія.

Ой, Текле, на вищо жь ты оце наколола?

Текля.

Де пани? Нехай мени дають гроши?

Соломія.

Яки гроши, за вищо?

Текля.

Тоби дамъ пивсотни, а соби визьму пивторы сотни!..

Соломія.

Що це ты торочышь, про яки гроши?

Текля.

Хиба жь не ты казала, що пани дасть ажъ дви сотни?

Соломія.

Такъ то жъ знахарови, або знахарци,
а тоби за що?

Текля.

Якъ?!

Я в а 3-я.

Т и ж ь и Степань.

Степань.

Де паньчъ?

Соломія.

Паньчъ вже спыть...

Степань.

Спыть?

Текля (*у бикъ*).

Якый винъ страшный!.. Утекты мер-
щій. (*Зныка*).

Степань (*до Соломіи*).

Розбуди паньча!

Соломія.

Та хйба жъ я смію це зробыты?

Степань.

Невже не можна? Скажы мени прав-
ду: посватався паньчъ?

Соломія.

Ни!

Степань.

Ты правду кажешъ?

Соломія.

А чого бъ я мала брехаты?

Степань.

Слава Господеви, ще не все дійшло
до краю, ще е надія!.. (*Хутко пи-
шова*).

Соломія.

Що це зъ нымъ?.. Якъ по правди ска-
заты, то я й сама не розберу, чы вже
засватався паньчъ, чы ни? Щось бала-
калы-балакалы, стара Басюрыха все під-
сидала до паньча; потимъ паньчъ сы-
дивъ довго поручъ зъ барышнею, щось
розмовлялы, реготалы... Потимъ пылы
выно за вечею и гукалы: „вуря!“.

Я в а 4-а.

Входыть Оксана.

Соломія (*углядила и*).

Оксано, ты?

Оксана.

Цыть! Скажы мени, Соломіе, е у тебе
у сердцеви Богъ?

Соломія.

Я, ей-Богу, сестрычко, я...

Оксана.

Я тебе пытаю: е у тебе у сердцеви
Богъ? Чы здіймалысь колы-небудь твои
груды пидъ вагою невымовного смутку?
Чы зъявлялысь колы-небудь слезы у тво-
ихъ очахъ?..

Соломія.

Я... я... не камьяна!

Оксана (*ухопывши и* руки).

Не камьяна? Ты правду кажешъ?

Соломія.

Хочъ и запысягы!..

Оксана.

Скажы мени, якъ передъ Богомъ: по-
сватався паньчъ?

Соломія.

Не знаю, не втямлю, сестрычко!...
Достомитно довидатысь не можна. Не

розберу я панських заручинъ. У насъ, якъ посватають, заразъ молодыхъ на рушникъ становлять, молоді кланяютця образамъ, батькови й матери; а въ панивъ мабуть не такъ?

Оксана.

Выкличь мени паныча!

Соломія.

Винь, сестричко, пьяный, спыть!..

Оксана.

Пьяный? Ты мене обдурюешь?..

Соломія.

Ей-Богу, ни! Тамъ такой пьяный, що й на ногахъ не встоявъ!.. Може его нарочыто напоили?

Оксана (*похытнулась*).

„Пьяный!“ „Напоили!“.. И це сама-стайня людына! Остання надія захмарюетця и згаса!.. Проведи мене до него... Мій жаль его розбудыть, мое горе его вытверезыть!..

Соломія.

Пострывай! Може я его й розбуркаю... Тильки, сестричко, иды зъ горныць, тамъ у садку пидожды, знаешъ, бесидку?.. Бо якъ пани постереже тебе, льхо буде,— вона ще не спыть!

Я в а 5-а.

Входыть Наталья Семеновна.

Наталья Семеновна (*побачыла Оксану*).

Ты?

Соломія.

Що жъ це буде? (*Зныкае*).

Оксана.

Я!.. Не полохайтесь! Це не манія моя, а я, живисенька... Не полохайтесь и мене не лякайте, бо не злякаете!..

Наталья Семеновна.

Якъ ты носмила ввійты?

Оксана.

Не крычить, соби тильки сорому наробыте, а мени однаково... Двери не заперти, я и ввійшла. Пани! Не зъ ножемъ въ руци я прийшла до васъ и не зъ докорамы, а прынесла вамъ свое сердце, щобъ вы его добылы!.. Жывуче скажене, ни якъ сама его не здолаю!..

Наталья Семеновна.

Я не душогубка!

Оксана.

„Не душогубка?“... Чому жъ у васъ такой страшный поглядъ? Чула я, правда, видъ людей, що бува й такъ: „поглядъ вовчий, а душа янгольська“... Прымустье жъ вашу душу, щобъ вона хочъ на хвыльну засяла у вашимъ погляди и може та мала хвыльна надасть мени сылы й одвагы... Я смилыво йшла до васъ, а теперь острахъ даве мою душу и сковуе мои уста... Хочъ одну жъ искру жалю у погляди... молю васъ!..

Наталья Семеновна (*тыхше*).

Чого тобі треба? Чого ты хочешъ видъ мене?

Оксана.

Чого я хочу? Ха-ха-ха! Чого я хочу? И це пытае маты, его маты?! И справди, чого я хочу? Я, мабуть, зовсимъ вже збожевила!.. Вы колысь казали мени, якъ ще я була пры васъ за горнышну...

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА.

О! я що дня проклянаю той часъ и годину!..

ОКСАНА.

Чудно! А тоди мени здавалося, що вы сами тишылысь, дывлячысь, якъ панычъ залыцався до мене? Тоди вамъ це здавалось за выграшку, чы може въ очахъ вашихъ жыла тоди ваша янгольска душа?..

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА.

Я не встероглася, яку гадыну въ пазуси зогрила!..

ОКСАНА (*не слуха ю*).

Вы якось росказувалы мени, що вы й сами не зъ гысокого колина, що й вашъ отецъ бувъ простый мужыкъ-мищань, що вчывъ винъ васъ на мидни гроши; а на решти прыйшлося вамъ павувать... Чого жъ теперь вы такъ пышаецесь? Але, стрывайте, що це я плету?.. Чы воно до речи?.. Я не те зовсимъ хотила сказаты... (*Подумала*). Що жъ таке я хотила сказаты?.. Що жъ таке? Хиба те, що вашъ сынъ любывъ мене, що вашого сына и я любила?

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА.

А теперь мынулося!

ОКСАНА.

„Мынулося?“ Справди: „мынулося?“ А я наважылася була у однимъ слови вымовты передъ вами всю мою душу, всю мою печаль... Хотила сказаты таке слово, у котрымъ вы побачылы бѣ, якъ у чыстий прозорій води, вси мои муки, вси раны мого сердца!.. „Мынулося!“... И вы такъ спокойно и тоди сказалы бѣ „мынулося“, колы бѣ побачылы у труни своего едного сына?.. А я вже лежу въ труни, а мое сердце—его сердце, а моя душа—его душа, а мое жытте—его жытте!.. Винъ

померъ за для мене, и я вже не жыва... И все жъ такы, а ни ыскоркы жалю у вашихъ очахъ?.. Пани! Я кохала вашого сына!.. У его кохання я кохала увесь мыръ Божый!.. Винъ бувъ моею думкою, моею молитвою, моимъ свитомъ!.. Однялы у мене его... Однялы не душогубы, а люде зъ янгольскою душею!.. Охъ, страшно жъ мени, страшно! Серце мое: чы е ты въ грудяхъ, чы нема—я не чую тебе!..

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА.

Мени жаль тебе, Оксана!

ОКСАНА.

„Жаль?“ Вамъ жаль мене, вамъ жаль?.. А!.. Не треба, не треба мени вашого жалю! Ни, ни!.. Я васъ зобидыла, я не те сказала, я васъ зневажыла?.. Пробачте мени!.. Скажить, скажить, промовте ще разъ те живуче слово: „мени жаль тебе!“.. Вмирай, сердце!.. Слипнить мои очи, глухнить мои вуха!.. Це не матерына мова!..

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА.

Иды соби зъ Богомъ... пора вже тоби, не въ пору ты... (*Хоче йты*).

ОКСАНА.

Правда ваша! Я вже надто забарылася...

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ну, то иды жъ соби!..

ОКСАНА.

Стрывайте! Кажуть, що я чарувала паныча?—Правда!.. Кажуть, що я видемського кодла?.. Охъ, яка правда! Кажуть, що я хотила буты павею, дворянкою?.. Отъ за це, то вже й самъ панычъ прысягне, що правда!.. Бачте... я все це вамъ кажу и не червоню, щобъ вы за певне знали, шо й справди нема у мене стыда, а ни крихоты... шо я вже така

непутяща зародылася, така хвойда, що й соромъ не ість мени очей!.. (*Хапаетця однією рукою за одвирокъ, другою за голову*).

Наталья Семеновна.

Ты ледве на ногахъ стоишь?

Оксана.

Ничого, осылю себе!..

Наталья Семеновна.

Присядь, Оксано, спочынь!

Оксана.

Де жъ такы я сяду передъ панею?.. Мы до цего не привычаени. (*Помовчала трохы*). Бачте, вже й одійшла. Жывуча я, якъ гадына!.. (*Здійма зъ пальця перстень*). Це его, панычывъ перстень. Хотила жбурнуты въ воду та пошкодувала, що золотый. Натє!... Принесла вамъ все ваше добро... (*Поклала перстень на стілз*). Ото жъ всіей розмовы, ото жъ и всіей порады! (*Иде до дверей*).

Наталья Семеновна.

Стрывай, Оксано!

Оксана (*зупынылась*).

Пора жъ и честь знаты! Сами мене выгонылы, а теперъ зупыняете, на вищо?

Наталья Семеновна.

Я хочу тоби виддячыты за те, що ты безъ гвалту и огласу, розвьязала моему сынови руки.

Оксана.

Якъ виддячыты? Хиба вы ще не виддячылы?

Наталья Семеновна (*выйма хутко зъ шухляды гроши*).

Це тоби на прыдане!

Оксана (*зъ призириствомъ*).

Що-о? Дякуйте, пани що вы его маты! Виддайте ци гроши на подзвинне, та на церкву, щобъ що-дня выймалы часточку „за здравіе“ вашой янгольськой души!.. Пани, пани! Не въ кожного й душогуба здійметця рука на умираючого, а вы... вы выняли зъ моихъ грудей сердце и, сміючысь, краите его на моихъ очахъ на шматкы!.. Не Богъ вамъ, пани, душу давъ, не маты васъ породила! (*Пишла*).

Наталья Семеновна (*зпершу не мовз остовпынила, а дали прожогомъ кынулась*).

Оксано, верньсь! (*Одбига одъ дверей*). Що це я роблю, чы я не збожевила?.. Щобъ я згодылась на неривный шлюбъ?.. Ни, ни, не погублю я свои дытны!.. О, чомъ ты, Оксано, неривня моему сынови?!.. Яка щыра, яка чула душа!.. На що ты, Оксано, въ крепацтви зародылася?.. Жаль мени тебе, а сына ще бильше жаль!.. Ни, ни! не невестка ты мени!..

Я в а б - а.

Скільки хвилынь нема никого на кону. Розвядняетця, проминне сонця пробываетця у вишна. Згодомъ входять: Горновъ и Максимъ.

Горновъ.

Невже тутъ вси ще сплять? Побачытысь-бы зъ Борысомъ, та й до дому ршуть. (*До Максима*). Такъ выходить, мы зъ вами у цини зійшылысь?

Максимъ.

Де жъ, мовлявъ, не зійшылысь: я ще й рота не вспивъ роззявыты, а вы вже й цину поклалы, та що й яку, мовлявъ, цину! Але жъ глядять, чы не помылылысь вы, бо я швецъ такый, що тилькы пидъ

завязь умію чоботы шыты, а вамъ може треба городняньскаго?

Горновъ.

Ба ни, мени такого й треба до школы..

Максымъ.

Теперь вже повелоса такъ, що шыють чоботы на дви колодки та ще й на шпылькахъ; а я все на дратви, пидъ завязь. Отъ, що вже дратву, то на вдаху чы хто высуче проты мене?

Горновъ.

Я хочу щобъ мои школяри зпершу навчылися шыты прости чоботы, а тамъ вже, котрому зкортыть городськихъ чобитъ, то нехай самъ добера способу, якъ ихъ змайструвати.

Максымъ.

Еге! Нехай вже, мовлявъ, само домадыкуетця!.. Я ще мавъ дещыцю вамъ сказаты, та тилькы не знаю зъ якого боку й початы? Ще якъ скажете: „отъ старый, почавъ вже выгадувати?“..

Горновъ.

Що жъ таке?

Максымъ.

А те, що я ще зъ роду-вику не бурлакувавъ, а оце, мовлявъ, вже нобы прыходытця покыдаты стару... Тамъ такого репету наробе, що не тилькы въ хати, а й у пидвирри, мовлявъ, буде тисно...

Горновъ.

Чому жъ не взяты й бабу зъ собою?

Максымъ.

Чы й справди? (*Зрадывъ*). Вона у мене, Владимиръ Петровчъ, така що й хвылыны безъ дила не сыдытyme. Тамъ така працювати, що й сказаты!.. (*Смѣт-*

ця). А якъ работы нема, то зо мною сфарытця, а вже безъ дила не всыдыть!..

Горновъ.

Знайдемо и ій дило... А за цину певно не будемъ торгуватись?

Максымъ.

Та яка вже цина беззубій?

Горновъ.

Часомъ беззубый краще зубатого.

Максымъ.

Та воно такъ... Оце вже вы мене зовсимъ, мовлявъ, якъ на свить народылы!.. А то, якъ сказалы мени про цину, а я зъ опалу погнався за гришмы та й про бабу забудъ. Оце жъ и чудесно! У хату свою впустиу Матвія, тутъ у насъ е такый бидолаха зъ двирськихъ, безземельныхъ, що дитей, мовлявъ, повнисенькый зачипокъ, а хаты дасть Богъ... Нехай соби живе, та хлибъ жуе, та двору догляда...

Я в а 7 - а.

Ти жъ и Борысь.

Горновъ.

Ну, ты й спышь! Я вже зъ города двадцять верстовъ пробигъ, а ты...

Борысь.

У мене голова страхъ якъ болыть!.. О, я й не бачу. (*Чоломклетця зъ Максымомъ*). Що жъ, договорылысь?

Максымъ (*усмихаетця*).

Вже, мовлявъ, и печать прыклады.

Горновъ (*дывлячысь на годинникъ*).

Ого-го, пора іхаты!..

Борысь.

Чого хапаеся? Поснидавъ бы...

Горновъ.

Скільки ще въ тебе тієї панськон пыхы, якъ подывлюсь я на тебе! Безъ спиданку, або безъ кохвію, не можна гостя видпустыты; и хочъ бы тому гостеву дила було, якъ кажуть, по зав'язку, а винъ сыды, та жды того кохвію... У мене тамъ дило кыпать: я купывъ оце у городи молотылку и заразъ треба установыты ии... Ну, у васъ гарни порядки! Прихавъ: уси паны й слугы сплять, двери видчынени, хочъ забирай усе на возы, та й возы, куды хочешъ...

Борысь.

Мы свитомъ тилькы полягали.

Горновъ.

Що це въ тебе таки червони очи?

Борысь.

Пьяный бувъ.

Горновъ.

Зъ якого побыту?

Борысь.

Тадже жъ учора бувъ день нарождення батька.

Горновъ *(тихо)*.

О, а я й не знавъ!.. Стало быть, ты до Оксаны и не навидувався?

Борысь *(засоромився)*.

Нн!..

Горновъ.

Отъ такъ молодець!

Борысь.

Та якось такъ воно вышло, що я й не розберусь!.. Але я черезъ годыну, або черезъ пивторы...

Я ва 9-а.

Ти жъ и Соломія.

Соломія.

Паничу, пожалуйтє, васъ маменька клечуть. *(Голосъ за дверыма: „Боря!“)*.

Борысь *(гука)*.

Я заразъ!.. *(До Горнова)*. Пидожды мене. *(Пишовъ)*.

Горновъ.

А йдить сюды на хвалыну, Соломіє!..

Соломія.

Не хочу, бо вы заразъ почнетє роспитуваль, а мене заказано мольчать, отъ Ей-Богу, што правда! *(Голосъ за дверыма „Соломіє!“)*. Ось заразъ! *(Побигла)*.

Горновъ.

Лыбонь, щось тутъ зативають?

Максымъ *(тимъ часомъ роздывлявъ патреты, що висять на стинахъ)*.

Владымыръ Петровычъ, що воно ото царі чы онорэлы?

Горновъ.

Хиба жъ де-котри зъ ныхъ вамъ никого не прыгадують? Це жъ Борысивъ батько, а це дидь, а той третій: генераль Суворовъ.

Максымъ.

Бачте, я такы вгадавъ, що онорэлы!

Горновъ.

Одынъ же тилькы генераль... А батько Борысивъ копытань; а дидь, то хто его зна?.. Це, бачте, на нему старосвितський

мыльціонный козакынъ! Доки цей дидокъ ще не бувъ у службы, то прозывався Ворона, а якъ здобувъ мыльціонного чыну, то ставъ уже прозыватись Вороновъ, стало быть, прычепывъ хвостыка до своего призвыща...

Максымъ.

А оти. жыночи парсуны, то чьи вонь?

Горновъ.

Це жъ маты Борысова, а це ии маты, стало быть, бабка Борысова, по матери.

Максымъ.

Такъ, такъ, вона, вона!.. Оце, лыбовъ, пиде дванадцятый, чы трынадцятый рикъ, якъ померла. Проста була людыва, зовсимъ проста... Царство тоби небесне, старушечко!..

Горновъ.

Вона жъ и вынянчыла Борыса; винъ завжды згадуе про неи зъ велькою пошанабою.

Максымъ.

Правда, правда, все було зъ нымъ нянчытця. Конешне, доброго чоловика усяке добромъ помъяне. Ахъ ты старушечко!.. Пиду лагодытись у дорогу, доки вы тутъ... (*Зновъ до картыны*). Ну, старушечко, прощай!

Горновъ.

Я не забарюсь тутъ.

Максымъ.

И мене не прийдетця вамъ чекаты. (*Выйшовъ*).

Горновъ.

Якъ-то Борысъ зъ своимы старымы уладнае дило, про Оксану, мабутъ, сегодня буде розмова... Казавъ, що не хоче вже звликатьсь... Молоде ще хлопья, мянке. Не

обмынуты ему сваркы та ще й велькой!.. Стрывай, чы я взявъ запасни пидчипныкы? (*Дывытця у паперы*). Я жъ, лыбовъ, веливъ покласты? Ни, осьдечкы е. (*Чытае*). Олеонавту два пуда, бычевы трыдцать пять фунтивъ, станъ колись воровыхъ, чотыри...

Я в а 9-а.

Входять Борысъ, думе тревоженный.

Борысъ.

Оказія, брате! Чуешъ, маты запевня мене, що нибы-то вчора, будучы пидпылымъ, я обьяснився передъ Басюривною...

Горновъ.

Удравъ штуку! Котра жъ то Басюривна?

Борысъ.

Ты познакомыся зъ нею ще на тимъ тыжневи: бияленька, таки велькы очи...

Горновъ.

Велькы очи? Не прыгадаю!..

Борысъ.

Ну, якъ попавъ я вчора на домашній банкетъ, вси вже гости були, якъ кажуть, на взводи; батько й маты почалы прымушуваты мене, щобъ и я выпывъ: „який ты, кажуть, мущына, що не хочешъ выпыть?“.. Я й уризавъ и такы здорово... Може зъ пьяныхъ очей и справди пагородывъ панны нисенитныци, якиххъ харькивъ-макогонькивъ?...

Горновъ (*узавъ картуза*).

Одначе мени николы. Adio mio caro!..

Борысъ.

Побачывся бъ зъ моимы старымы, а то розгниваютця. И вчора ты и въ хату

не плюнувь; а сегодня заіхавъ въ хату и не поздоровкався...

Горновъ.

Воны жъ кажутъ, що я хамъ; а видь хама якои имъ звычайности?

Борысь.

А, не терплю я, якъ чоловікъ на себе почне плескаты!..

Горновъ.

Та я жъ чувъ не разъ своїмы власнымы вухамы... Стривай, стривай!.. Чы не ото Басюривна, котрій я колысь радывъ у куколь гратысь?

Борысь.

Та вона жъ, вона.

Горновъ.

Маты ии те жъ хамомъ мене звелычала! (*Сміється*). А терпкою я здався ий кыльцею: вже вона пробувала кусаты мене зъ усихъ бокивъ, та тилькы оскомыну набыла!..

Борысь.

Бо ты такы обомъ имъ—и матери и дочки, наливъ тоди цилисенькый ворохъ чепухы!.. Матери радывъ, щобъ нагуляты аппетыту,—полоты городыну; а дочки сказавъ, що вона уміе тилькы воду въ ступи товкты.

Горновъ.

Сказавъ правду! То жъ не люде, а якысь куклы!

Борысь.

Але все жъ такы казаты и у вичи панночци?..

Горновъ.

Що жъ ты вдіешъ зо мною, колы въ мене така натура.

Борысь.

И батько мій на тебе розгнивався.

Горновъ.

Знаю, знаю!.. Черезъ те жъ я и не вчацаю до него, якъ тебе дома нема. Винъ те жъ колысь шпыгонувъ мене по панськи. Мени треба було тутъ побалакаты зъ однимъ чоловічкомъ. Я и сказавъ ему: позвольте мени, Дмитрій Мыколаевычъ, прынять у вашій кимнати одного мого знакомого... „Кто жъ этотъ вашъ знакомый?“ спытавъ. Вашъ, кажу, временно-обязанный, Прохоръ!.. „Для такихъ, каже, вашихъ знакомыхъ у меня есть канюшпа!“.. Чудакъ старый!.. Ну, слухай. Ты жъ теперь тверезый, то гляды, не напыйся знову и не забувай, що тоби сегодня треба де-куды навидатысь.

Борысь (*зъ серцемъ*).

А, не нагадуй мени! Симъ день я и очей не навернувь, симъ день—свынство!..

Горновъ.

Свынство, та ще и патентоване. Я оце забиху туды, та заспокою. Сказаты, що ты сегодня будешъ?

Борысь.

Звычайно, неодминно буду, черезъ пивъ годыны. Колы бъ тилькы гости швыдчъ убрались. А я сегодня зъ своїмы старымы доведу дило до кипыця, такъ якъ казавъ тоби, такъ и зроблю.

Горновъ.

И Басюрыха ще тутъ?

Борысь.

Тутъ.

Горновъ.

Ну, такихъ гостей наврядъ чы скоро здыхаеся. Гляды, стережысь, не пый вже сегодня.

Борысь.

А, не нагадуй мени, протывно!

Горновъ.

Ага! „не лубышь?“ Заспокойся, друже. Кто зъ молодыхъ людей не впывався на своимъ вику? Пый, кажутъ, та ума не пропый!

Я в а 10-а.

Входить Дмитрій Мыколаевычъ.

Вороновъ (*не подае руки Горнову*).

Вы ужъ успѣли изъ города вернуться?

Горновъ.

Якъ бачыте!

Вороновъ.

Вчера въ городъ, сегодня обратно? Вотъ какой вы рьяный дѣлецъ!.. Намъ за вами не угоняться. Изволили вчера подкатить къ крыльцу, точно къ гостиницѣ, или къ заѣзжому двору, и не только не удостоили насъ чести личнымъ присутствіемъ, но даже и заочнымъ поздравленіемъ?

Горновъ.

Сердешне прошу пробачыты мени. Вирьте, що колыбъ я знавъ, що учора такой бувъ дорогой для васъ день, я не обмынувъ бы вашей хаты. Якъ глянувъ, що у васъ гостей повно, а я у простій одежи, и подумавъ: ще скажутъ, що наумысне такъ зодягся, щобъ зневажить...

Вороновъ.

Да, да, понятно!.. Либералы, либералы!..

Горновъ.

Про кого це вы кажете?

Вороновъ (*ставъ протывъ него*).

Скажите, того-того, правда ли, что вы подарили вашимъ бывшимъ крестьянамъ дополнительный платежъ?

Горновъ.

Справжня правда?

Вороновъ.

Либерально, очень либерально и гуманно!.. (*Знову ходе*). Ссуду какую-то тоже у себя изволили открыть!

Горновъ.

Открывъ.

Вороновъ.

Гуманно, очень гуманно! Ну, а я того, того не открою! Слышите-ли? Я не открою!

Горновъ.

Чую, чую! Я не глухой! Вы не одкрыете?

Вороновъ.

Да-съ, не открою! И школа тамъ у васъ?

Горновъ.

И школа тамъ у мене.

Вороновъ.

Но для чего все это, я васъ спрашиваю, для чего?..

Горновъ.

А вы не знаете?

Вороновъ.

Знаю-съ, очень хорошо знаю-съ, отлично знаю-съ!..

Горновъ.

Ну, а колы мы обое знаемо, то для чого жъ вы пытаете? Хйба щобъ перелываты изъ путого въ порожне?

Вороновъ.

А затѣмъ-съ, что вы подобными поступками развращаете мнѣ сына!

Горновъ.

То вы не велите ему водытись зо мною. Пошлите его хочъ до Басюрыныхъ у навуку, тамъ винъ навчытця у куколъ гратысь.

Вороновъ.

Что-сь? Вы забываетесь, милостивый государь!

Горновъ.

Що це на васъ нашло?

Борысь.

Я слушаю и только удивляюсь всему тому, что вы, папа, изволите говорить: васъ эти два года такъ измѣнили, что я, право, не узнаю!..

Вороновъ.

Помолчи, дружокъ, съ тобой я послѣ поговорю.

Борысь.

Тошно даже слушать! (*Пишооз у свою кимнату*).

Вороновъ.

Что? Какъ? Видите?.. Это все ваше вліяньє!.. Онъ у меня прежде не смѣлъ этакъ разговаривать!

Горновъ.

Колы? Тоди, якъ ще бувъ малымъ?

Вороновъ.

Нѣтъ-съ, всегда!

Горновъ.

Та винъ же два роки пидъ рядъ не бувъ дома, а два роки для молодон людныи це не малый часть!..

Вороновъ (*ходыть по кимнати*).

Да вы философъ! У васъ вѣдь на все готовъ отвѣтъ...

Горновъ.

Мени здаеця, що й у кожного чоловіка розумъ завжды повыпенъ буты на сторожи.

Вороновъ (*передразнює*).

„Здаеця!“ Философъ, философъ! И если я васъ спрошу зачѣмъ вы говорите со мною по малорусски, у васъ также найдется отвѣтъ?

Горновъ.

А звычайно.

Вороновъ.

Любопытно-сь?

Горновъ.

Мени лехче говорыты по малорусски, — во первыхъ черезъ те, що я разъ-у-разъ маю дило зъ простымъ народомъ, зъ мужыкомъ, и одвыкъ якось видъ російской мовы; а вдруге и черезъ те, що знаю, що й вы цю мову розуміете. Краще балакаты гарно по украиньски, нижь погано по російски... Е багато й такихъ людей, котри знаютъ пять-шість фразъ по французьки и вдають зъ себе французивъ, такъ я жъ не зъ тии компаніи.

Вороновъ.

Однако жъ вы читаете русскія книги?

Горновъ.

Чытаю и дуже люблю російску литературу. Я чытаю и нимецьки книги и французьки, навить, и латыньски. Але жъ чытаты и говорыты це дви речи зовсимъ рижни, якъ полякы кажуть: *to cos innego!*

Вороновъ.

Вѣдь я и самъ малороссъ, а говорю съ вами по русски.

Горновъ.

Ото жъ я й кажу, що знаю, що вы добрѣ розуміете по украинськи, що колись и сами розмовляли... А теперъ не злюблы, чы що? Дайте жъ волю и мени, може згодомъ и я залышу цю мову.

Вороновъ.

Это одно только ломань!..

Горновъ.

Якъ хочете, такъ и думайте! Вы, Дмитрій Миколаевичъ, маєте видносны зъ мужыкомъ черезъ трете лыце—черезъ прыкащывъ, черезъ экономивъ; а я вношусь зъ нымъ непосредственно, якъ кажуть: самъ панъ, самъ и прыкащывъ!.. Вы про межъ панамы разъ-у-разъ, а я вештаюсь про межъ мужыкамы, стало быть, тутъ дило навыку; а прывычка друга прырода. Отъ, якъ бы наша розмова прыняла характеръ надто спеціальный, ну, тоди и я може спасувавъ бы и перейшовъ на россійску балачку... А докы мы перекидаемся словамы, збываючы тилькы пину въ роти...

Вороновъ.

Но вѣдь вы, полагаю, будете слушать?

Горновъ.

Ни.

Вороновъ.

Могутъ же дворяне избрать васъ въ какую-либо должность?

Горновъ.

Чы выберутъ, чы не выберутъ—на вищо намъ задалегидь обь цему мирку-

ваты? Ця наша балачка прыгадуе пословицю: „на губи вже жыто, а въ головы ще й не орано“.

Вороновъ.

Что-съ? Но вѣдь вы дворянинъ, а ведете себя не по дворянски.

Горновъ.

Якъ то не по дворянськи?

Вороновъ.

Вы ведете себя не по дворянски.

Горновъ.

Якъ хто розуміе людське поводженне. Я чоловікъ робочый, не мотыга, не пьяныця, не роспутныкъ... Осъ чого я пыльную; а на якисъ тамъ примхы: наплювать!...

Вороновъ.

Какъ наплевать? На кого наплевать? Вы дерзки, милостивый государь!.. Справедлива пословица, что яблочко отъ яблоньки не далеко откатится. Знаете-ли, милостивый государь, кто былъ вашъ отецъ?

Горновъ.

Вы хотите натякнуты на те, що я зъ мужычого роду? Що мій отецъ, изъ солдативъ дослужився до полковничого чыну и здобувъ дворянство? Натякайте, натякайте, я видъ цего не почервонію. Николы я не одречусь видъ своего роду. У мене ще й досы е живи дядькы по батькови: одынъ простый гречкосій, другый солдатъ, и я нымы не гордую.

Вороновъ.

Правду говорятъ, что...

Горновъ.

Що зъ хама николы не буде пана? Я й не лизу въ паны.

Вороновъ.

Нѣтъ-съ, лезете! Вы у меня бываете, вы... (*Неначе щось прыгадавъ, забигавъ по хати*). Да-съ, того, того... Знаете ли, что я вамъ могу посовѣтывать?

Горновъ.

Розумный совѣтъ прѣйму зъ подякою.

Вороновъ.

Зъ подякой? Вотъ что-съ. Вы займитесь сочиненіемъ прожектовъ, знаете, этакого либеральнаго свойства...

Горновъ.

Вы не туды, добродію, заіхали! Соchnняйте вже вы таки прожекты, вамъ и книги въ руки; а я за такую раду й спасыби вамъ не скажу. Соромъ вамъ, Дмитръ Мыколаевичу, що вы, въ моимъ звычайнимъ поведженіи зъ людьмы, хочете вбачыты якусь провину передъ цилымъ сословіемъ, жбуряете болотомъ въ мое честне дило?..

Вороновъ.

Такъ ваше дѣло честное?

Горновъ.

Хочъ передъ Богомъ!

Вороновъ.

А я думаю, что напротивъ.

Горновъ.

Ни! И вы также точнисенько думаете, тилькы боитесь розумови сказаты те, що думае ваша душа.

Вороновъ.

Никогда!

Горновъ.

А я вамъ кажу, що именно такъ!

Вороновъ.

Вы начинаете трунить надо мной?

Горновъ.

И на думци цего не маю.

Вороновъ.

Вы... очень дерзки!

Горновъ.

Схаменитця!

Вороновъ.

Вы... Вы!..

Горновъ.

Хамъ? Це вже я чувъ не разъ видъ васъ. Позвольте жъ и мени на розлученни сказаты вамъ одну пословицю: насміялася верша зъ болота, оглянулася ажъ и сама въ болоти!“

Вороновъ.

Какъ?

Горновъ.

Ворона зробылась Ворономъ.

Вороновъ.

Что-съ? (*Входитъ Борысъ*). Я, милостивый государь, съ вами болѣе не знакомъ!

Горновъ.

Якъ вамъ завгодно!

Вороновъ.

Да-съ! Слышите-ли, не знакомъ! (*Пишовъ*). Чтобы нога ваша больше не была въ моемъ домѣ... Этакій... Либераль... новаторъ! (*Побигъ*).

Борысъ.

Що це зъ нымъ? Зъ якого це дыва вы збылы такую бучу?

Горновъ.

Ты жъ прохавъ, щобъ я попрощався зъ твоими старыми? Отъ вже зъ батькомъ попрощався?

Борысь.

Та що це зъ нымъ вчынылося?

Горновъ.

А Богъ зъ нымъ. Прощай! Призды жъ до мене... А може батько вже не пусте?.. Мене, звычайно, не прыкажутъ допускаты до вашои персоны.

Борысь.

Бо-зна що выгадуешь! Я догадуюсь: це, чы не Басюрыха нацькувала его на тебе?

Горновъ.

Може. Але жъ молодому чоловікови, колы винъ блукае ще думкамы и видсахнетця сегодня видъ того, чымъ вчора закохувався,—якъ що я постережу, що то въ нему зъявляецця власный процессъ змышлення,—я могу выбачыты; ну, колы старый чоловікъ, зъ сывою головою!.. (*Мажнувъ рукой*). Прощай! (*Почоломжавшысь, питовъ*).

Борысь (*одынъ*).

Це щось несподиванне зъявляецця у мой семьи!.. (*Помовчавъ*). А тутъ ще голова трищты писля вчорашнего, и я ничего не збагну... Якъ я учора согласывся сисы за той проклятый ералащъ?.. Потимъ напывся, якъ скотына!.. О, будьте вы прокляты вси прымхы, що выдумалы лежебокы: хвалышвыый этикетъ, брехлыва звычайнисть, лысыча почтывысть!.. Ни, пора вже всему цему покласты кинця. Сегодня въ останне скажу батькови й матери... И якъ що вони сперетчатымутця, я зроблю по своему... Владымырь вража мене, кажучы, що я безхарактерный. Винъ правду каже, о, яку правду! Докы жъ я справди буду, якъ цуцкы той на веревочци?

Я в а 11-а.

Входять Вороновъ.

Вороновъ.

Что, уѣхалъ этотъ либераль?

Борысь.

За что вы отказали ему отъ дому?

Вороновъ.

Негодяй онъ, вотъ за что!

Борысь.

Негодяй?

Вороновъ.

Да, негодяй! Я и тебѣ запрещаю съ нимъ дружитья!

Борысь.

Ну, это ужъ...

Вороновъ.

Что?

Борысь.

Впрочемъ, это пока на второй планъ... Я долженъ вамъ сказать, что у меня есть болѣе серьезное дѣло.

Я в а 12-а.

Ти жъ и Соломія.

Соломія.

Пане! Тамъ Гордій Поваривъ прыйшовъ.

Вороновъ.

Что ему надо? Зови! (*Соломія тишла*). Поди къ гостямъ... я послѣ готовъ съ тобой потолковать.

Борысь.

Вы выслушаете меня?..

Вороновъ.

Да... чрезъ пять минутъ. (*Борысь тишовъ*). Ну, что жъ онъ тамъ? Эй, кто тамъ такой?

Я в а 13-а.

Входить Гордій.

Гордій (*топнув ногою*).

Мое поштеніе! Позвольте вамъ препоручить (*Подает запечатанный листь*).

Вороновъ.

Что это такое? (*Распечатавъ листь, чита*). „Отъ 1862 года, отъ Сентября месяца, приглашаютъ васъ, Ваше Высокоблагородіе, майстеръ сапожной, што бъ вы пожалували своєю персоною изъ фамилію на брачной процессъ, у етое воскресенье свадьба. Будить на благородную ногу, вина и музика зъ города и перожное шпанської ветеръ, што папаша сами зготовляють, собственоручно Гордей Мыкытовъчъ Поваренковъ, сапожный майстеръ и кавалеръ“

Гордій.

Такъ тошно: „и кавалеръ“. Такъ какъ исчо у первой законной бракъ поступаю, а потому й кавалеръ.

Вороповъ.

Я не понимаю, что это такое?

Гордій.

Брачной процессъ буду получать зъ барышнею Теклею Спырыдоніевной. Хотивъ хоть трыста рублей авантажу, ну, кажетца такъ, што помырмыся на двохсотъ. Значыть, подумавъ: „пропадай моя деревня, вси чотыри колеса!“...

Вороновъ.

Да ты скажи толкомъ, что тебѣ надобно?

Гордій.

Разви я непонятно объяввъ у былети? Кажетца, што очень симпатично!.. Предлагаю вамъ на свадьбу до миня.

Вороновъ.

То-есть, какъ къ тебѣ на свадьбу?

Гордій.

И што какъ можыть согласни будоте поступокъ совершыть объ некоторомъ подарку, хоть двадцать пять цилковыхъ серебромъ, такъ я зъ моимъ равнодушнымъ вдовольствіемъ получу.

Вороновъ.

Пошоль ты прочь, дуракъ!

Гордій.

Вотъ такъ категория! Кажетца, я по ошибки не въ ти руки всунувъ документъ?.. Одначе жъ, моя невеста помогла у этому самому шкандалю, што зъ Оксаниєю?..

Вороновъ.

Вонъ, говорятъ тебѣ!.. (*Рве листь на шматкы и жбурля ему въ вичи*).

Гордій.

И съ тимъ до прятнова свяданія! (*Пишовъ*).

Вороновъ.

Да это, это... Что же это такое творится? Мужикъ, сапожникъ, осмѣливается просить къ себѣ на свадьбу, да еще по пригласительному билету. До чего жъ это мы дожили?..

Я в а 14-а.

Входить Борысь.

Борысь.

Вы свободны?

Вороновъ.

М-мъ, да, свободенъ!.. Кстати, согласился-ли ты ѣхать въ гости къ Басюринымъ, онѣ тебя приглашали?

Борысь.

Да, приглашали, но я рѣшительно отказался.

Вороновъ.

То-есть, какъ же это? Вѣдь ты почти сдѣлалъ предложеніе Аннѣ Андреевнѣ.

Борысь.

Не далека жъ она, если повѣрила пьяной болтовнѣ.

Вороновъ.

Ты хочешь насъ компрометировать?

Борысь.

Вы общали выслушать меня. Время не терпитъ и я долженъ съ вами говорить.

Вороновъ.

И вѣроятно вновь о какихъ нибудь дикихъ намѣреніяхъ?

Борысь.

И въ послѣдній разъ. Я прямо возвращусь къ вопросу, на который вы не отвѣтили мнѣ въ прошлый нашъ разговоръ. Я спрашивалъ васъ: зачѣмъ вы, зная и видя мои ухаживанія за Оксаною, ухаживанія, продолжавшіяся болѣе года, смотрѣли на нихъ не только сквозь пальцы, но даже снисходительно?

Вороновъ.

Отвѣтъ такъ простъ, какъ не можетъ быть проще. Она была горничной, а ты, какъ молодой человѣкъ, оно и понятно...

Борысь.

Ага!.. вы предполагали, что это съ моей стороны интрижка, по части клубнички? А между тѣмъ вы жестоко ошиблись! Я полюбилъ Оксану и теперь рѣшилъ жениться на ней.

Вороновъ.

Что-о? Я объявлю тебя сумасшедшимъ, и тебя посадятъ въ желтый домъ!

Борысь.

Да хоть и въ тюрьму! Я далъ слово Оксанѣ, и она моя невѣста. Слышите: я женюсь на ней!..

Я в а 15-а.

Ти жъ и Наталія Семеновна.

НАТАЛІЯ СЕМЕНОВНА.

Завтракъ уже поданъ... Парасковья Петровна и Анеточка просто покою мнѣ не даютъ: „просить, говорить, та й просить, щобъ Боренька іхавъ до насъ погостыты?“

Вороновъ.

Нѣтъ, ты послушай, что онъ говоритъ?

НАТАЛІЯ СЕМЕНОВНА.

Що такъ?

Борысь.

Я прошу вашего благословенія на венецъ зъ Оксаною.

Вороновъ (*передразнивая*).

„Благословенія!“..

НАТАЛІЯ СЕМЕНОВНА.

Якъ? Це той сыночокъ, котрый учора присягався, що все зробе за для матери, а сегодня вже й назадъ?

Борысь.

Въ чимъ же я присягався?

НАТАЛІЯ СЕМЕНОВНА.

Ты давъ мени слово, що пойдешъ до Басорыныхъ въ гости,—це разъ, а потимъ...

Я в а 16-а.

Ти жъ и Степанъ.

СТЕПАНЪ (*за дверыма*).

Я сылоку ввійду, и ништо мене не зупыныть!

Вороновъ.

Кто тамъ?

СТЕПАНЪ (*вбѣга*).

Це я, пане!

Вороновъ.

Какъ ты осмѣлился войти безъ доклада?

Степанъ.

Та хочъ и вбійте, а ввійшовъ!

Вороновъ.

Вонъ!

Борысь.

За что же вы его прогоплете? Що скажешъ, Степане?

Степанъ.

Вы пытаете? Це дивно, папычу, надто дивно! А я завжды мавъ васъ за чесну людину... Дійшла до Оксаны звистка, що вы посватали якусь панну...

Борысь (*зъ жиромъ*).

Якъ?

Степанъ.

Хтось оганьбывъ Оксану, надъ нею знущались парубки!.. Теперъ вже, може, вы Оксану на столі побачите!..

Борысь.

Годи, годи! Зпала полуда зъ очей, туманъ розійшовся! Такъ ось вопо що! Такъ ось зачимъ мене учора удержали и пидпоили?.. Такъ ось за для чого мене и теперъ запрошують у гости до Басюриныхъ? Такъ ось видъ чого ваша хвористь, мамо?.. Такъ це та любовъ ваша святая, котрою вы такъ похвалялись, и котрою, мовъ въ ланцюгахъ залізнихъ, такъ довго держали мою волю? Такъ ваша та щырая и тыхая мова: „женись, сынку, на кому захочешъ!“ була кривда, одна облеслыва кривда и неправда?.. О, мамо, мамо! Що жъ ты зробыла зъ мою душею, зъ тією душею, въ котрій образъ твій завжды бувъ на ривни зъ Богомъ?..

Батьку, батьку ридный... (*Дмитрій Миколаевичъ видвертувся*). О, що жъ теперъ на свити не зрадыве, колы ридный батько й маты?.. (*Прожогомъ выбигъ, за нымъ Степанъ*).

Вороновъ (*бигыть за нымъ*).

Остановись, мерзавецъ! Я тебя!..

Наталя Семеновна.

Сынку, сынку! (*Рыдаеть*).

Вороновъ.

Вотъ онъ твой мазунчикъ, тѣшься имъ!

Наталя Семеновна.

Ты жъ чого дывывся? Не я его выховувала, а ты; я тильки любила его, якъ маты!.. Я жинка проста, не освичена. Де я була? Що я бачыла, чому вчылася?.. У чотырехъ стинахъ викъ изжыла!.. Ты завжды мене за дурну мавъ, завжды похвалявся, що ты вчений и всезнаючий!.. Я не тямуца була по твоему: що не скажу—все не въ ладъ, що не зробию—не впопадъ; себе жъ ты цилый викъ мавъ за розумного, а сына единого не зумивъ до пуття довести!.. Охъ, я несчастна, несчастна!... (*Зъ слизьми не може говорити*).

Вороновъ (*мовъ ошалылый*).

Что жъ это? Сколько я, того-того, читалъ, сколько... Но этакаго случая... Читалъ въ журналахъ и газетахъ... этакаго не начитывалъ? Да какъ-же въ самомъ дѣлѣ стѣснять чужую свободу, когда свобода... должна быть свободна?.. Ну, и пусть его женится хоть на чортовой дочери!.. Я... Я... я знать его не хочу!.. (*Хутко пишовъ*).

Зависа.

Д і я 4-а.

Середына хаты Завады.

Я в а 1-а.

*Зависа, за кэтрою лежыць недужа
Оксана.*Горновъ (*выходе изъ за зависы, тыхо
говоре*).

Трохы заспокоилась, може сонъ иі підкрепыць. Не людське дило вчынылы, а дьявольське!

Завада.

Такъ вже, мабуть, судылося мени зостатись на старосты одынокымъ, безъ втихы, безъ жодной радосты! Булы й сыны, булы й дочки—усихъ Господь прынявъ, лышывъ дочку-мезыночку, сыритку по шостому годочку... Пестывъ, выховувавъ, доглядавъ, якъ око въ лоби, а на рэшти чого дждавъ? Ни, я выненъ!.. Не слидъ було мени потураты на іі хить. Захотила вывчыцься граматы, послужыць у панивъ, отъ и... Люде теперъ радять скаржыцься на парубкывъ громади. Що жъ ти скаргы, чы вернуть вонч жытте мой дытны?..

Горновъ.

Шкода, що не встерегли вы іі въ хати, що вона пisle колотнечи выйшла и забрела бо-зна куды!..

Завада.

Я побигъ по пысаря, щобъ той порадывъ що небудь... Вернувся, ажъ дывлюсь, іі вже въ хати нема. Кынувся по неі и вже якъ зовсимъ розвяднылось,—знайшовъ на греблі, бия розореного млыну.

Горновъ.

Тамъ вохко, сыро, вона и простудылась!.. Але не сумуйте, може Господь поможе, що все обійдетця благополучно!

Завада.

Спытавъ іі: чого суды забрела? Вона й одмовыла: „ходыла, каже найняты людзей, щобъ яму мени выкопалы“.

Горновъ.

Чому вы учора не дали звисткы Борысови, що таке зкоілося?

Завада.

Ай, чудно вы миркуете! Якъ бы я полизь у хоромы оповищаты про свое лыхо?.. Я жъ це тилькы видъ васъ уперше почувъ, що вона закохалася въ панычеві, мени и въ голови такэ не ворухылося...

Я в а 2-а.

Входыць Борысь.

Борысь.

Де вона? Що зъ нею, зъ моею люблюю?

Горновъ (*зупыня его*).

Тыхше, Бога рады, тыхше! Вона спыць, ты іі можешъ сполохаты!

Борысь (*ломае рукы*).

О, я несчастный, безталанный! О, я безхарактерный чоловік!

Завада.

Я не мигъ звернуты іі зъ того маіішого шляху, усіянного терномъ колючимъ, каминнемъ гострымъ... бо я любывъ іі безъ миры... и николы не мигъ я подуматы, щобъ такъ видплачувалы за щыре та вирне коханне!..

Борысь.

Батьку, батьку! Не вражуй мого сэрця въ край твоимы докорамы... Не выдавлюй зъ старыхъ своихъ очей слизъ, котри падають на мою душу важкимъ, гарячимъ ольвомъ... Хиба ты не бачышь, якъ мени тяжко? Передо мною тилькы замыготывъ вогонекъ щастя, до котрого я лынувъ, мовъ до ясноі зиркы и тилькы що наблызвыся до него, винъ вже згаса!.. Охъ, мое горе, пекло палаюче, море клекочуче!.. (*Рыда*).

Горновъ.

Радывъ тобі пыльнувати того щастя, бо воно инчому тилькы разъ на вику и зъявляеця.

Оксана (*за зависою*).

Борысь...

Горновъ.

Вона прокынулася, тебе клыче.

Борысь (*кынувся до неи*).

Боже! Святе небо и земля!.. Вона мене клыче... Я тутъ, моя Оксанко, тутъ!.. (*Пиднима завису*). Боже, за що таки муку?.. Дай же жыты и прославляты Твою мылость!..

Я в а 3-я.

Ти жъ и Максымъ.

Максымъ.

Та що тутъ у васъ, нехай Богъ бороне, трапылось?.. Кажуть люде, що у Антона щось непевне зкоилось, такъ я не попявъ виры.

Завада.

Карае насъ Господь, за грихы наши!

Борысь (*до Оксаны*).

Мое щасте, моя зоре, мій рай!..

Максымъ.

Не люде ин одіймають у васъ, а Богъ; Богъ давъ ий жытте, Богъ и бере! Винъ одынъ властвуюць надъ нами и мы не повинни ремствувати на Его святу волю...

Борысь.

Не ремствую я, я очеvyдячки загыбаю!..

Максымъ (*до Антона*).

А чы таке лыхо мы бачылы на своимъ вику, адже перетёрпили? Чого, чого на нашихъ очахъ не діялось? Отъ же все те мы терпили, вповаючи на Бога Мылосердного!..

Антонъ (*зитае*).

Боже, Твоя свята воля надъ нами!

Оксана.

Хто померъ?.. Дзвоняты десь... Борысь!..

Борысь.

Моя зоре, мое жытте!.. Оксано, Оксанко, просты мене! Порадуй же мене хочъ поглядомъ ласкавымъ?.. Це жъ я, твій любый, твій суженый!..

Оксана.

Любый... суженый... Лягай мерщій въ домовыну!..

Борысь.

Де жъ ты, серденько, бачышь домовыну?

Оксана.

Перстень це его... бильшь ничого нема... Души нема, вынялы и роздавылы... Не лякайтесь... Хочъ одну жъ искру жалу!.. Не треба грошей... На. подзвинне... Гадючий поглядъ, страшный!.. Повзе, повзе гадюка до мене!.. Захуйте мене!.. Повзе, впывастця въ мое сердце... Геть, геть!... Одрывить, одрывить!.. (*Умирае*).

Борысь.

Що це зъ нею? Оксано, Оксанко!.. Зомлила... Ни, вона не вмерла!.. (*Одскакуе одъ неи*). Рятуйте, рятуйте мене!.. Вона мертва!.. О, дежъ ты, смерте моя, де жъ ты забарылася?.. (*Упавъ била мертвои рыдаючи*). Охъ, не зарывайте ин въ землю, дайте мени надывытысь на мою мылу!..

Завада.

Донечко, донечко, а хто жъ закрыве мои стари очи?

Горновъ.

Замовкла на вику щыра душа! Зклепылысь уста, погасъ свить ясныхъ очей, втомылось безсыле тило, пидъ вагою чулов и щырон души!..

З а в и с а.

ВЕРГИЛІЕВА
ЭНЕИДА

Комычна феерія-оперетта у 5-ты діяхъ и
16-ты одминахъ.

Перелыцевана зъ поэмы И. П. Котляревскаго
М. Л. Кропивницкимъ.

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ,
30 Апрелья 1899 года. № 3140.

Дія 1-а.

Дієви люде.

Богиня Юнона.
Геба, прислужниця.
Эоль, богъ витривъ.
Нептунъ, богъ моря.
Эней, царевичъ Троянський.

Борей
Зефиръ
Эвръ
Нордъ
Троянци.

} витры.

Веранда въ покояхъ Зевеса, въ глыбыни, кризь колонны, выдко море.

Ява 1-а.

За лаштунками здалеку чутно хоръ Троянцівъ.

Ой бре море, бре,
Витерь зручный дме,
Зъ осмалеными Троянцами—
Эней зъ Трои пре!
Вже жъ зъ тией Трои
Сталась скырта гною,
Черезъ сварку очмарилыхъ—
Чортъ-ма супокою!

Ой бре море, бре,
Витерь зручный дме,
Тожъ Эней, панычъ моторный,
Всимъ передъ веде!

Ява 2-а.

Геба (выходить зъ боку, несучи въ коновкахъ нектаръ и амброзію).

Дять та пьютъ все наши боги,
Вже, служачы, пидбыла й ноги:
Знай, смажъ млынцы, шашлыкъ нмъ
шкварь,
Несы амброзію, несы нектаръ!.. (*Прислухається*).

Що воно реве такъ,
Мовъ бурлива хвля?
Наче хто справляе
Бучнее весилле!
О, ни! якись то гультипаки
Човнамы навпростецъ плывуть. (*Жахнулася*).

Чы ба! Це жъ грецкіи бурлаки
И панъ Эней самъ зъ ными тутъ!
Оце жъ Юнона, якъ спогляне,
На весь Олимпъ кудахкать стане:
Эней Юнонына болячка,
Вона его не любить страхъ! (*Усмихається*).

То жъ бидну нападе чухрачка,
Его якъ вздрить на поромахъ!
Найбільшъ за те їй не злюбився,
Що винъ у Трои народився;
Що й дядько ще его, Парысь,
Піамивъ сынь, уже помершый,
Якъ на Венерю задывивсь,
Винъ яблучко пиднисъ їй першій,
А не Юнони... Буде лыхо,
Эней їй гирше видъ бешыхъ!..
Нектаръ скоріше виднесу,
На закуску дамъ ковбасу
Та заразь же й шепну Юнони,
Хай дасть Энею макогона!.. (*Побігла*).

ХОРЪ ТРОЯНЦІВЪ.

Ой бре море, бре,
Витерь зручный дме,
Тожъ Эней, панычъ моторный,
Всимъ передъ веде!..

Ява 3-я.

Юнона (выбига прожогомъ).

Мени щось Геба наплескала,
Що, каже, нибы-то впизнала

Энея!.. (*Дивытця на море*). Винь,
це винь, той ланець!..
Стривай же, чортивь обидранець!..
(*Гука*).

Гей! А хто тамъ на подвирри?
Невже хрупуть вси по обиди?
Якъ пролежнивъ у васъ нема?

Голось (*зъ подвирря*).

А що намъ пролежни?.. Дарма!..
(*Позихае*).

Та що тамъ треба вашій мосци?

Юнона (*прыгрожуе на море*).

О, мацапура, ланцю, гыре!..
Втоплю тебе не въ мори въ ложки!..
Спровоаю въ пекло, въ самый вырй!..
(*Гука въ подвирре*).

Впряжы мерщій мени павычку!
Помчусь къ Эолу, якъ оса. (*Чепу-
рытця*).

Сховаты пидъ кибалку мычку,
Щобъ не свитылася коса...

Гей, Гебо, вирная служныце,
Несы швыдчъ кубову спидныцю,
Запаску, дукачи, шнуривку,

Несы хлибъ зъ силлю и тарилку.

(*Геба прыносе пуделко зъ жиночою
прымусією и тарилку зъ хлибомъ-
силлю*).

Дай, блейвасомъ накрасю губы,
Щобъ вышкиривъ Эоль видъ жагы
зубы!

Пидмажу купервасомъ бровы...

Теперь якъ разъ все до вподобы.

(*Пидгиздыть павычъ, запряженный въ
зрынджолы, Юнона сида и бере
вижкы*).

ГЕБА.

Бажая тоби, пани, щасливой дороги..

Юнона.

А ну, мій павычу, расправляй лышь
ноги. (*Поихала*).

Перемина.

*Скалы и пещеры. Эоль, сидячы на
скалы, куняе*).

Я в а 4-а.

Эоль.

Якъ почалы ставыть водяни млыны,
То зразу зменьчылысь зарибкы мои.
Весна жъ якъ настане—зовсимъ бо-
сый ходышь,
Часомъ на табаку за день не заро-
бышь!.. (*Труссе зъ рижка*).
И на понюшку вже чортъ его ма!..
(*Бъе себе по носу*).

Гуляй посудыно, гуляй дарма!

Я в а 5-а.

Юнона (*хутко вбига*).

Здоровъ, Эоле, пане свату!
Ой якъ ся маешъ, якъ живешъ?

Эоль.

Спасыби, що забигла въ хату,
Сидай.

Юнона.

А що, гостей ты ждешъ?
(*Стивляе тарилку передъ Эоломъ*).
Ось тоби, батьку, бухыночка свижа,
На стареньки зубы це смачненька іжа.

Эоль.

Сидай же, свашко, сидай на ослинь.
Яка жъ чепурна ты, нехай тоби хринь!..

Юнона (*лебезуе*).

Будь ласкивъ, сватоньку, старыку,
Избый Энея зъ пантельку,
Якъ разъ плыве на мори винь.
Ты знаешъ, то який суцыга,
Пальвода и горлоризъ,
По свиту винь якъ ще побига,
Чынихсь багато вылле слизь.
Пошлы ты въ море злую тучу,

Щобъ всю Энейську челядь сучу
Пустыть изъ нымъ на дно къ чортамъ!..
За цю жъ дивку уродливу,
Смачную, гарну, чорнобрыву,
Тоби я далеби, що дамъ!

Эоль.

Гай, гай! Ой дей же его кату!
Колыбъ же це я перше знавъ,
То все зробывъ бы за цю плату,
А то витры пороспускавъ...
Борей недужъ лежить зъ похмиля,
А Эвръ поїхавъ на весилле,
Зефиръ же, давній негодай,
Зъ дивчатъмы десь заженыхався,
А Нордъ въ поденщыкы нанявся,—
Якъ хочешъ, такъ и помышляй?

Юнона.

Ой, сватоньку, зроби ты ласку,
Потишъ на сей разъ свою свашку.

Эоль.

Та вже для тебе обицяюсь,
Эневи я ляпасъ дамъ;
Я хутко, мыттю постараюсь
Загнать его въ багно къ чортамъ.
Прощай же! Швыдче убирайся,
Обицянкы не забувайся!
Бо писля, чуешъ, ни чычыркъ!
Якъ збрешешъ, то хоча надсядся,
Писля на ласку не повядся,
Бо вдруге визмешъ въ мене чвыркъ.
(Показуе їй дулю).

Эоль.

РАЗОМЪ. { Зроблю тоби вже цю ласку,
Потишу свою любу свашку.
Юнона.
Ой, сватоньку, зроби ты ласку
Потишъ на цей разъ свою свашку.

(Чмокнувши его въ губы, пишла).

Эоль.

Ну й чепурна жъ превража молодыця,
И такъ вже гарна, ще й бадерытьця!
Смачно такъ поцилувала,
Не мовъ горчышныка прыклала.

(Гука).

Аговъ, аговъ! Борюю! Эвре!
Мовъ провалылыся у дебри!..
Де ты, Зехвыре, де ты Норде?!
А ну-жъ, зъявите свои морды!..
А ну-жъ, вертайтесь до двора,
Вже нагулялысь въ волю, годи!..

(Маха жезломъ).

Поганій заразыть быть погоди!.. (Дале-
кый гримъ).

Ага, на мори и гора! (Витры
зъявляютьця).

Борюю, Эвре, Нордъ, Зехвыре!..
Ну жъ дмухонить, не въ мою миру,
Щобъ раптомъ море спузырило,
Водою, мовъ въ ключи забыло!..

(Витры надымають щокы и дмутъ.
Гримъ, блискавка, дощъ, градъ, буря.
Море почына бурхатъ, Эней зъ то-
варыствомъ выздытъ на човнахъ,
нидъ парусамы).

Троянцы (хоръ).

Тай бурхае жъ сыне море,
Не мовъ бы що его сказыло,
Зростають раптомъ хвыли-горы,
Колы бъ ще насъ не потопыло.
Ой гвалтъ, ой гвалтъ, панове!
Що маемо подіять?
Колы бъ замисць вшанобы
Намъ не прыйшлося два помирать?..

Эней (згеретованно).

Чы я безъ доленькы вродывся,
Чы я на свити вже нажывся,
Що мушу нагло погыбать?...
Чы боги хочуть занедбать?..
Прокляти витры роздулыся,
А море зъ лыха, ажъ реве,

Охъ певно що вже намоглыся
 Боги занапастыть мене!
 Гей, де ты водяный гетьмане?
 Чы въ подушкахъ лежышь, мось пане,
 Чы ты оглухъ, чы спышь, Нептуне?
 Я жменю грошей тоби суну,
 Абы на мори штурмъ утыхъ!..
 Це хтось наславъ на насъ сто лыхъ?

Я в а 6 - а.

Нептунъ (*вырына зг моря верхы на ракови*).

Не вспивъ до дила й одягтысь,
 Якъ бувъ у лижку такъ схопывсь!..
 Фартухъ напыавъ замисць куртынкы,
 На ноги жъ—жинчыни патынкы,
 Бо хтось тутъ надто галасае,
 Неначе й справди потопае,—
 Завывъ, зовсимъ якъ на жывить!
 (*Пыта*).

Хто владу кримъ мене тутъ мае,
 Мовъ вершу роспускать свій рить?

Эней.

Це я гукавъ. На, хапаныну—
 Пивкопы грошей. А якъ мало,
 То дамъ ковбасъ ще, дамъ и сала...
 Тилькы утышь цю хуртовыцу! (*Дае
 ему гроши*).

Нептунъ (*взявз гроши, почына трезубцемъ махаты*).

Гей, дармоіды вы губати,
 Якъ смилы тутъ порядкуваты?
 Ачъ, роздулысь, та якъ ще гризнс:
 А до млынивъ геть, тамъ завизно,
 А тутъ вамъ заськы, бовтать воду.
 Глянъ, завелы яку вже моду!..
 Идить пидъ тры чорты, свынота.
 Имъ ыграшкы, мени жъ работа!..

(*Витры втикають одынгъ по одному,
 а Эолъ, тыхенько засовуетця за скалу*).

Гей, принесить сюды мителку,
 Зроблю я море, якъ свителку,
 Хай сонце выгляне на свить.

(*Море стыха. Щука прыносить митлу въ роти; Нептунъ мете море, сонце почына свитыть*).

Эней.

Теперь, лыцарство помолимся,
 Поклоны бйймо та хрестимся
 Та въ берегъ коженъ правъ байдакъ.
 Верны собъ-тпру на мисци, такъ!

Нептунъ.

Прощай землякъ, не згадуй лыхомъ,
 Не бййся, все тутъ буде тыхо.
 (*Пирнае въ море, щука за нымъ.
 Троянцы прыстають до берега и
 плыгають зг човнивъ*).

Эней (*на берези*).

Скорище лагодьте обидъ,
 Вже пидвело мени жывить.
 Замисць столивъ кладить шаловкы,
 Стелить вже рядна та циновкы,
 Варить изъ саломъ галушкы,
 Кулишь пшовяный, пампушкы...
 Тимъ часомъ, выпйймо по одній,
 Мовлявъ, на зубы на голодни,
 Та за бративъ-неборакивъ,
 Що годують въ мори ракивъ.

Хоръ.

Нехай на тимъ свити имъ легко гыкнетця,
 Та нехай щаслыво имъ тамъ поведетця,
 Все булы завзяты, щырын волякы,
 Теперь пишлы бидни годуваты ракивъ.
 Та й хто зъ насъ, панове, смерти не
 впизнае?
 Тилькы лышь безсмертныхъ вона не
 чепае,
 Такъ будемо жъ жыты, докы намъ жыветця
 И будемо пыты, докы въ горло летця!..

З а в и с а.

Дія 2-а.

Дієви люде.

Богъ Зевесъ, винъ же Юпѣтеръ.
 Венера, богыня красы.
 Меркурій, Олимпскій машталиръ.
 Дидона, Карфагенська цариця. Удова.
 Ганна, її сестра, дивчына.

1)	} Троянці.	1	} Карфагенянки.
2)		2	
3)		3	
4)			
5)			

Бандурысть.
 Кухаръ Дидоны.

Троянці, Карфагеняне и Карфагенянки, музыкы, слугы и народъ.

Картына 1-а.

*Хмары, на котрыхъ сидыть Зевесъ, передъ нымъ стоить изъ блискавки
 столькы, на стольку штофъ и кубокъ.*

Ява 1-а.

Зевесъ (*допыва кубокъ и заїда ма-
 ковныкомъ*).

Краще нектару льбонь, горилка
 Та ще якъ перчивка, чы калганивка!..
 (Пѣ).

Мишна каналська, та вже мало
 И закускы зовсимъ не стало!..
 А хто тамъ, гей! вточить ще зъ кварту,
 Я нахыльцемъ всю выпью зъ жарту.

Ява 2-а.

Венера (*въ грызетовому очитку, въ
 кунтуши зъ усами и въ намыстахъ,
 входе хлытаючы*).

Чымъ предъ тобою, мылый тату,
 Сынъ заслужывъ мій таку плату?

Зевесъ.

А що вчынылось, дило въ чимъ?
 Бо я недавно тилькы вставъ
 И ще лепортивъ не чытавъ.

Венера.

И ёнь, мовъ въ свынкы грають нымъ!
 Куды уже ему до Рьму?
 Хыба якъ здохне чортъ въ рови!

Якъ вернетця панъ ханъ до Крыму,
 Якъ женытця сычъ на сови?
 Хыба бь-то вже та не Юнона,
 Щобъ не вказала макогона,
 Що й досы слухае чмеливъ?
 Ты бь ій робыть такъ не звеливъ.

Зевесъ (*допыва*).

Охъ, доню, ты моя голубко!
 Я въ правди твердый такъ якъ дубъ.
 Та щобъ мени весь вылизъ чубъ,
 Щобъ не допыты цього кубка,
 Колы збрешу я, чорноброва.
 Ось слухай, доню, мого слова.
 Эней збудуе сылне царство
 И заведе свое тамъ панство,
 Не малый буде винъ панокъ,—
 Всему якъ слидъ винъ дастъ тамъ
 товкь...

Заїде до Дидоны въ гости
 И буде тамъ бенкетувать,
 Полюбытця ін винъ мосци
 И стане бисыкы пускать.
 Иды жь, небого не журыся,
 Попонедилкуй, помолыся,
 Все буде такъ, якъ я сказавъ.
 (Венера нызько кланяетця Юпи-
 терови, а винъ її цилуе).

Разомъ.

ВЕНЕРЯ.

Спасыби, татуню, мене звесельвѣ,
Неначе ты масла на душу нальвѣ.

ЮПЫТЕРЬ.

Иды жѣ не журыся, буде все якъ
сидѣ.
Я жѣ-бо довожуся Энееви дидѣ.

Перемина.

(Въ хоромахъ Дидоны).

Я в а 3-я.

Дидона (сидыть била вѣкна, вышыва рушныка).

„Тече ричка невелычка
Зѣ пидѣ кориня-дуба,
Не зазнала видрадонькы
Видѣ свого нелюба.
Прысудылы замижѣ иты
За нелюба люде,
Не зазнала зѣ нымъ я доли,
Мабуть вже й не буде“...
Любо рушныкъ дивци
Шовкомъ вышываты,
Бо вона нымъ мыслыть
Старостивѣ въззаты;
А якъ бидній удови,
Отъ такой хочѣ, якъ мени:
Рушныкъ на те лышѣ готувать,
Щобъ дрибни слезы вытырять.
Що зѣ того, що я й працевыта,
Що я и весела, гарна й сановыта,
Що й постилѣ биленька?..
Такъ стива жѣ нименька...
Вона не прыгорне, скилько не тулысь.

Голосъ (за вѣкномъ).

Кажу жѣ не впизнаешѣ, скилькы не
дывысь.

Дидона (дывытця у вѣкно).

А що жѣ воно ото за люде
Идутъ въ хоромы? Мовѣ заблуды!..

Я в а 4-а.

Входятъ Троянци.

Дидона.

Видкиль таки це гольтипакы,
Чы зѣ Дону рыбу везете?
Чы може выходци бурлакы.

Троянци.

Та мы не те, зовсимъ не те!..

Дидона.

Якый васѣ бисѣ сюды направывѣ
И хто до берега причалывѣ?
Яка жѣ ватага розбышакъ! (Троянци
падаютъ на вколюшки).

1-й Троянецъ (уклонившись нызенько).

Дозвольте вымовыть намъ такъ.
Мы вси, якъ бачѣ, народѣ хрещеный,
Волочымся безѣ талану.
Мы вси у Трои порожденни,
Эней пустывѣ на насѣ ману,
Далы намъ грекы прочухана
И самого Энея пана
Вѣ три вырвы выгналы звидтиль;
Звеливѣ покынуты намъ Трою,
Пидмовывѣ плаваты зѣ собою...
Теперь ты знаешѣ мы звидкиль.
Помылуй, пани благородна,
Не дай загынуть головамъ!
Будь мылостыва, будь незлобна,
Эней спасыби скаже самѣ.
Чы бачышѣ, якъ мы обидралысь,
Убранне й постолы порвалысь...

Дидона (гирко зарыдала).

Ой горенько жѣ, яки нещасни!
Звычайно, вы вѣ биди не властни.
На все е вѣ свити вышча воля,
Кому яка судылась доля!..

1-й Троянецъ.

А вже жѣ що е, е вышча сыла.

Останни троянци.

Розумно пани розсудыла!

1-й троянець.

Утры жъ ты слизонькы зъ лица,
Та привитай насъ неборакивъ,
За що заслужышъ вичну дяку!..

Дидона (*вытира слезы*).

Колыбъ скориче молодця
Энея вашого злапала,
Ну, вже жъ тоди й весела бъ стала,
Тоди велькдень бувъ бы намъ.

Я в а 5 - а.

Ти жъ и Эней.

Эней.

Ось плюсь и я, неначё зъ неба,
Ось, ось-де я, колы вамъ треба!
Дидони поклонюся самъ.

(*Уклонившысь Дидони у поясъ, об-
нима ю и цилуе*).

Дидона.

Якый же смилый и хороший,
Превражий хлопецъ, хочъ куды!..
(*Цилуе его*).

Эней.

Яка жъ красыва ты, Дидосю!

Дидона (*ни бикъ*).

Зъ такимъ не довго й до биды! (*Ему*).
Хвалы товаръ, а руку видно.

Эней.

Оскомына бере й завьдно!..
Бо зъ роду-вику вперше бачу
Таку красу жиночу й вдачу!..

1-й троянець.

И завелы вже баяндрасы,
Почалы точыты лясы!

Дидона.

Охъ, выбачайте гости любви,
Ось заразъ и порядокъ буде.
(*Заметушылась и почина плескаты
въ долони*).

подайте що тамъ выпыть, зысты!
Просю васъ гостонькы прыснеты.

(*Слугы несуть горилку въ глекахъ
и суляхъ, юрду и макуху*).

Сидайте по лавкахъ, на пиль,—
Кому де хороше и мыло.
Колы бъ же вамъ я догодыла?
Ось пийте, покы що—сывуху,
Закусуйте ось юрду та макуху,
Покиль клыкнемо васъ за стиль.

Троянци.

Оце такъ дило не погане,
Мы дякуемо, мосци пани! (*Сидаютъ*).

Дидона (*слугамъ*).

Готуйте кращии потравы
И сами гарнии прыправы!
(*Слугы ставляютъ тарилкы, посуду
и мыскы*).

Кухарь (*до Дидоны*).

Промовыты дозвольте слово.
Ось що у мене е готове,
Найвелькояснійша наша пани:
Плацнды зъ сыромъ до сметани,
Свыняча голова до хрину
Та локшына на перемину;
Потимъ зъ пидлевою гындыкъ;
На закуску: кулишъ и каша,
Лемишка, путря, хлякы, кваша,
И зъ макомъ медовой шулыкъ!..

Дидона (*Эневи*).

Чы любышъ ты таки потравы?

1-й троянець (*до товарищивъ*).

Цей кухарь мабутъ изъ Полтавы.

Эней.

Иства смачни, булы бѣ —смачнищи,
Колы бѣ теперь бувъ часъ вильнищый,
То я побигъ бы на охоту...
Тутъ, мабуть, дычны доволи?

Дидона.

Е звиря сыла—въ лиси, въ поли...
Ось тутъ близенько о болото,
Гусей тамъ сыла, лебедивъ...
А ну лышь вдвохъ туды майнимъ?

Эней.

Хиба?.. До дила!

Дидона.

Я дуже смилла!

Разовѣ. { Мы вдвохъ тамъ зробымо облаву
И пополюемо на славу,
У мене справа не плоха.

1-й троянецъ.

Ой, буде тамъ не безъ гриха!.. (*Эней
и Дидона побиглы*).

(*Налыва*). Стрывайте, братця, ось
вышнивка!

Другый (*налыва зъ другою сулію*).

Медь!

Третій.

Пыво!

Четвертый.

Сривецъ!

Пятый.

А ось Опошнянська дуливка!

Слуга (*ставляе ялывецъ*).

1-й троянецъ.

Ага, для духу ялывецъ!

2-й троянецъ.

О, бандурыста йде сюды!

1-й троянецъ.

Сопилка, бубонъ и скрышыця!

3-й троянецъ.

Выходьты, будемъ веселыця!

Я в а 6 - а.

Входятъ бандурыстый и музыкы.

1-й троянецъ.

А ну, слипеный, заведы
Якоясь намъ такои,
Щобъ сердце раптомъ заспоконть
И щобъ горилка лехшъ пылась.

Бандурысть.

Такъ шашоль въ горли завелась,
Доки не выпью, клята точыть;
Якъ горилашъ ни намочыть—
Замовкне, наче не жыва.

1-й троянецъ.

Зо мною тежъ оттакъ бува. (*Частуе
бандурыстого*).

Бандурысть.

Звеселысь же швидче немощна утробо!
(*Выпывз*).

На, тоби жывыци, дьявольська худобо!
Ага, замовкъ, злякавсь катюго!..

А ну, хлюпны на пего й другу?

(*Выпывз, почина гратъ и спивать*).

Д у м а.

Ой на мори бурлывому,
Тожъ на мори на сынему,
Добрый молодець,
Эней Троянецъ,
Байдакомъ-чайкою керуе вправляе,
До своихъ бративъ, бидныхъ сиро-
манцивъ,
Осмаленыхъ, якъ гыря Троянцивъ—
Зъ тыха щыренъко промовляе.
„Ой вы мыли мон братци,

Преславни лицари Троянци,
Мене послушайте
Та про тее дбайте.
Що якъ намъ на свити Божому про-
жыты,
Що не маемо на плечахъ свытыны,
А ни сорочки зайвои, ни кожушыны...
Що жъ мусымо, братця, по сему
вчыныты?

Ой якъ загулы, якъ загомонили,
Лыцари Троянци обгорили:
Хай думае гадае,
Та про добре дбае,
Самъ панъ Эней, бо винъ же мо-
торный,
Завзятищый въ свити видъ усихъ
бурлакъ,
На всяке дило вдатный и проворный,
Бо винъ же лыцаръ, хочъ куды ка-
закъ.

Ой якъ защебече, мовъ бы въ лузи
птахъ,

Добрый молодець,
Эней троянець.

Гей, не сумуйте въ обидраныхъ латахъ,
Зпершу пийте, братця, добре гуляйте,
Мене Энея, лыцаря послушайте:
Якъ Богъ допоможе—будемъ ходыть
въ шатахъ.

Будемъ оксамыты та едвабы драты,
Та сути грезеты въ онучахъ топтаты.
Всему панству-товарыству и всему
поспильству (*Кланяетця*).

На добре здоровьячко та на многи
лита.

Троянци (*плаксыво*).

Ой хай тоби хринь изъ перцемъ,
Дойнявъ ажъ до самисенького сердца!

1-й троянець.

А ну жъ, веселон ушгварь,
Хто побойчищъ, выходи та вдарь!

(*Выходятъ двое, чы трое троян-
цивъ и танцюють*).

Хоръ.

Ой дивчына горлыця
До козака горнетця,
А козакъ, якъ орель,
Якъ побачышь такъ и вмеръ.
Умеръ першый байдуже,
Умеръ другый байдуже,
За третего молодця
Почала я журытця.
Журылася, журылася,
Трычи на день молылася.
Де не взявся молодець:
„Ходимъ сердце у танець!“
Танцювала-дриботила,
Доки нижокъ не втотыла;
Сила трохы видпочыты,
Щобъ и знову дриботиты...

Я в а 6 - а.

Вбигають Эней и Дидона.

Дидона (*обтрушуетця*).

Ну тай прыдбалы жъ мы роботу,
Тилькы що выйшлы на охоту,
Ажъ це гримъ зъ неба: торорохъ!

Эней.

Та й загнавъ насъ въ темный лехъ!..

1-й троянець (*до другого*).

А шо въ леху тамъ вдвохъ робылы?

2-й троянець.

А намъ до того, шо за дило?

Дидона.

За стиль, за стиль просю гостей!
Я сяду тутъ, а тутъ Эней. (*Сыдають*).
А вы сыдайте, до хто вхвале.

Эней (*дыуетця*).

Та скилькы жъ тутъ пытва и стравы?..

Я в а 7 - а.

Входятъ Ганна и карфагенянки.

Дидона.

Осьдечкы й Ганнуса, любая сестрычка;
А зъ нею дивчатка й наши молодычки.

Эней (*чоломкаетця*).

Оце такъ до речи, що загостювали.

Дидона.

Сидайте, будь ласка! Скиньте пры-
чандалы!

(Карфагенянки скидають верхню зайву одежу).

О тутечкы сидай ось, Ганно.

Эней (*на бикъ*).

Яке жъ дивчатко враже гарне!

Дидона (*огляда ѳи*).

Въ червоній юпочци баевій,
Въ запасци гарній фанелевій,
Въ стричкахъ, квиткахъ та у намысти!

КАРФАГЕНЯНКИ.

Щобъ за столомъ сидить та істы,
Це бь-то за тымъ прийшли мы въ
гости?

Нехай іство вже вашій мосци,
А намъ музыки хай заграють;
Нехай соби ти кулыкають
Кому кортыть пытво кружать,
А намъ кортыть потанцювать.

Эней.

Оце то справди ричь до дила.
А ну, Ганнулько чорнобрыва,
Потанцюй лышь выкрутасомъ
Передо мною, выхлясомъ!..
И я вже врижу гайдука!

Дидона (*до Ганны*).

Ну жъ, хай пидкивки забрызчатъ,
Жыжки видъ танцивъ задрижатъ,
Розворушы лышь юнака!

(Музыка гра. На першимъ плану Эней зъ Ганною танцюють, други въ глыбыни. Дидона выйшла).

1-й ТРОЯНЕЦЬ.

Энею, шпарчъ! Оттакъ, оттакъ!
Зберы мерцій матню въ кулакъ!..
Ей-ей же гарво! Молодець!..
Мовъ, на аркави жеребець!

Я в а 8 - а.

Входятъ Дидона.

Дидона (*уздрившы, що Эней вже над-то умызгаецця била Ганны, пускае горщыкъ зъ вареною и розлива. Танци кинчатця*).

Посудыну другу мерцій, гей, внесите!
Вси фелыжанкы въ руки берите.
Ну жъ, пилса танцивъ хыльнить ва-
ренухы,
Пытво це годытця пыть на потуху.

(Налыва всимъ фелыжанкы).

1-а КАРФАГЕНЯНКА (*дивлячысь на Энея*).

Та й бравый вражий козарлюга!

2-а КАРФАГЕНЯНКА (*на бикъ*).

Варену дме, не мовъ пьянюга!

3-я КАРФАГЕНЯНКА (*итовха 4-у*).

Ты прыдывысь який парныще,
Варену такъ, якъ брагу хлыще!..

2-а КАРФАГЕНЯНКА.

Мутыть, мовъ на сели москаль.

1-а КАРФАГЕНЯНКА.

Не взявъ-бо хринь его, моторный,
Хысткий, цикавый и проворный!..

2-а КАРФАГЕНЯНКА.

Обидранный який, ажъ соромъ глянуть!

3-я КАРФАГЕНЯНКА.

А очи, такъ до себе й тянуть!..
Коло Дидоны завозывся,
Якъ зъ оселедцемъ сирый кить...
И до Гандзюльки такъ уівся,
Що ажъ зъ чола закапавъ пить!..

2-а КАРФАГЕНЯНКА.

Сама гляды не закохайся?

3-я КАРФАГЕНЯНКА.

Частись на себе оглядайся!

2-а КАРФАГЕНЯНКА.

Я байдуже!

3-я КАРФАГЕНЯНКА.

Та не дуже!

1-а КАРФАГЕНЯНКА.

А ну, заведитця
Та ще поскубитця!

2-а КАРФАГЕНЯНКА.

А Дидона не заюрыла?
Горшокъ зъ вареною розбыла!

Дидона *(плеще въ долони)*.

И пыть будемъ, и гулять будемъ,
А смерть прыйде померать будемъ!

Хиба мало ще я
Бидна сумовала?

За те жъ вже тепера

На рикъ загуляла!

Давайте у Панаса граты,

Я хочу де кого ввіймать. *(Завязуе
собѣ хусткою очи)*.

1-й ТРОЯНЕЦЬ.

Хто въ хрещыка, чы въ горюдуба!

2-й ТРОЯНЕЦЬ.

Я згоденъ гуляты до мокрого чуба,
Тилькы неодминно въ джгута.

3-й ТРОЯНЕЦЬ.

Хто у хлюста, ходитъ сюда!
(Розбиваютьця на группы и грають).

Пьяный ТРОЯНЕЦЬ *(цилується зъ
карфагенцемъ)*.

Якъ тилькы я тебе уздривъ,
То такъ якъ брата полюбивъ!

КАРФАГЕНЯНИНЬ.

А я, якъ сему въ себе выливъ,
Ну такъ и рве мене до спививъ!

*(Дидона почына ловитъ зъ завязаными
очыма)*.

Эней *(у бикъ)*.

Догадуюсь чого Дидона хоче!
Пожды жъ, тебе я заморочу.

Дидона *(впіймала когось)*.

Ага, впіймала!

Эней.

Не мене!

Дидона.

Пожды впіймаю я й тебе.

Эней.

Ни, мосци пани, я хытрищый.

Дидона.

И дыкый кинь спершу басуе,
Лома голобли, коверзуе,
А потимъ стане найсмирнищый.

*(Повертається на мисци и захопыла
Эней)*.

А що, кого це я впіймала?

Эней.

Ну що жъ, моя черга настала. *(Хоче
завязаты очи собѣ)*.

Дидона.

Ни годи, годи вже жмурытысь. (*Вырыва у его хустку*).

Въ тиснои бабы садовитесь!

Або тнить скрипки та цымбалы,

Бо ще жъ-бо я й не танцювала!

(*Музыки грають, вси стають въ коло, Дидона зъ Энеемъ въ середыни*).

Ой на двори метельця

Чому старый не женытця?

Ой якъ мени женытыся,

Буде стара сварытыся.

(*Дидона зъ Энеемъ танцюють на втрысядкы*).

Перемина.

(*На подвирри у Дидоны. Хоромы, садъ, повиткы, конюшни, баиты и скрыта кырычу*).

Я в а 9-а.

Эней (*иде до прызьбы*).

Оце якъ въ брази покупавсь,

То наче трохы видпустыло;

А то пидъ груди пидвалыло,

Не мовъ бы хто въ жывить забравсь

И такъ винъ тамъ запорядкувавъ,

Що ледве бувъ я не пропавъ!.. (*Огляда себе*).

А ловкенько такы прыбравсь,

Мовъ парубійка до дивокъ.

Дидони дяка, пидослала,

Що видъ покійнычка украла:

Галанци й пару чобитокъ,

Сорочку и каптанъ зъ кытайкы,

И шапку, поясъ зъ каламайкы,

И чорный шовковый платокъ.

Я в а 10-а.

Дидона и Эней.

Дидона.

Здоровъ, козаче, якъ ся маешь?

Эней.

Спасыби, сердце, живемо,

Та хлибъ, якъ кажуть, жуемо.

А ты, якъ, пани, поживаешь? (*Цилуе у неи руку*).

Дидона.

О, гарно, гарно! Рада дуже,

Що на похмиллечко байдуже.

Эней (*сміється*).

Де тамъ байдуже, пани, ни!

Страхъ якъ шумило въ голови.

Дидона (*пидморгнула*).

Ну, ты жъ, козаче, й выкрутась!

Эней.

А ты не хытра? Знайшла грыще,

Щобъ била тебе бувъ я блыжче,

Другыхъ очыма щобъ не пасъ—

Въ тиснои бабы граты стала?

Дидона.

Колы бъ тебе не сподобала,

На вищо бъ стала те робыть?

Эней (*обнима Дидону*).

Тоби я радый догодыть,

Якъ найлюбище. Весь я твій!

Дидона.

Тоби я рада догодыть,

О, велетне! Кумыре мій!

Дидона.

О якъ же безъ мира тебе я кохаю,

Для тебе, серденько, весь миръ за-

Эней. нехаю!..

Зъ тобою жыты, зъ тобою вмерты,

Дылытысь щастемъ до краю, до смерты.

Дидона.

Зостаньсь, соколоньку, самъ тутъ на

хвылыну,

Тужъ тужъ я до тебе, голубкой пры-

лыну.

5*

Разомъ.

Разомъ.

Пиду, звелю знову бенкетъ готувати,
Хочу тымъ бенкетомъ весь миръ зды-
вувати.

ДИДОНА.

Мій соколе ясний!

Эней.

Моя возуленько!

ДИДОНА.

Друже мій прекрасний!

Эней.

Мое ты серденько!

Разомъ.

О якъ же безъ мнри тебе я кохаю
и т. д.
(Дидона поцилувавши его, хутко
пишла).

Эней.

Одначе закуривъ,
Ни якъ и не охаюсь:
Якъ въ масли сыръ купаюсь,
Мовъ розумъ весь пропывъ!..

Я в а 11-а.

МЕРКУРІЙ (*іде зъ неба тройкою коней*).

Зъ горы, бачъ, брыкае,
Капосна кобыла!
Колы бъ, бува, воза
Въ цуры не побыла. (*Пидбига до
Энея*).

А що ты робышь тутъ, псяюхо,
Невже и досы пьешъ сывуху?
Мене ты певно и не ждавъ?
А ну жъ-бо, швидче убирайся,
Зъ Дидоною не женихайся,
Зевесъ походъ тоби сказавъ.
Задасть тоби винъ халазію,
Винъ зъ тебе выдавыть олію!

Эней (*жаснувся*).

Отъ штука! Оттака ловысь!..

МЕРКУРІЙ.

Гляды жъ, сегодня щобъ убрався,
Щобъ ныщечкомъ звидциль урався,
Мене у друге не дождысь.
Оце й наказъ тоби увесь! (*Пишовъ,
потимъ вертається*).

Найскорше жъ звидцы уплитай
Та Рыма строиты чухрай,
А то залигъ, мовъ въ груби песь.
(*Сивъ у визокъ*).

А ну, гниденька, бадерысь.
Прощай же. Туты не барысь!

Эней (*самъ*).

Мовъ сердце вырвавъ Зевсъ у мене.
Прощай Дидоно й Карфагене!.. (*Зит-
хнувъ*).

Треба троянцивъ позбираты,
Швидчъ втикаты зъ теплои хаты.
Ов-ва! У мене зъ переляку,
Ажъ зъ носа потекла кабака!..

Я в а 12-а.

Троянцы и Эней.

1-й троянець.

Ходимъ, почнемо знову пыть!..

2-й троянець.

А гарни тутъ дивчата й молодыци!..

3-й троянець.

Гайда сегодня зновъ на вечорныци!

Эней (*гризно*).

До човнивъ швидче, въ одну мить!
Зевесъ втикаты намъ звеливъ,
Меркуръ такъ заразъ сповистывъ!

Троянцы (*зъ жалемъ*).

Колы бъ знатте, що такъ вчынытця,
Було бъ до завязкы допытця!

2-й троянець.

Отъ тоби дивчата й молодыци.

3-й троянець.

Мынулысь нашп вечорныци.

1-й троянець.

Найбільшъ шкода пытво кыдать!

2-й троянець.

Хочъ бы его зъ собою взять!

Эней.

Идите швыдць и не шамаркаты!

Троянци.

Поїдемъ зновъ по морю каркаты!
(*Пшилы*).

Эней.

Не знаю, чы до ночи ждаты,
Чы заразъ полы пидобраты?

Я в а 13-а.

Входе Дидона.

Дидона.

Чого смутный? Може хвороба?

Эней.

Та такъ, неначе щось утроба...
Прылигъ бы трохи я спочыты,
Щось почало о тутъ точыты.

Дидона (*побачыла троянцызъ, котри
пшилы до човницъ*).

Чого то хлопци почвалалы
До моря?.. Що воно за знакъ?

Эней.

Пославъ ихъ оснащаты байдакъ.

Дидона (*зъ лякомъ*).

На вищо?

Эней.

Довго й такъ гулялы,
Забудуть муштру... Щожъ тоби?

Дидона.

Ты правду кажежъ це мени? (*У бикъ*).
Чы не задумавъ утекты?

Эней.

Дыдосю, ты мене прости!..
Ой, ой! пидь серцемъ занудыло..

Дидона.

Стрывай, у мене е кадыло,
Якъ пидкурю та пошепчу... (*Пшила*).

Эней.

А що, якъ заразъ я втечу?
Прощай, чаривная небого! (*Зит-
хнувъ*).

А ну, мерщій давай Богъ ноги! (*Би-
жыть*).

Я в а 14-а.

Дидона (*хутко хана Энея за чуба*).

Постій брехливый, вражий сыну!
Зо мною перше расплатысь,
Бо задушу якъ злу лычыну!..
Ось ну лышь, тилькы ворухнысь!
Оттакъ за хлибъ, за силь ты пла-
тышь?

Прывыкъ зъ усихъ ты насмихатысь,
Роспустышь славу по мени!
Зогрила въ пазуси гадюку,
Я сердце виддала на муку...
Кому жъ я виддала?.. Свыни!..
Згадай, якимъ прыйшовъ до мене?
Сорочки не було у тебе...
Чы знавъ ты, що такее гроши?
Мавъ безъ матни одни колоши
И тилькы слава, що въ штанахъ!
Свытына вся була въ латкахъ.

Эней.

Що бидный я, то то не соромъ!..
А що жъ зроблю я зъ своимъ горемъ?
Бачъ, Зевсъ Меркурія приславъ
Щобъ звидцы я мерщій вдыравъ!..

Дидона (*рыдаючи*).

Чы я у чимъ не догодыла,
Чы маты вже шепнуть поспила,
Щобъ тутъ ты, гаде, не сыдивъ?
Чы може трясця захотивъ?
За кучму цю твою велику,
Якъ дамъ тобі ляца я въ пыку,
То тутъ тебе изльже й чортъ!
И очи выдеру изъ лоба
Тоби, дьявольска худобо,
Трясесся, мовъ зимою хортъ?

Эней.

Та чимъ же я, голушко, вынень?..
Такъ Зевсъ звеливъ... И я повинень...

Дидона.

Мандруй до чорта ты зъ рогамы,
Нехай тобі прыснитця бись!..
Зъ твоими сучыми сынамы,
Щобъ врагъ побравъ васъ всихъ
гульвись!

Ой горе, горенько мени,
Нещасній, бидній удови! (*Рыдаючи
закрыва лице руками*).

Эней (*у бикъ*).

Яка жъ оказія погана...
Щобъ не дали ще прочухана! (*Вти-
кае*).

Дидона (*оглянулася*).

Нема уже?.. Уже пишовъ?!..
Бодай ты наглу смерть знайшовъ!

Я в а 15 - а.

Ганна (*вбигае*).

Зибралысь гости и мы тутъ.
Заразъ музыки заревуть!.. (*Ды-
вуетця*).

Та що таке тутъ зъявилось?
Чого ты плачешъ, що вчынилось?

Дидона.

Ганнусю, рыбко, душко, любко,
Рягуй мене, моя голушко.
Охъ, я жъ пропала вже на виль!
Эней покинувъ мене бидну,
Якъ паплюгу яку последню!

Ганна (*жашнулася*).

То жъ лютый зверь... не чоловікъ!

Дидона.

Нема у сердца мого сылы,
Щобъ я могла его забыть.
Могыла мій надежный путь!..

Ганна.

На вищо заразъ и могыла?..
Бодай Энея трясця вбыло!

Дидона.

Я все для его потеряла,
Людей я, славу занедбала!..
Боги! я зъ нимъ забула й васъ!

Ганна.

Утыхомырся жъ хочъ на часъ?

Дидона.

О, пущьвиринку, Купыдоне!
Любуйся, якъ Дидона стогне!..

Ганна.

Та годи тяжко такъ вбыватысь!

Дидона (*зупыняетця*).

Такъ, такъ... Охъ, годи!.. Я хочу зо-
статысь
Сама... Иды звидциль, сестрыце...

Ганна.

Такъ сумоваты чы годытця?

Дидона.

Ни, ни!.. Я смутокъ зальшу.
(*Обійма Ганну*).

Иды жъ звидциль, иды... Пропу!
(*Дае рукою знакъ, щобъ Ганна
йшла. Подумавши*).

Такъ и зроблю, якъ вчышь ты, сердце!
Бо знаю—горе не мынетця!..
Такъ, такъ... Ось осьдечкы кресало
И клоччя въ меце е чы мало.
А онъ въ костри кырпычъ сухенькый,
Якъ порохъ, знаю, винъ палкенькый.
Скоришь костерь той запалыты,
Бо вже мени не животиты!..
(*Креше вогонь, потимъ въ клоччи
роздува*).

Палай же полумне на дыво,
Мене щобъ раптомъ обхопыло!..
(*Кыдае верхню одежу въ огонь и
сама кыдаеця въ него*).

Прощай ты, зрадныку проклятый,
Нехай тоби боги видплатять!..

Д і я 3-я.

Д і є в и л ю д е.

Царь **Ацестъ**.
Царыця **Мира**.
Сицилійскы вельможы и сицилійци.
Даресъ {
Энтель { борци.

Я в а 1-а.

Троянцы (*плывучы моремъ, спивають*).
Ой що жъ-бо то та й за крячокъ,
Що по морю крякае;
Ой що жъ-бо то за бурлака
Що всихъ бурлакъ склыкае?
Та збирайтесь, панове-молодци,
Збирайтесь вси разомъ.
Та поїдемъ, панове-молодци,
Ажъ въ той городъ у Азовъ...
Невтесъ.
Мени цей берегъ по знаку,
Звидциль зовсимъ не вдалеку

Я в а 16-а.

Ганна и карфагеняне (*гуртомъ вби-
гають*).

Хоръ.

Гуртомъ мы звеселымъ царыцю!

Ганна (*побачыла*).

Горыть? Вже мертва? Подывитця!

Вси.

Щобъ вить горивъ и не згоривъ
Той гадъ, що зражуе бабивъ.
Пизнайте молодыци гожи,
Зъ Энеемъ вси чортякы схожи!

(*Здалеку чутно писню троянцывъ*).

„Ой бре море, бре!..

З а в и с а.

Невтесъ, троянець.
Тинь Анхыза, батька Энеевого.
Слугы, народъ и воины.

Море. Писчаный берегъ и скелы.

Сицилія—земля багата,
А ну разомъ наляжъ, хлопьята!
(*Гребнулы*).

Туть добрый царь живе—Ацестъ,
Всего багацько въ его есть.
(*Прычалюють до берега, зъ города
на зустричъ имъ бижяты сицилійци*).

Я в а 2-а.

Царь Ацестъ, царыця Мира и си-
цилійци.

Эней.

Здорови будьте, добри люде.
Чы це Сицилія, пакъ буде?

Ацесть (*выступивъ впередъ*).

Та це жъ вона сама и есть.
Я жъ царь сѣи земли, Ацесть!

Эней.

Невже? (*Выпльгуге зъ човна и
бижить до него*).

Якъ такъ, здоровъ бувъ, любый брате.
А я Энеемъ звусь. Чувавъ?

Ацесть.

Я по патрету упизнавъ.
Покорно просымо до хаты.
А це царця моя, Мира.

Эней (*у бикъ*).

Яка жъ чорнява, та вродлива.
(*До неи*).

Сердечно паню гратолою,
Позвольте, ручку поцилую! (*Цилуге*).

Мира.

Мы дуже ради вашій мосци.

Ацесть.

Въ хоромы просымо йты гостя.
Гей, карбивнычый, передь очи!
(*Вельможя прыбигъ*).

Нагодувать людей робочыхъ...
Всѣй брати дадутъ хай сала,
Горилки и ковбасъ чымало
И хлиба повне решето.
На полудень дать всимъ тетери
Та розвесты ихъ на кватери
Хай йдутъ, куды потрапать хто.
(*До Энея*).

Ходимъ, Анхызовычъ, въ хоромы,
Побачышъ тамъ, яки мы й хто мы!
А перше выпьемо за згуду,
Всего поспильства й всего роду! (*Пье*).

Эней (*пье*).

Тай крипкий же у тебе медъ!
Веды жъ, хазяине, передь. (*Спи-
вають обнявшысь*).

Та колы бъ не мы та не вы,
То бъ мы тута не були, (2 раза)
Горилочки бъ не пылы.
Выпьемъ, друже, по одной,
Потимъ выпьемъ по другій,
Якъ по третій станемъ пыть,
Той четвертой скортыть! (*Пимлы*).

Перемина.

(*Въ хоромахъ у Ацеста*).

Я в а 3-я.

Эней (*прокыдається на похмилле
пидъ лавою*).

Одначе вчора налыгавсь я
Гречаныхъ зъ часныкомъ пампухъ
И пиненькой такъ набрався,
Що думавъ: выпре зъ мене й духъ!..
Щыренько батька помынавъ!
Съ попамы трызну видспивавъ,
Щобъ рай богы души отперлы,
Бо павъ-отець зъ горилки вмерлы...
(*Позиха*). Чогось нечаче болять ноги,
Не чуть ни рукъ, ни головы...
Чы не напали перелогы? (*Загляда
въ дзеркало*).

И очи спухлы, мовъ въ совы. (*Огля-
да себе*).

Та це я зовсимъ не роздигся,
Пидъ лавою въ одежи спавъ?!
И певно дуже изнемигся,
Що ажъ мыслитечко пысавъ?

Я в а 4-я.

Входыть Ацесть и паненята.

Ацесть.

А що, Энею, вже проснувся?

Эней.

Та вже... Ни якъ не видсапнуся,
За серце смокчуть, мовъ глысты...
Ажъ важко голову звесты...

Ацестъ.

То выпый швыдче зъ пивквартивкы,
Зъ имбыромъ пинной горилкы. (*Слуга*
пидносить).

Царыця.

Це я сама настій робыла,
Ось покоштуй, чы догодыла?
(*Эней пье*).

Ацестъ.

Я кухоль сыривцю вже втеръ,
Чудово дуже на похмилле!

Эней (*вытыг*).

Найкращи ликы—оце зиле.
Спасыби, пани, похмелыла,
Ни що неначе й не болило!.. (*Вид-*
кашлывысь).

Давайте зновъ гулять теперъ!

Ацестъ (*гука*).

Аговъ! Сюды пыва й меды!
Іства и закускы сюды!.. (*Слугы вно-*
сятъ).

Эней.

Я бия пани сяду блыжче. (*Сиди*).

Царыця (*пыта*).

Чымъ можемо забавыть пана?

Эней.

Дозвольте васъ потишыть, пани?

Царыця (*показуе знакъ, що зго-*
жуеця).

Эней (*гука*).

Борчивъ сюды нехай поклычуть.

Ацестъ (*сміеця*).

Нехай, нехай чубы насмычуть!

Эней.

Чы е який тутъ перебіецъ? (*Высту-*
па Даресъ).

Даресъ (*уклоняеця*).

Ось я!

Царыця.

Неначе компаніецъ!

Даресъ.

Даресомъ звуся я, васъ—паны!
А хто е тутечкы, межъ вамы,
Що выйде проты мене бытысь,
Покоштуваты стусанивъ?
Хто хоче пасокою вытысь?
Кому не жаль своихъ зубивъ?
Кому печинокъ не шкода,
Выходьте швыдче милкота!
А нуте жъ, нуте, йдите швыдче,
Сюды, сюды до мене блыжче!
Я бебехы вамъ надсажу.
На очи вставлю окуляры;
Сюды поганци, бакаляры,
Я кожному лобъ розмизжу.

Кому печинокъ не шкода,

Выходьте швыдче милкота!

(*Пауза*). Такъ вы, бачу вси легко-

духы

Вси протывъ мене вы якъ мухы
И пудохветы на голо?..

Эней (*скочывъ*).

Та ще й на свити не було
Такого дужого бурлакы,
Щобъ видъ Ентела винъ табакы
Не нюхавъ, лежачы пидъ нымъ.

Даресъ.

Похвастаемось мы, пане, згодомъ,
Хто верхній буде, хто пидъ сподомъ.

Эней.

Гукнитъ Ентела! Мижъ народомъ
Повыненъ буты, якъ не спыть
Пидъ тыномъ де-небудъ, зъ похмилля.

1-й троянець.

Я видшукаю его въ мить! (*Побигъ*).

Ацестъ.

Побачымъ, що Ентель за зилле?

Я в а 5-а.

Ти жъ и Ентель.

Ентель (*уклонившись*).

Я поедынку не боюсь.

Оце Даресь! Ну, сгійте жъ наши!

Зварю Даресу пану кашу,

Горилки дайте лышъ напыюсь.

*(Пидносять Ентелови казанокъ сы-
вухы, винз іи однимъ духомъ вы-
тыва. Писля того сплюнувъ и по-
зихнувъ).*

Боротысь будемо, чы бытысь?

Даресь.

Ни, бытысь!

Ентель (*кладє шапку доли*).

Нуте жъ, розступитесь!

(До Дареса).

Я ребра тоби полнчу!

Зимну всего я на табаку,

На смерть зувичу, мовъ собаку!

Я бытыся тебе повчу!

Даресь.

Повчышъ та тилыкы не Дареса.

Ентель.

Ховайсь, помы що, неотесо,

Бо вже потимъ ты не втєчєшь!..

Я роздавлю тебе якъ жабу,

Зимну, зигну якъ холодъ бабу,

О тутъ и зубы ты зитнешъ!..

Тебе дьяволь по впизнає

Зъ кисткамы проковте й злыгає!..

(Засукуючи рукава, скрегоче зубамы).

Даресь (*наступа*).

Зубамы такъ не скрегочы,

Бо не злыкаєшь.

Ентель.

Лопочы,

Докы языкъ не занимивъ.

Даресь (*бєе его*).

На жъ ляпаса! А що изывъ?

Ентель (*перевернувся, але устоявъ
на ногахъ*).

Не такъ-бо бєешъ, а ось якъ треба!

Держысь же чортова незгребал! (*Бєе
его*).

А що, вхопывъ видъ мене здачу?

Даресь (*захытався*).

Охъ, що це? Свита я не бачу!..

Зъ очей мовъ искры полетилы!

Ентель.

Зносы здоровъ, земляче щырый! (*Да-
ресъ упавъ*).

Эней.

Ай да Ентель.

Царыця (*плєще въ долони*).

Козакъ на дыво!

Ацестъ.

Загнавъ Дареса, мовъ у слывы!

Мєрщій Дареса пидіймитъ,

На свижий витєрь видведитъ,

Щобъ швыдчъ видъ ляпаса прочхавсь.

(Дареса выносятъ).

Эней.

Ентеле! На жъ ось на табаку

Тоби цилисеньку гывняку. (*Дає*).

Ацестъ.

Козакъ! (*Дає ему грошей*).

Царыця (*тежъ дае гроши*).

На славу показавсь!

Эней (*гука*).

Ведмедивъ прывесты звелить!..
Лытва нехай въ сурмы сурмыть!
(*До Ацеста и царыци*).

Вы лытвынивъ ще не выдады?
Побачыте, якы невады...

Я в а 6 - а.

Ти жъ и троянецъ.

Троянецъ (*вбиги до Энея*).

Невже не знаешъ, що вчынылось?
Якась лычына нарядылась
Въ лукаву видьму, злу Берою,
Що зъ Трои мы веземъ зъ собою,
Прийшла до нашихъ молодыць,
Пыригъ имъ въ руки заразъ тыць.
„Не нудьтесъ, каже, молодыци
И вы, дивчата билолыци!
За горе треба платыть горемъ...
Насъ чоловики лышь морочать,
Симъ литъ, якъ по моряхъ волочать,
Та докы жъ мы мовчать имъ волымъ?
Приймимось за човны та спалымъ,
То мовъ на лидь мы ихъ поставымъ?“...

Эней.

А потимъ, потимъ? Ну, що жъ дали?

Троянецъ.

Дывысь, вже небо все въ пожари.
(*Кризь викна выдко пожежу*).

Эней (*крычыть*).

Чымъ дужчъ до човнивъ поспишайте,
У щентъ згориты не давайте!
(*Виготня*) Це все Юнона хортувата,
Зъ мене, знущаетця проклята!
(*Гука*). Нехай на гвалтъ у дзвоны
дзвонять,

По вулицяхъ въ клепала бьютъ,

Пужарни коней хай выводять,
Та запрягають якъ небудь!..

Вси.

Рубай, гасы, тягны, лый, куйте!..

Эней.

Хто въ Бога вируе, рятуйте! (*Вси
побиглы*).

Перемина.

На берези моря горять байдакы).

Я в а 7 - а.

Эней, трсянци и народъ.

Першый.

Воды давай! воды, воды!

Другый.

Туды не треба, дай сюды!

Третій.

Оттуть скорійше полывай.

Четвертый.

Валяй, ламай, рубай, давай!..

Эней (*крычыть*).

Бабивъ бы слидъ скупаты въ мори,
Щобъ звидалы почимъ кившь горя!..

Ацестъ (*до скарвивнычого*).

А дежъ пужарни,
Чомъ не залывають?

Скарвивнычый.

Брандзбой поламався
И кышку латають!..

Ацестъ.

А бочки де?

Скарвивнычый.

Вси вытикають!..

Мочылы, мочылы
Ни, не замокають!..

Ацестъ (*хапається за голову*).

Мочылы тилькы морды,
Прокляти мочыморды!
Одни ремонты що года!
Зъ такымы слугамы беда!..
Пидь судь усихъ вась упечу!
(*На бижъ*). Мерщій видь сорому
втечу! (*Пишовъ*).

Эней (*знявъ очи до неба*).

Гей ты, проклятый старыганю,
На землю зъ неба не зыркнешъ!
Чы чуешъ, якъ тебе я ганю,
Зевешъ? И вусомъ не моргнешъ!
На очахъ бильма поробылись?
Колы бь до вику послыпылись,
Що не поможешъ ты мени!..
Я жь, кажутъ, ще й онукъ тоби!
(*До моря*). А ты, зъ сидюю бородою,
Пане-добродію, Нептунъ?
Сыдышъ, мовь демонъ пидь водою,
Изморщывшысь, старый шкарбунь.
Трезубецъ щобъ тоби зломывсь!
И братикъ вашъ, Плутонъ поганецъ,
Изъ Прозерпыною усивсь,
Пекельный, гаспидьскый коханецъ.
Ще била неи не нагривсь?
И ненечка моя ридненька,
У чорта десь теперь гуля...
Теперь ій мабутъ не до-солы,
Пидтыкавши десь може полы,
Фурцюе добре нависна!
На це вона то поснишна!..
Та врагъ беры вась, що хотите,
Про мене те соби й робить,
Мене на лидь не посадите,
Пожежу швыдче загасить.
Пустите зъ неба веремію
И покажите чудасію,
А я вамъ пиднесу ралець! (*Дошъ,
блыскавка, буря и гримъ*).
Ага, дочулысь на останьци,
Якъ вже нема чого й гасыть?
Спасыби вамъ, хаптуробраньци! (*Мах-
нувъ рукою*).

Не варта вась було й просыть.
Тай пороснувъ, неначе зъ бочки!
Геть промочывъ ажъ до сорочки.
Куды бь же тута утекты? (*Лизе
въ куринь*).
Вь куринь мерщій. (*Огляда себе*).
Увесь якъ хлющъ!
А флотъ? Хочъ прямо очи сплющъ!..

Невтесъ (*входе въ куринь*).

Чого такъ тяжко засмутывся,
Надувся справди, мовь гындыкъ?
Не мовь охлявъ, чы зажурывся,
Якъ по болотови кулыкъ?
Чымъ бильшь журытысь, то все гирше.

Эней.

Нема на чимъ пльвты вже бильше!

Невтесъ.

Отъ же послухай. Я не певный,
Усимъ видьмамъ, пакъ, родычъ кривный:
Отъ трыацы вмю зашептаты,
Кровъ хрыстыяпську замовляты,—
Бувавъ я скризъ. Разъ не одынъ
Ходывъ по рыбу, ажъ на Динь;
Ходывъ разъ пять по силь у Крымъ,
Вси знаютъ хто такый Охримъ...
Покынь журытысь и заллюй.
Оттуть вкладайся заразь спаты,
А потимъ будешъ вже гадаты,
Спочынь спершу, потимъ миркуй,
Вирь, въ ранци краще нижъ въ ночи,
Змизкуешъ все, не спшучы.

Эней.

Ты правду кажешъ, мій ты друже!
Я стурбовався надто дуже.
Гараздъ, я заразь ляжу спать,
Колы бь зъ годинку задримать...
Ще разъ спасыби за порадю.

Невтесъ.

Онъ небеса вже шлють видраду,
Дошыкъ и крапать переставъ. (*Вы-
ходитъ*).

Эней.

Зъ журбы хочъ люльки посмоктать.

(Креше вогонь и закурюе. Почына дримать).

Не знаю, що таке й почать?

Изъ флота вугиль одынь ставъ...

(Тыхо спива). „Гей, гей! Та хто жъ
лыха не знае,

Та нехай винъ мене спытае. Гей, гей!

Гей, гей! Та журба мене зсушыла,

Та журба мене звьялыла. Гей, гей!

(Засыпа).

Я в а 8 - а.

*Тинь Анхыза (зъявляеця у мислце-
вымъ проминни и зупыняеця на
порози куриня).*

Прокынься, мылее дытятко!

Пробуркайся, проснись,

Се твій прыйшовъ до тебе батько,

Та не сполохайсь, не жажнись.

Мене боги къ тоби послалы

И такъ сказаты прыказалы,

Щобъ ты вже бильше не журывсь:

Пошлють тоби щаслыву долю,

Щобъ учынивъ ты божу волю

И швыдче въ Рымъ переселявсь.

Зберы жъ човны, яки zostалысь,

И заразы гарно ихъ оправъ,

Придержъ своихъ, щобъ не выпывалысь,

И швыдчъ Сыцилію оставъ.

Плывы и не журись, небоже!

Теперь тоби скрызъ буде гоже.

Та ще послухай, що скажу:

Щобъ въ пекло ты зайшовъ до мене,

Бо дило есть мени до тебе,

Я все тоби тамъ покажу.

И по Олимпському закону,

То пекла ты не обмынешъ—

Бо треба кляятысь Плутону,

А то и въ Рымъ не доплывешъ.

Побачышь, якъ живу и я.

А за дорогу не турбуйся,

До пекла на впростоць прямуйся—

Пишкомъ, не треба и коня.

Прощай же, сызый голубочокъ,

Прощай, мій любенькый сыночовъ!..

*(Счытае. Свитае, чутно якъ пивни
спиваютъ).*

Эней *(схопывся).*

Мій батечко бувъ заразы тутъ!

Звеливъ мени збиратысь въ путь!..

О, заповидь твій выконаю

И заразы човны посправляю!

(Гука). Гей громадяне! Гей, юнацтво!

Збирайтесь жывее козацтво,

Почнемъ човны мы лаштувать

Та звидциль дали прямувать!

Я в а 9 - а.

*Троянцы (сходятыя зъ усилъ сто-
ринъ).*

И зновъ въ походъ, и зновъ у море!

Богамъ гранне, а людямъ горе!

Намъ море такъ вже надонло,

Що краще хай боги бъ звелилы:

Земельку де небудь обратъ,

Почать бы сіять та орать...

И зновъ походъ, и зновъ у море!

Богамъ гранне, а людямъ горе!..

З а в и с а.

Дія 4-а.

Дієви люде.

Сывылла.
Анхызъ.
Дидона.

Палынурь }
Мусій } троянци.
Терешко }
Мертвецц. }
Харонъ. }

Поле. Въ глыбыни мріє городъ. Світає. Десь далеко співають: „Наступає чорна хмара“.

Ява 1-а.

Эней (*иде зъ города, зупынывся и роздывляється*).

Хай бенькетують тамъ хлопьята,
А я наважывся пошукаты,
Щобъ хто ту стежку показавъ,
Якою панъ-отець сказавъ
Прямищъ до пекла мандруваты.
(*Роздывляється*).

И питъ вже капає изъ чуба,
А я все стежки не знайду.
Хиба иты до того дуба?
А ну туды ще побреду. (*Иде*).
Стрывай! А що жъ то манячыть?

(*Зъ глыбыни подсовується напередъ хатка*).

Якась хатына обветшала,
На нижци курячій стоить. (*Хатка
почына вертитысь*).
О, бачъ! кругомъ вертитысь стала!
Пиду мерщій до тін хаты,
Хазяина почну гукаты. (*Хатка зо-
всимъ наблыжається*).
А выйды зъ хаты хто небудь!

(*Хатка зупынылась, винъ почына стукаты у двери*).

Невже въ цій хаточци живуть?

Ява 2-а.

Сывылла (*выходыть зъ хаты. Ряба,
беззуба, горбата, въ жовнахъ, въ
шрамахъ, коса и простоволоса*).

А хто тутъ стука, обизвысь!

Эней (*здригнувъ*).

Гыдка жъ яка, хочъ не дывысь!

Сывылла (*уздрившы его*).

Гай, гай же! Слыхомъ послыхаты,
Анхызенка у вичъ выдаты!
Мени вже розказали зъ неба,
Чого тобі пыленько треба,—
Отець твій бувъ у мене тутъ.

Эней.

Якъ, паниматко, тебе зовуть?

Сывылла.

Я кумская зовусь Сывылла,
Ясного Феба попадая,
Пры его храми посывыла
Давно жыву на свити я.
У шведчыну ще дивувала,
А татарва якъ набигала,
То вже я замижня була.
И першу сарану зазнаю,
Потемку Князя памъятаю
И Хмеля знала Богданя.
Ходимо жъ, хлопче, мы въ каплицю,

Тамъ Фебови ты поклонись,
 Пообицая ему тельцу,
 А потимъ гарно помолысь:
 Та и мени що перекань,
 То мы тоби такы щось скажемъ
 И може въ пекло шляхъ покажемъ.
 Иды жъ, утрысь и бильшь не слынь.

*(Двери видчыняютьця, тамъ видко
 фигуру Феба п курьльницы по бо-
 кахъ. Эней падае на вколюшки и
 почына поклоны быць. Сывылла па-
 дае, и почына качать по долици,
 мордувать, якъ ото бува чорна бо-
 листъ, у неи котыця зъ рота
 пина).*

Эней.

О ты, преславный, свитлый Фебе!
 Молю, зъ блакытного ты неба
 Вельку ласку покажи:
 Мени путь правый укажи.
 Снмь литъ по свиту я блукаю,
 Своени доленькы шукаю,
 Якъ той чумаць, що по Дону,
 Блукавъ симъ литъ безъ талану...
 И де та доленька? Не знаю,
 Чы я жъ ии колы спизнаю?

Сывылла *(пиднялась)*.

Така богивъ Олимпськихъ рада,
 Що ты и вся твоя громада—
 Не будете по смерть въ Риму;
 А все жъ тебе тамъ будутъ знаты,
 Твое именная выхваляты.
 Але жъ не радуйся цему,
 Бо ще ты выпьешъ добру повну,
 Спизнаешъ долю невгомонну,
 Юнона ще не вдовольнылась,
 Ще злнсть ии не окошылась.

Эней *(дыветця)*.

Не розчовпу, що ты пророчышь!
 Чы може ты мене морочышь?
 Але що буде те и буде,

Таланъ шукать свий мушу всюды.
 Мене до батька проведы.
 Скоришь на зори погляды,
 Тай и майнемъ. А для охоты,
 Я дамъ тоби на дви охвоты.
 Та ну жъ, кажы вже, не марудь.

Сывылла.

Вогнемъ, дытныно люба, граешъ,
 Ты пекла, певно ще не знаешъ,
 Гляды жъ, слухнянымъ мени будь.

Эней.

Кажу, до батька швидчъ веды!

Сывылла.

Щобъ потимъ не жаливъ, гляды!
 Такъ слухай же, що я скажу.
 У пекло стежку покажу,
 Але першь мусышь те здобути,
 Безъ чого въ пекли намъ не буты:
 Въ лису велькому, густому,
 Въ непроходимому, пустому,
 Хальмазне дерево росте;
 На нимъ кыслыци не простыи
 Ростуть, якъ жаръ все золотын;
 И деревце те не товсте.
 Изъ дерева цего зломыты
 Ты мусышь гылку хочъ одну,
 Безъ неи-бо и пидступыты
 Не можна передъ сатану.
 Зломывшы жъ, звидты убирайся,
 Якъ мога швидчъ назадъ тикай,
 Не зупыняйсь, не оглядайся
 И уха чымъ позатыкай.
 Теперь пазадъ ще обернысь,
 На зирку тую подывысь. *(Эней огля-
 даетця, Сывылла провалюетця)*.

Эпей *(повернувся)*.

А де жъ це попада подилась?
 Не мовъ кризь землю провалылась!
 Пиду жъ шукаты деревыну—
 Або знайду, або загыну. *(Иде)*.

Перемина.

Зъявляецця лисъ.

Эней.

Чого це въ очахъ такъ зъсяло,
Неначе хто креснувъ кресаломъ!..
Чы ба!.. Та осьдечкы жъ кылыця,
Ачъ якъ блещыть, не мовъ зирныця!
(*Хапа за гылку и видчаха*).

Теперь мерщій назадъ изъ лиса.
(*Бижыть и чепляецця за дерева*).

Тай колючокъ же тутъ до биса!
(*Зъявляецця передъ нымъ Сывылла*).

Сывылла.

Моторный зъ тебе молодець!
Ходимъ же въ пекло, твій отецъ
Давно тамъ насъ вже дождае,
Безъ тебе тужыть, та скучае,
А ну жъ пора, чемчикувать.
Ось на дорогу хлиба-солы, (*дав клу-
нокъ*).

Щобъ намъ не здыбать злюи доли
Та съ голоду не повмирать.
Я въ пекло стежку протоптала,
Вже тамъ не разъ, не два бувала.

Эней (*пидтыкуе полы и бере дрю-
чокъ*).

Визьму добрячу я дрючыну.
(*На бикъ*). Оборонять сиду лычыну,
Якъ лучытця де видъ собакъ.
Идемъ на прощу до чортякъ!
(*Взялысь за руки и шишы*).

Преддверіе ада.

Я в а 3-я.

Эней.

Що то воно стовбычыть тамъ,
Якъ нызько кланяецця намъ?..

Сывылла.

Не намъ, а дереву цему;
Не въ насъ тутъ сыла, а въ ему.
(*Показуе*).

Ото одна стоить Дримота,
Друга сестра ин Зивота.

Эней.

А то кистякъ на калавури?

Сывылла.

То смерть до артыкулу
Косою честь намъ виддае.

Эней.

И тутъ, якъ бачу, муштра е!

Сывылла.

А то, чума, харцызство, холодъ,
Війна, короста, парши, голодъ,
Киръ, виспа, полуди, бешыха...
И вси мырянськи злыдни й лыха!

Эней.

А то якись, неначе типі?..

Сывылла.

То мачухы, свекрухы зліи.
На перевизъ уси прямують;
Тутъ инчи по сто литъ бидують,
Чекаючы чергы своєї.

Эней.

И тутъ безъ хабаря не тее?

Сывылла.

А дали онде пысары,
Ачъ, якъ жують въ зубахъ папиръ?
Ото все соцьки, та десятцьки,
Началныкы все наши хвацьки...
Судци, повиренни брехлыви.
И вси що совистю кривылы.

Эней.

А то жъ сыдять що за повуры,
Зложывшы руки на живить?

Сывылла.

Лысычы все ото натуры:
Слова якъ жаръ, а въ серци лидъ.

Эней.

А то, що въ гору нись пиднявъ,
Якъ нюха?

СЫВЫЛЛА.

Звався доізжачый!

Алежъ винъ понюхъ мавъ ледачый
И вольный духъ заборонявъ,
Не такъ у людяхъ, якъ у тисти.
Разъ розиславъ винъ таки лысты:
„Не ставыть хлибъ на вольный духъ!“

Эней.

А гонъ ще дали, що за зухъ?

СЫВЫЛЛА.

Ото, що довга голова?

Эней.

Эге жь! Якъ призвыще того?

СЫВЫЛЛА.

Ни, не назву тоби его,
Щобъ не пидслухавъ хто бува...
Онъ тихъ звать можна, то мандрехы.

Эней.

Ихъ тутъ зибралося не трохы?!

СЫВЫЛЛА.

Теперь ця печысть розвелась
И тутъ до биса, якъ и въ насъ...
Що дня свить сонця зустричалы,
А потимъ спаты вже лягалы,
Та й спалы до обидъ. А къ ночи
Малювалы бровы й очи,
Щобъ по садку зновъ похожать,
Хлопьять вечерять зазывать...
Вси зъ вечора у гуртъ збиралысь
Спивать, и пидіймалы галась
Такый, що краще бъ не спивалы.
Писля того ишли въ бухветъ,
А изъ бухвета въ кабинетъ,—
Де лоботрясыкы, що ночи

Все грошамъ протырають очи,—
И тамъ до свита горла дралы!..

Эней.

Вси зъ стрыженымы головами,
Съ пидризанымы пеленамы.

СЫВЫЛЛА.

Тутъ вси ихъ митять на голо!

Эней.

А тамъ онъ щось ажъ загуло!

СЫВЫЛЛА.

Ото жъ видьмы все, упыри,
Зъ рогамы, наче ти туры,
Русалкы зъ довгымы косама,
Гадюкы зъ острымы жалама,
Огненныи зъ крыламы зми,
А онъ горбати, то Кошци...
А то не насъкы вже: Гаргоны,
Кинтавры, Грыфы, Гарпагоны...
Загаялысь, ходимъ впередь.

Эней.

Онъ ричечка и очереть...

Перемина.

Я в а 4 - а.

Ричка Стыксь.

*Харонъ на човни иде, чорный якъ
цыганъ, засмалъцеваный, кудлатый,
у постоллахъ; билая пояса: люлька,
гаманъ и прычандалы.*

Мертви.

Хароне, дидусю старенький,
Перевезы насъ, мы жъ легеньки;
Давно тебе мы вже благаемъ,
До тебе руки мы здіймасемъ,
Визьмы насъ на каюкъ, дидусю!

Харонъ (*итовха весломъ*).

По черзи перевозыть мусю.
А нуте геть, видсуньтесь дали!

МЕРТВІ.

Мы жъ тутъ здуріємъ видъ печали!

Харонъ.

Дурійте вси, мени байдуже.

(Штовха).

Кажу жъ вамъ: не налазьте дуже!

МЕРТВЕЦЬ.

Ось грывню на тоби, дидусю.

Харонъ (бере).

Це ынча ричь... Хочь похмелюся.

Сидай въ човенъ. (Штовха). А ты куды?

2-й МЕРТВЕЦЬ.

Ось на (дає гроши). Бери й мепе туды.

Харонъ (бере).

Щербатый шелягъ... Бильшь нема?

2-й МЕРТВЕЦЬ.

Нема.

Харонъ.

Ну, вже сидай, дарма. (Повизгъ ихъ).

Эней (впизнавъ).

Палынуре! Ты, небоже?

Палынуръ.

Та я вась—пане. Такъ негоже,
Що жду вже рокнівъ зъ два я тутъ,
Ниякъ на той бигъ не берутъ.
Ну, прямо, хочъ сидай тай плачь!
Чы не позычешъ ты грывняку?

Сывылла (сипа Эней).

Ты на ти речи не потачь.

Эней.

Самому бь треба на табаку...

Та на тоби вже ось пятакъ.

Палынуръ.

Оце, вась—пане, будо въ смакъ!

Сывылла (штовха его).

Ходимъ до берега вже швидче,
Туды пидь самый перевизъ,
Де засмальцеваный дидыще,
Разбасувавесь, якъ въ гребли бись.

Эней.

Ачь, якъ гарчыть, не мовъ скаженный,
Та бье весломъ народъ хрещеный!

(Пидходять).

Харонъ (побачывз ихъ).

Якого чорта вы прыйшли?
Хнба щобъ хаты холодыты?
Мордякы слидъ бы вамъ набыты,
Щобъ тутъ и мисця не знайшлы.
И енъ же, енъ, захрабрувалы,
Що вже й живи примандрувалы.
Не дуже я на вась покваплюсь,
Туть зъ мертвымы ни якъ не вправ-
люсь!

Сывылла.

Чого жъ такъ гризно галасасешъ?
Невже мене ты не впизнаешъ?
Ось глянь лышь що оце таке?
(Харонъ побачывз гылку и замовкъ).
Утыхомырся жъ, не бурчы,
Ось деревце, бачъ, золотее!
Послухай першъ, потимъ крычи.
Це жъ сынъ Анхызивъ, молодець,
Иде до батька на ралець.

Харонъ.

Сидайте, ничого робыть,
Глядить же човна не схыбнить.
(Сидаютъ оз човенъ).
Ты бь, свахо, плахту пидоткнула,
Бо вже вода въ човенъ хлюпнула.
(Плывуть).

Эней.

Колы бь же памъ не потопытця!

Харонъ.

Сыдять тыхищъ, не воруютца! (*Переплывлы*).

А ну, плягайте вже на землю.

Сывылла.

Ось пивъ алтыпа за труды, (*Дает гроши*).

За працёвиту твою греблю.

Теперь навчы куды иты? (*Харонъ мовчки показуе*).

Перемина.

Пекло.

Эней.

Глянь, трехголовый мурый песь!

Сывылла.

Чого такъ затремтивъ увесъ?

Скорище хлибъ ему жбурны

И горло глестякомъ заткны.

Эней (*кыда хлибъ, песь кыдаецца за хлибомъ, Сывылла и Эней прохоятъ*).

Дывы, якъ зразу все поблекло!

Ни зорь, ни мисяци нема,

Якась тамъ непрозрыма тьма...

Чы дымъ, чы туманы вельки?

Тамъ галась, лементъ, крыкы!..

Сывылла.

Отамъ н е самое пекло!

(*Туманъ и дымъ, мелькають вогни, въ казанахъ мертвои души пыцять, выють, плачуть, скрегочуть зубами. Былыть смола, сирка, живыця и т. и. Скризь инквизиционни прымуци, у котрыхъ мучатца мертвои. Инчи мертвецци возятъ дрова, чорты ихъ пидганяють*).

Ява 5-а.

Эней (*зъ лякомъ*).

Ой, ой, яки жъ тутъ страшни мукы!

Онъ въ мущыряхъ стысають руки,

Горлянку дехтемъ заливають...

Ножами пидъ боки штырхають!..

Сывылла.

Хай не хапаютца вмирать.

Онъ ти, котри любылы драть

Зъ людей проценты, имъ вльвають

Ростоплене срибло у ротъ;

А брехунивъ, бачъ, заставляють

Лызать горячыхъ сковородъ.

Онъ ти, що зроду не женылысь,

Що за жипкамы волочылысь,

Воны повишени за крюкъ...

Бачъ, завдають имъ якыхъ мукъ?

Онъ дали хвылозопы всяки,

Имъ въ черепъ зашывають флякы,

А мозокъ ихъ зъ пискомъ мишають

Та диркы въ пекли затуляють.

А то ксендзы, до бабъ що ржалы

Та очи въ небо все стромлялы,—

Посажени на саме дно.

Эней.

А генъ ще дали, що воно?

Сывылла.

То не въ смоли кыплять, въ зализи—

Все часоныщи, мудреци,—

Це бь-то отечества отци,

Що совнеть мучылы въ ярмызи

Та честь тягалы все за чуба.

Эней.

А то що за фыгура груба?

Сывылла.

То бувъ страшенный тьмы ревнытель,

Просвиты лютый бычь, гонытель...

Ему у тыме цвяхъ вбывають,

А сердце тернугомъ пыляють.

Чого жъ ты, парубче, трясесся,
Чы може й ты такой, лайдаче?

Эней.

Ни... я роблю зовсимъ иначе,
А нѣяково щось мени!..

Сывылла.

Стрывай лышь, ще не такъ жажнесся!
(Показуе).

А онъ и тѣи лыгомынци,
Що пидсыпалысь до дивокъ,
Що въ викна дралысь по драбынци
Пидъ темный, тихый вечорокъ...

Эней.

Якъ бачу, всимъ тутъ безъ розбору
Дають у пекли добру хлеру! (По-
бачывъ Дидону).

Чы ба, ей-ей же, то Дидона!
(Пидходе).

Чы признаешъ? Бувай здорова,
Дидоно! глянь... ты де взялася?
Чого сердешна прыплелася,
Изъ Карфагена ажъ сюды?
Якого биса ты спеклася?

Дидона.

Пидъ тры чорты соби иды!

Эней.

Яка моторна молодыця,
Та, глянь, умерла за любкы...
Румьяна, повна, билолыця,
Хто гляне, то лызце губкы.
Я, далобій, въ тымъ не выною,
Що такъ розбѣхався зъ тобою.
А ну-мо жыты такъ, якъ жылы?
Безъ тебе свить мени не мыый!
Ходы, зъ тобою пожартую
И прыгорну, и поцилую!..

Дидона.

Кажу жъ, що къ чорту убирайся,
Зо мною билышь не жепыхайся,
Не лизь,—бо розибью весь нись.

Романсѣ.

Эней.

Ну-бо, Дидоно, ну жъ, не гнывысь,
До мого серденька зновъ прытулысь!

Дидона.

Геть пиды къ бису, геть не вѣяжысь,
Пиды свой неньци нызенько вклонысь—
За те, що навчыла
Жинокъ зъ ума зводить;
Тилькы такыхъ якъ ты гадивъ,
Така й маты водить...
Хытрою змюкою,
Чорною гадукою,
Серце ты обвывъ,
За коханячко безмирне
У серденько тее вирне
Ты отруту вльвъ! (Видходе видъ
него).

Одйды, не дывысь,
Счезны геть! (Зъ крыкомъ). Зупы-
нысь!..

(Пауза). О, якъ кохала я безъ мира
Тебе, проклятый бузувире!

Эней.

Ну-бо, Дидоно, ну жъ, не гнывысь,
До мого серденька зновъ прытулысь.

Дидона.

Геть пиды къ бису, геть не вѣяжысь,
Пиды свой неньци нызенько вклонысь.

Сывылла (тягне его).

Ты надто вже заженыхався?
Гляды, лышень, щобъ не днждався,
Що не долычыся й реберъ.

Эней (признае тролнцывъ).

О, нашъ народъ, що перемеръ!
(Вижыть до нихъ).

Грыцько, Терешко, Опанасъ,
Мыколо, Шеливестеръ, Власъ,
Панько, Охримъ, Кузьма, Харько,

Разомъ.

Игнатъ, Петро, Матвій, Хведько.
А ось Денесь, Остапъ, Овсій,
А ось Верныгора Мусій!..

Мусій.

А памятаешъ якъ колись
Мы въ Карфагени напылись?
Ото жъ тоди я й дуба давъ.

Терешко.

Мене ще въ мори бисъ забравъ!

Мусій.

Добро було намъ въ Карфагени,
Якъ почнемо було брехаты,
Видь реготу ажъ стогнуть хаты!
(*Зитхнувъ*). Не вернетця...

Сывылла.

Вже теревени
Завивъ! Чы ще не набрехавсь?

Троянци.

А ты жъ звидкиль сюды узавсь?

Сывылла (*тягне Энея*).

Ходимъ, брехуне! Но обрыдъ
Тоби живый що той наридъ,
Що зъ мертвыми почавъ патякаты?

Эней.

Та такъ, скортило поварпякаты...

Ворота передъ Плутоновымъ будынкомъ.

Сывылла.

О тутъ и панъ Плутонь живо,
Изъ Прозерпыною своєю;
До ихъ-то на поклинъ зъ гиллею
Теперь я повела бъ тебе,
Такъ Прозерпына захворила,
Я жъ не взяла такого зилля... (*Показуе на вкругы*).
Але цикаве е и тутъ.

Ось глянь, якъ ти оттуть живуть,
Що тамочки не що-день ілы,
Що псивъ пидъ виконню дражнылы.

БАБА (*кыворота, обмотана гадюками*).

Хто иде?

Эней (*зъ лякомъ*).

А це що за проява?

Сывылла.

Це жъ та сердыта пани брера,
Що грызла людъ и бычувала,
Кусала, шкварыла, щипала...
Топтала дитокъ и некла,
И кровъ изъ тила ихъ пыла.

Эней.

Хто жъ ій такъ мучытысь звеливъ?

Сывылла.

А що злякавсь, ажъ побиливъ?
(*Махнула гиллячкою*).

Ворота видчыняютця.

По подвирри лежать группамы люде, курять люльки, жинкы лузають насинне. Спиваютъ.

Та напыймося, родыно,
Щобъ намъ жыто вродыло,
И жытчко. и овесь,
Щобъ зибрався ридъ увесь.
И капуста й бараболя,
И цыбуля и квасоля,
Бурякы, часныкъ и макъ,
Хринъ, петрушка й пустернакъ!..

Эней.

Добрыдень вамъ! Вы що за люде?

Одынь.

Мы праведныи будемъ.
Ось бачъ, живемо якъ мы тутъ,
Це мисце люде раемъ звуть.

Якъ бачъ, ничого тутъ не робымъ,
 День цилый все лежымъ, чы ходымъ,
 Чы сыдымо такъ, руки склавшы,
 Та смокчемъ люльки, полягавшы...

Другый.

За те, що тамъ мы не пылы,
 То тутъ дозволено намъ нѣтъ;
 Мы тамъ обшарпани булы,
 А тутъ е въ чому походить.
 Не тююнову пьемъ, не пинну,
 А достометну перегинну,
 Настоюемъ на бодяни,
 На перцеви, на шапрани...

Третій.

Імо и ласочи у волю:
 Паслинъ, свырипу, бараболю,
 Часныкъ, рогизъ, катранъ, кыслыци,
 Козельци, вышни, полуныци,
 Вареныкы грѣчани й били;
 Вже й квашу скильки разивъ ілы,
 Крутын яйця зъ сыривцемъ—
 И запываемъ все пывцемъ.

Першый.

Не холодно намъ тутъ, не душно,
 А саме такъ, якъ въ сирякахъ;
 Не весело, мовлявъ, не скучно,
 На великодныхъ, мовъ, святкахъ.
 (*Почынають спивать*).

Эней (до Сывыллы).

Скажи мени, голубко сыза,
 Чомъ батька я свого Анхыза
 И досы въ вичи не выдавъ?

Сывылла.

Насылу батенька згадавъ!
 Винъ божи, якъ знаешъ, кровы,
 То й выбира все по любовы—
 Де схоче, тамъ и буде жить...
 Ходимъ на гору, тамъ спочынемъ
 Та може й батенька тамъ встринемъ,—
 (*Пшлилы на гору*).
 Якъ насъ побачыть—прыбыжить.

Анхызъ (въ саду).

Грѣць побый мене, Сывылла,
 Бачъ, привела вже мого сына!

(*Бижыть*).

Здоровъ сынокъ, моя дытыно!
 Чы це жъ тоби такы не стыдно,
 Що довго я тебе такъ ждавъ?
 Чомъ остовпивъ ты, мовъ дубына?

Эней (у бикъ).

Зо страху, до горы стае чупрына! .

Анхызъ.

Не радый, що мене ввыдавъ?

Эней (у бикъ).

Не вже жъ оце я батька бачу?
 (*Цилуютьця*).

Анхызъ.

Куды жъ, весты тебе на вдачу?
 Ходимъ спершу на вечорныци;
 Онъ, глянь, дивкы и молодыци—
 Зибралысь писенѣкъ спивать...
 Лыбовъ, почнуть коладувать?

Эней.

Невже жъ и справди тутъ у васъ
 Все діетця, якъ тѣмъ у насъ?..

Анхызъ.

Ходимъ, ходимъ мерщій, сынокъ,
 Почуешъ хытрыхъ загадокъ.
 (*Идутъ, проты ихъ зъявляетьця коло
 дивчатъ и молодыць, вони почы-
 нають спивать и водытъ танокъ*).

Ой на весни, на весни,

На зеленій провесни—

Дивчата збиралысь!

Ой, збиралысь, щебеталы,

Одна другу сповищалы—

Що на думци е!

Похвалялася Горпына,

Що прыраяла родына—

Вже ій замижъ йты!

А подружки щебеталы,
Щасте-долю прорекалы—
Такъ певно й буде!
Якъ прыбудуть старосты,
Ты въ хатыну ихъ пусты—
Любенько витай!
Якъ приведаютъ буюре,
Хлопця тоби до пары—
Тоди вже прощай!

*(Писля співу сидають вси въ кру-
жало).*

Анхызъ *(пидводе Энея до дивчатъ).*

Ось вамъ, дивчатка, мій Эней,
Ще винь зовсимъ, якъ дуралей.
Просю до гурту насъ прынять,
Сынковн жъ трохы погадать:
Чы винь хочъ трохы уродливый,
Чы буде вить его щасливый?

Дивчына *(зъ горщечкомъ въ руци и
зиллемъ, пидбига и шепоче щось на
вуха Анхызови, потимъ сида биля
Энея).*

А ну, давай поворожу,
Ворожку я такую знаю,
Що все шо буде видгадаю
И вже николи не збрешу.
Ось заразъ въ горщычокъ складу
Достотни ти зилля и травы,
Яки на Йванивъ вечеръ рвала;
Потимъ багатте розведу. *(Выйма
зилля).*

Ось те гниздо, що ремезъ клавъ;
Ось папороть, шыпакъ, шавлія,
Петривъ батигъ и конвалія,
Кануперь, дрокъ и семьглавъ,
Любыстокъ, нагиткы, чебрець...
Теперь налью его водою,
Погожою не початою,
И скылькысь вымовлю словоць.

*(Налыва воду, розклада вогонь, на-
крыва горщычокъ черепкомъ и щось
шепче).*

Роздмухны вогонь, козаче,
Та духу не шкодуй, юначе,

А добре дмы!.. Оттакъ!.. Зоставъ...
Теперь же вуха ты наставъ.

*(Эней слуха, изъ горщычка почына
голосъ промовлять).*

Голосъ.

Энею! Годи вже журытысь.
Видъ тебе мае росплодытысь
Велькый и пресылный ридъ;
Всимъ свитомъ буде управляты,
По всихъ усюдахъ воюваты,
Пидверне всихъ соби пидъ спидъ.
И Римськин поставыть стины,
Въ нихъ буде жыты, якъ въ раю;
Велькы зробыть перемины
Во всимъ окружимъ тамъ краю.
И буде жыть та пожывать,
Поки не стануть цилувать
Ноги чыенсь постола... *(Пауза).*
Теперь же звидцы уонрайся,
Скорище зъ панъ-отцемъ прощайся,
Щобъ голова тутъ не лягла.

Анхызъ *(крычыть цилуючы
Энея).*

Ой-ой, сыночокъ покидыае!
Рятуй, хто въ Бога виру мае!
Ой ле-ле! Горенько мени
Въ ран цимъ, мовъ, на чужыни!..

Эней.

Тебе я, тату, покидыаю,
На тебе всю надію маю,
Що помогатымешъ мени,
Доки буду на чужыни. *(Замы-
рають обнявшысь).*

Дивчата.

Щобъ батько такъ за сыномъ вывъ,
Не чувъ жалю такого свить;
Мовъ хто Анхыза прыдавивъ:
Крычыть, квылыть, якъ въ марти
кить.

РАЗОМЪ.

Анхызъ.

Колы бѣ я не безсмертный бувъ,
Ножа бѣ у сердце соби ткнувъ,
Видь невымовной роспуки.

РАЗОМЪ.

Анхызъ.

Ой, ой сыночокъ покидае и т. д.

Эней.

Тебе я, тату, покидаю и т. д.

Дивчата.

Щобъ батько такъ за сыномъ вывѣ
и т. д.

Сывылла.

Ходимъ, Анхызенку, благаю,
Не близькый нашъ изъ видцы путь,
Я вже й за себе потерпаю,
Щобъ якъ не заблудытысь тутъ!

Зависа.

Дія 5-а.

Дієвилюде.

Царь Латынь.
Царыця Амата.
Царивна Лавынія.
Царь Турнь.
Мезентій.
Покотылось.
Кариспуло.
Цекуль.
Мезанъ.
Тамсъ.
Исполить.

Камылла.
Паллантъ.
Зевесь.
Юнона.
Венера.
Бахусъ.
Меркурій.
Богы.
Богыни.
Воины.
Вельможи.

Послы и народъ.

Въ хоромахъ царя Латына.

Ява 1-а.

Царь Латынь и гонецъ.

Латынь (*сидыть въ кресли*).

Що скаже намъ гонецъ нового?

Гонецъ (*кланяючысь*).

Послухай царю слова мого.
До нашихъ берегивъ прыплывъ
Эней ватагъ, зъ своимъ народомъ,
И вже посламъ своимъ звеливъ
Несты тоби дары, съ поклономъ.

Латынь.

Невже дары? я це люблю.
Гукны лышь на вельможъ скорій!
(*Гонецъ пишовъ*).
Амато, сердце! Гулю-лю!
А де ты тамъ? Сюды худчій!

Ява 2-а.

Входять Амата.

Амата.

Чого ты такъ разворкуався?

Латынъ.

До насъ Анхызенко зибрався—
Ось-ось przyбудуть вже й послы.
Гонецъ зустривъ ихъ, що неслы
Дары намъ.

Амата.

Ну?

Латынъ.

Якъ винъ багатый,
То може, дасть Богъ, буде зятемъ?

Амата.

А Турна ты хйба забудь,
Давно вже сватае Лавыню?..

Латынъ.

Що Турнъ? Та ну его и къ хрину!
Яки дарунки я здобувъ
Видъ Турна, га?

Амата.

За те винъ жваый,
Высокий, гарный, кучерявый,
Обточонный, мовъ огирокъ.
Якъ не миркуй, винъ все жъ царекъ:
Эней же злыдень и безштанко,
Не мае, навить, и прытулку!..

Латынъ.

На вбранне не вважай, Аманько,
Винъ певно грошей ма шкатулку?
Дары зозулько, шле вже намъ!

Амата (зъ гнивомъ).

Ну ну, побачымо який винъ тамъ.

Латынъ.

Звель жъ скрызъ, любочко, прыбрать,
Пискомъ дорижкы посыпать;
Нехай свитлыци пидметають,
Ключанне по двору сажаять,
Якъ на зеленыхъ на святкахъ.
Хай чебрыкомъ устелють диль въ покои,
А въ синяхъ можна й осокою?

Амата (зъ гнивомъ).

Ще загадай тамъ щось нового?

Латынъ (сміється).

И ще, кукузочко, два слова.
(Амата йде). Пишлы гонця до бо-
гомаза,

Слидъ малювання накупыть.

Амата (ледве здержуе гнивъ).

Чы буде вже кинецъ прыказу?

Латынъ.

Та щобъ було що їсты й пыть.
(Амата нязько уклоняється и мало
не плюнувши, хутко выходыть).

Латынъ (плеще въ долони, входе
вельможа).

Чы чувъ, до насъ przyбудуть гости?
То треба догодыть ихъ мосци...
Зъ дарунками przyбудуть.

Вельможа.

Чую!

Латынъ.

То ставъ же ось сюды, ошую!..
(Показуе на вухо).

Бо цимъ я щось погано чую,
И vysлухай весь мій прыказъ.
Щобъ рецське було зъ курдымономъ,
И пыво чорнее зъ лымономъ,
За мисецъ воды, Московський квась.
Хай рижуть швыдчъ воливъ, телятъ,
Овецъ, гындыкивъ, поросять...
Зъ хуптъ благовонія здобудь,
На покутяхъ поставъ курылки,
Музыкъ тронистыхъ роздобудь:
Цымбалы, бубны и сопылки...

Я в а 3-я.

Входыть Амата и маляръ.

Амата.

Ось прынесли вже малюванне,
Не знаю тилькы за для чого?

Латынь.

Не еретуй ты сердца мого!

Маляръ (показує).

Патреты ось багатыривъ:
Це Александръ цареви Пору
Дає изъ війскомъ добру хлеру.

Латынь.

Хай почепляють скризъ по стинахъ:
Царивъ въ свитлыцахъ, простыхъ въ
свияхъ.

(Слуги прибываютъ малюнкы).

Маляръ (показує).

Чернець Мамає побыває,
Це Муромецъ Иля гулає,
Ось Скобель, билый генераль,
Оце Бова, а це Полканъ,
Ось въ Польщу Жализнякъ бреде,
Патреть ось француза Картуша,
А це ось гайдамакъ Гаркуша,
Це Ванька Каннъ ось иде.

Латынь.

Годи, годи! (Гука). А ну-те, одя-
гатьця! (До Аматы).
Я хочу, кралечко, ладкомъ прыбратьця.

(Амата и маляръ тишы).

Одежу празныкову дайте,
Хутенько-бо, часу не гайте!
(Вносять одежу).

Плащемъ зъ клеенкы обернуса
Та гудземъ цынковымъ запнуса;
На голову ке капелюхъ,
На ноги дайте кынди нови
И рукавыци ще шкапови.
Но загуляй-бо мени вухъ!
Подайте дзыкглыкъ золотый.

(Подаютъ дзыкглыкъ, винз сиду).

(Амата входить въ едамашковому
шубони и въ соболевимъ караблыку).

Царыця сяде на другый.

(До вельможъ).

А вы обобичъ станьте ззади,
Якъ скризъ буває на паради.

Я ва 4-а.

Ти жъ и Лавынія.

Латынь (дывѣтця на Лавынію).

Нимецьке фуркальце вдягла?
Чому жъ стричокъ не напяла?

Амата.

Тебе сегодня щось спобигло!.. (Розводе
рукамы).

Мишаєтця въ жиноче дило!

Латынь.

Мовчу. (До Лавыніи). Ты, донеч-
ко, сядь тутъ.

Пита! близьче пидійды. (Пита вы-
ходе и кланяєтця).

Ты въ честь Энея гимнъ склада.

Пита.

На прычандалы хай дадутъ
Хочъ зъ гривню грошей?

Латынь (приказує).

Дать пьятакъ

Ему на папиръ. Пирья жъ такъ
Наскубты можна зъ тии птыци,
Що даромъ кормъ ість у царыци.

Пита.

А на якій мови
Скласты ту промову?
Хочъ по грецьки, по халдейски,
По санскрѣтськи, по гебрѣйськи?..
Я втну й по жмудськи и по лядськи.

Латынь.

Валяй на нашій хрыстыянській!
(Пита вышюєвъ).

Щобъ пивчи були мыттю тутъ.

Бассамъ горилки хай дадутъ,
А малюки хай збытень пють;
Та щобъ бассы, якъ дзвинь ревилы,
А пидголоскы тонко пилы.

(Вельможа пишовъ).

Я в а 5-а.

Вбигае гинець.

Гинець.

Послы вже ось у синяхъ ждуть.

Латынь.

Нехай, скажите, ихъ введуть.

Я хлиба-солы не цураюсь

И зъ добрымы людьмы братаюсь!

Я в а 6-а.

*Входятъ послы, за нымы несуть
дары. Послы трьчи низенько кла-
няютця Латынови).*

Першый троянець *(каже рацію).*

Энеусъ постеръ магнусь панусъ
И славный Троянорумъ князь,
Шмыглявь по морю якъ цыганусъ,
Адъ те, о рексь! Прыславъ нункъ
нась.

Рогамусъ, домице Латыне,

Нехай нашъ капуть не загыне:

Пермите жыть въ земли свой,

Хочъ зе пекуни, хочъ гратись,

Мы дякуваты будемъ сатись

Бенефицинці твой.

О, рексь, будь нашимъ меценатомъ

И ласкамъ туамъ покажи,

Энеусу зробься братомъ,

О, оптиме! Не откажи:

Энеусъ принцесъ есть моторный,

Формозусъ гарный и проворный,

Побачышь самъ инномине!

Велы акцыпере подаркы

Зъ ласкавымъ выдомъ и безъ сваркы,

Що прыслани черезъ мене.

Се кылымъ-самолить чудесный,

За Хмеля выткався царя,—
Лита пидъ хмары винъ небесни—
Де мисяць сые и зоря;
Царивни буде виць въ прыгоду,
Найбільше за для того году,
Якъ замижъ прыйдетця давать,
Щобъ тарадайку закрывать. *(Подает
Цареви).*

Другый троянець.

Ось шленська скатерка нешпетна,
Найбільше въ тимъ вона прыкметна,
Що загадай яки ий стравы,
То всяки вродятця потравы,
Яки на свити тилькы е.

Беры, царице, це твое! *(Подает
Царыци).*

Першый троянець.

А це сапьянци—самоходы,
Що въ ныхъ ходывъ ище Адамъ;
Воны пошты въ давни годы,
Не втямлю якъ досталысь намъ.
Сю вещь, якъ ридку и старынну,
Пидносимо царю Латыну.

А ось ще силъ Бахмутка й Крымка,
Мыска Опшнлянська и рынка.

А пслея цихъ дарункивъ всихъ

Пидносимъ вашечи пыригъ.

*(Подает пыригъ завдовжкы зъ аршинъ
и кланяетця).*

Латынь.

Дывысь, Амато! Глянь, Лавиню!

У мене котытця изъ рота слына,

Видъ цыхъ дарункивъ дорогыхъ!

(Сміетця). Не погрыземось мы за
ныхъ?

Амата.

Давай вже видповидь посламъ.

Латынь.

Скажите вашему Энею:

Латынь царь, зъ цілою симьею,

Всімъ сердцемъ дуже радый вамъ.

И вся моя маестность рада,

Що Богъ васъ наверхъ сюды;
 Що не пушу васъ никуды...
 Мни мыла ваша вся громада!..
 Зъ Энеємъ дружбы не цураюсь,
 Его у госты дождаюсь,
 Кускомъ останнимъ подилюсь.
 Дочка у мене единачка,
 Хазяйка, добра пряха, швачка...
 То може и въ ридню вступлю.

АМАТА.

Ты вже заіхавъ не туды.

Латынь *(тихо їй)*.

А може ци послы й сваты?

ЛАВЫНІЯ.

За очи хочете засватать?

АМАТА.

Чого намъ виданнемъ хапатысь,
 Хиба обрыдло пеклуватысь,
 У насъ же ихъ такъ не багато?
 Одна жъ е тилькы единачка...

Латынь *(тихо їй)*.

Ай-ай, яка-бо ты чудачка! *(До
 послывъ)*.

За стиль гостей покорно просымъ.
 Есть боршъ до шпундривъ зъ буря-
 камы,—

Чы чуете его вы носомъ?

Есть въ ющи потрохъ зъ галушкамы;
 Потимъ до соку каплуны,
 Зъ потрибки баба шарпаняна,
 Въ шкваркахъ запечени блины,
 Крохмаль зъ вареннемъ изъ малыны.

Я в а 7 - а.

Ти жъ и гинець.

Гинець *(вбига)*.

Вже панъ Эней ось за порогомъ.

Латынь *(заметушывся)*.

Амато, чуешь? Слава Богу! *(Гука)*.
 Нехай вивать зъ гармать стріляють,
 У сурмы тушь музыки грають,
 А пивчи многа лить ревуть!
(Стрельба и гвалтъ).

Я в а 8 - а.

Эней входитъ.

Эней.

А ось и я, мось—панство, тутъ!

Латынь *(кыдається цылуватись)*.

Та якый же парень бравый!
 Дывысь, Амато!... Дывысь Лаво!..

Эней *(до Аматы)*.

Честъ маю панну гратулеваць,
 Дозвольте рончку поцаловаць. *(Ци-
 луе руку)*.

АМАТА.

Дуже ради бачыть пана!

Эней *(до Лавыни)*.

Красній панни моя шана! *(Чолом-
 каютця)*.

ЛАТЫНЬ.

Амато! Донечко, Лавусю!..
 Ну жъ, цемы въ губкы прудывуса.

ЛЫВОНІЯ.

Якъ, пры всихъ щобъ цилувала?
(Тыхо до Аматы).

Що це татко кажуть, мамо?

АМАТА *(тихо їй)*.

Пры людяхъ, доню, не годытця...

ЛАТЫНЬ.

За стиль прохаемъ садовытця.

*(Стреляють зъ мушкитивъ, музыка
 гра. Гости сидаютъ за стилъ,*

входятъ пивчи и пидъ маханне рукою питы спиваютъ, держучы пипири въ рукахъ).

Прыйшли Энееви послы,
Слы-слы-слы-слы-слы-слы.

Дары Латыну прынесли
Слы-слы-слы и т. д.
Латынъ зрадивъ такій дарыни
Рыни-рыни и т. д.
Веливъ прославить посливъ ныни
Ныни, ныни и т. д.
Оце жъ я ихъ прославляю
Лаю-лаю и т. д.
Довгодепствія желяю
Лаю-лаю и т. д.
Ось и самъ Эной вжо тутъ
Туть-туть и т. д.
Сивъ уже въ передній куть
Куть-куть и т. д.
Многа лита, многа лита!..

Перемина.

Въ Караваси (словесный судъ на Олимпѣ).

Я в а 9-а.

Юнона (*вбига, за нею слуга*).

Охъ, лыха жъ моя годна,
Уже Анхызенко въ Латына,
Лавыню сватае дзыгаву.
Латынъ роквасысь якъ халява,
Амата жъ на тонку прыде.
Але не такъ воно буде!..
Оцей штафетъ везы Плутону,
Щобъ фу,ю винъ Тезифону,
Пославъ до мене въ одыпъ мыгъ.
Щобъ не въ Берлыни, ни въ дормези,
И ни въ рыдвани, ни въ портшези,
А бигла бъ на перекладныхъ,
Та тилькы, чуешъ, зъ усихъ нигъ!..
Нехай бере на вси уторы—
Черезъ яры, долины й горы!.. (*Слуга пишла*).

Стрывай Анхызенку гулять,
На тебе я узброю рать
И Турнови дамъ допомоги,
Щобъ ты задеръ скорище ноги!

Я в а 10-а.

Влитае фурия Тезифона.

Тезифона (*басомъ*).

Щобъ не було въ пути препоны,
Платыла я тройни прогоны,
Щобъ тилькы швидче прыскакать.
На що звелила мене звать? (*Кланяетця*).

Юнона.

Здорова люба, мыла доню!
До мене швидче Тезифону. (*Цилуе*).
Сидай, голубко! Якъ ся маешъ?
Чы пса Трояньского ты знаешъ?
Теперь къ Латыну завитавъ.
И крутыть тамъ, якъ въ Карфагени;
Пуска бисы дочки и нени—,
Латынъ щобъ рогивъ не прыдбавъ?
Зробы ты похоронъ зъ весилля,
Задай всемъ доброго похмилля,
Хочъ бы побрала всихъ чорты.
Пужны по своему ихъ ты:
Амату, Турна и Латына,
Найбильшъ Анхызового сына!

Тезифона.

Я наймычка твоя покирна,
На всяку хить твою прыхыльна.
Амату зъ Турномъ попарую
И цымъ Энея роздратую,
Латыну жъ въ тимъ дуръ впущу.
Зламаю згоду й потрошу!..
Я перекинуся клубочкомъ,
Кить-кить зъ Олимпа якъ стрила,
Якъ череда итимо вечерочкомъ
Къ Амату шустъ, якъ тамъ була.

Я їй пидь пелену пидкрадусь,
Гадюкою въ сердце заповзу,
По вєихъ куточкахъ позываюсь,
Въ Амати рай соби знайду.
Въ отравлену їн утробу,
Я злосты накладу якъ бобу,
Потимъ и Турна натровлю
И якъ найкраще все зроблю!..

Юнона (*цилує їй*).

О, Тезю люба, за цю службу,
Я покажу тобі пайщыршу дружбу!

Тезифона.

Прощай же пани, не журись,
Не хмурься такъ, розвеселись! . (*По-
цилувавши пишла*).

Юнона.

Втопчу Анхызєнка въ багно!
Охъ, мовъ видъ сердца видлягло.

*Гримз, блискавка, витєрз, вєхорь,
свєстз, трєскз. Збираютьця боги и
богыни. Зєвєсз входе розгнєваний,
за нымз Венєря и Бахусз.*

Я в а 11-а.

Зєвєсз (*крьчєть*).

Чы довго будете казытысь
И стыдъ Олимпови робыть?
Чортъ батька-зна за що сварытысь
И смертныхъ смертнымы тровыть?
Вамъ тилькы бѣ мордувать людей?
Я васъ изъ неба поспыхаю,
И взышу власть такъ вкоротаю
Що пастымете вси свыней!..
А вамъ, Олимпєски зубоскалки,
Задамъ лозової прыпаркы,—
Все лыхо на земли видъ васъ!..
Я посажу васъ въ шєвєкїй квась.
Або ще крацу кару знаю,
Усїхъ васъ ось якъ покараю:

Пошлю васъ въ Запорожєску снчть;
Тамъ бабєськихъ фыгливѣ не вважуютъ,
Жинокѣ тамъ на тютюнѣ мнєяють...
Ще жѣ соромъ прямо мєни въ вичѣ!
Не вы народъ мїй сотворылы—
Не хысть создаты вамъ червьяка!—
На що жѣ мырянѣ вы роздрочылы?
Глянь, на земли вїйна яка!
Та вы скажыте мєни, до я:
Чы на Олымпї, чы въ корчми?
Ачѣ, замутылы якъ людмы...
Латынѣ же, то така тыхонї,
Що не зачєпыть и курчаты,
Тєперѣ, пидь прыводомѣ Аматы,
А може выпна трохы й доня?—
Цїлкомѣ озбронєсь на Энея!
И Турнѣ на него рать навивѣ,
Учора флотѣ ему спалывѣ!..
Лыбонѣ загарбавѣ вси запасы?
Чын жѣ ото все выкрутасы?
Божусѣ мою бородою
И Гебєною пєленою,
Що тыхѣ богнєвѣ лышу чынивѣ,
Якы въ вїйшу оту вилєтутця.
Энея и Турнѣ пєхай скубутця,
А вы глядыть свонхѣ чубивѣ!

Бахусѣ.

Все жѣ безѣ горилкы на вїйни
Не можна обїйтєсь?

Зєвєсѣ.

Звычайно.

Бахусѣ.

Дозволь же, батєчку, мєни
Зѣ горилкою открьты чайну?

Зєвєсѣ.

Та тилькы не сыропѣ такъ дужє,
Якѣ у турецькую вїйну;
А то въ баранїй ригѣ зигну,
Хочѣ ты и родычѣ блызкый, друже!

Бахусѣ.

Та якѣ звєлышь, то такѣ и будє.

ЗЕВЕСЬ.

Щобъ клеймена була посуда,
А не хвальшыва, якъ тоди...
Якъ тильки жъ що, то быть биди!

БАХУСЬ.

Тоди жъ жыды ганделювали?

ЗЕВЕСЬ.

И наши добрый тамъ пожитокъ малы!
Теперь, Венере, пидійды.
Объ чимъ прохать хотила ты?

ВЕНЕРЯ (*пидходе, козыряючи по
военному*).

О тату, сыльный, вельчавый,
Ты всякый помысль зрышь лукавый.
Цымъ окомъ землю озыраешъ,
А цымъ за нами прыглядаешъ.
Ты знаешъ лышь, на що Троянцивъ
Злымъ грекамъ попустывъ побыть;
Эней жъ, зъ прыгорщю лапцивъ
Веливъ судьбамъ не потопыть.
Ты знаешъ краще всихъ прычину,
Чого Эней прыплывъ къ Латыну
И била Тыбра поселывсь.
Звидкиль же Турнъ тутъ прытулывсь?
Била Аматы бисомъ ходе
И на Лавыню очи зводе?...
Твон бъ законы выповняльсь,
Колы бъ *одна* тутъ не мишалась,
Та не цькувала бъ такъ людей;
Твоихъ приказивъ не сповняе,
Нарошно Турну помогае,
Бо, бачъ, Венерыпъ сынъ Эней!
О, Зевсь! О, батечку мій ридный!
Огляньсь на плачь дочки своен:
Спасы народъ Фригійский бидный,
Це дило есть руки твоен!
Якъ масшь ты кого караты,
Карай мене, карай — я маты!..

Юнона.

Ахъ ты жъ негідна пащекухо,
Финдюрко, ящерко, брехухо!..

Ты сміешъ, кошени мерзенне,
Зевесу доносить на мене?
Хиба жъ ты, шкапыще, не знаешъ,
Що Зевсь мій чоловікъ и братъ?

ЗЕВЕСЬ.

Стрывай, Юноно, це не въ ладъ,
Ты тонъ високий пидіймаешъ!

Юнона.

И тоби, Зевесь, не стыдно,
Що передъ тобою смитте й прахъ,
Базика про богивъ обидно
Й трахтуе объ твоихъ дилахъ?

ЗЕВЕСЬ.

Розгындючылася, ну й що то баба?

ВЕНЕРЯ (*у бикъ, дывлячысь на Юнону*).

Ачъ, надымаеця, мовъ жаба,
Або гоноровытый панъ!

Юнона (*Венери*).

Чы зъ Марсомъ же тебе Вулканъ,
Оце ось свижо не впіймавъ?
И пелену ажъ доты ось одтявши,
Якъ слидъ ризками видчухравшы.
На прывьязи якъ сучку не державъ?
Це ты и Трою розорыла,
Це ты й Дидону погубыла!
Черезъ тебе й Латынь возетала,
Це ты и Турна нацькувала,
Що винъ зробывсь Энею врагъ.
Теперь на мене все звертае?

ВЕНЕРЯ (*зг запаломъ*).

О, Зевсь, О, Деусъ, о Аллахъ!

Юнона.

Ачъ, якъ словами улещает!

ВЕНЕРЯ.

Юноно, цыть, бо не стерплю,
Очипокъ зъ тебе изыбью!

Юнона.

Ты на ци штуку дуже смила,
Весь вигъ зъ военными жыла,
Морожено на галдарен іла,
Та по трахтыряхъ пуншь пыла.
Манышки охвыцерськи прала,
Зъ стрючкомъ горилку продавала...

Венера.

Ахъ ты жъ тварюко сухоребра,
Я жъ переличу тобі вси ребра!..
(*Вьдається на Юнону*).

Зевесъ.

За руки Венерю схопите!
Гарненько й Юнону держите!..
(*Схопылы обохъ*).
Що хочте языкомъ совтайте,
Рукамъ же воли не давайте!

Юнона.

Всесвітня волоцюго мерзська,
Проклята зводнице Цытерська!

Зевесъ.

Ну годи, чортови сороки!
Обомъ слидъ натрипаты щокы!
Не буду васъ карать громами,
По пятахъ выблю чубукамы...
Занышкныть, вуха вси наставте
И слухайте, що я скажу;
Мовчить же и роты роззявте,
Хто жъ пыспе, пыку розмизжу.
(*Оглянувъ всихъ*).

Промежъ Латынцивъ и Троянцивъ,
И всякихъ Турновыхъ пганцивъ—
Не сикайся ништо въ війну.
Сикнетця жъ хто—въ дугу зигну!
Пождимъ: хто носа втре кому?
Вы чуєте? Буть по тому!

Я в а 12 - а.

Вбигае Меркурій.

Меркурій.

Ваша мосць, уже свитае,
Горнысть у Турна зору грае.

Зевесъ.

Ходимо жъ купно кейфъ учынымъ
И отъ мырськихъ дилъ одпочынемъ.
(*Пышлы*).

Бытва.

Палатка Энеева надъ моремъ. По той бигъ залива мріе лагерь Турча. Эней лежыть, поручъ зброя его. Свитае.

Эней (*дримае*).

Волосожаръ вже высоко пидняеся
И визъ онъ ставъ вже зовсимъ
сторчъ;

Зъ досады я й не роздягався,
Хапа за серце ныбы корчъ.
Ниякъ изъ Турномъ не зитнуся,
Щобъ въ разъ на смертний выиты бой,
Якъ що й сегодня не побьюся,
То накладу вже головой!..

Турнь попалывъ мій флотъ,
Троянцивъ тьму побывъ,
А потимъ на весь ротъ
Страходупомъ мене ганьбывъ!..
Латынъ на мене розгнивывся
За розшматоване щеня,
За те на мене й узброився...
Одначе въ тимъ чы выненъ я,
Що десь троянцы полювали,
Де хутирь его нянькы бувъ
Й щеня хорты тамъ розирвали...

А я биду соби здобувъ?
Турнь за Лавынію лютуе,
А та не хоче й знать его;
Амата жъ прыдаве готуе,
Та не вгадае за кого?..
Юнона Турну въ помичъ стала,
А матинка моя десь загуляла...
За що таку гирку я пью?
Невже жъ я Турна не побью?

(*Заснувъ*).

Це жъ що такее за народъ?
Якыйсь неначе короводъ!..
(*Зъявляютьця на мори сирены*).

Я в а 13-а.**Эней и русалки (сырены).**

Эней.

Не рыба то е, и не раки,
А такъ якъ короводъ дивчать,
И бовтаютца якъ собаки,
И въ голосъ якъ кишкы нявчать!..

Русалка (зъ короводу пидбига до
Эней).

Чы ты впознаешъ насъ, Энею?
Та мы жъ зъ персоною твоею,
Троянскый весь возылы родъ.
Мы Идської горы дубына,
Лыпкы, горишына, соснына,
Зъ якыхъ бувъ зроблений твій флотъ.
До насъ було Турнь докосывся,
И байдакы вси попалывъ,
Та Зевсъ, спасыби, поспышывся
И насъ сыренамы зробывъ.
Була безъ тебе зла годына,
Трохы не згыблы до едына
Твои завзятіи Троянци.
Нагнавъ намъ Турнь страху въ галанци.
Ну, годи жъ спаты, пробудысь,
На той бикъ швыдче подывысь,
Троянци якъ тебе уздрять,
То въ брідъ до тебе побижать.
(Счезае).

Эней (схопывся).

Ого, уже почався свить!..

(Вдысляетця).

Насъ обложылы, мы въ засади!

(Скрегоче зубамы).

Нема кинця мой досади!.. (Гука).

Троянци, говъ! Сюды пливить!..

(Троянци переплывають въ човнахъ
зъ того боку, човны пидпыхають
сырены).

Скорище, друзи, ушыкуйтесь,
Плече въ плече мерцій прысуньтесь.
Ну, разомъ, братикы, напримо

И недовиркывъ сокрушимо.
Рушайте якъ одынь—шульгой!
(Проходе зъ війскомъ).

Я в а 14-а.**Турнь зъ війскомъ.**

Турнь.

Ребята! Быйтесь не выляйте,
Наставъ тепера сичи часть.
Домы, жинокъ, дитей спасайте,
Спасайте любо що для васъ!

Воины.

Веды, веды въ бой, Турне, насъ!
(Проходятъ).

Я в а 15-а.**Мезентій (зъ війскомъ).**

Мезентій воинъ я Тырренскый,
Зризъ ворогамъ вснмъ на биду,
Колысь полковникъ такъ Лубенскый
Свій полкъ водывъ, якъ я веду!

Его воины.

И шведу, татарви и ляху—
На довго завдавали страху!
(Пройшлы).

Я в а 16-а.**Покатылось (зъ війскомъ).**

Я отамапъ Покатылось!

Караспуло.

Я осауль Караспуло!

Овое (разомъ).

Колы бъ сегодня довелось
Побыть Троянцывъ на голо!
(Пройшлы).

Я ва 17-а.

Цекуль (зз війскомъ).

Я естѣ Цекуль Пренестський,
Вже по війни давно сумую,
Самъ хвабрый воинъ, лыцарь лепський
И війскомъ дужимъ я керую!
(*Проходе*).

Я ва 18-а.

Мезань (зз війскомъ).

Нсптунивъ сынъ буду Мезань,
Палкый до бою, якъ собака,
Въ ризни страшенный розбышака
И лобомъ бьюся, мовъ баранъ!
(*Проходе*).

Я ва 19-а.

Талесъ (зз другого боку).

Я другимъ шляхомъ, зъ цего боку,
Прыбигъ сюды попередъ строку,
Якъ до воды гарячий песь—
Агамемнопенко Талесъ! (*Пройшовъ*).

Я ва 20-а.

Ипполыть (зз війскомъ).

Я паньска кохана дытына,
Тезіенко, панъ Ипполыть,
Не маю орденивъ и чына,
А хочу дуже заслужыть! (*Пройшовъ*).

Я ва 21-а.

Камылла.

Ось я, наїздниця скакаю
И війско не мале веду,
Собою всихъ людей лякаю
И все мовъ помеломъ мету!
А звуся: дива-царь Камылла,
Ось доты жынка, тамъ кобыла,
Кобылячу всю маю стать:—
Ноги чотыри, хвистъ съ прикладомъ,
Хвостомъ кручу, хвыцаю задомъ
И могу говорыть и ржать!.. (*Проходе*).

Я ва 22-а.

Турнь и Паллантъ (рубаютця).

Турнь.

Та й стѣбонувъ мене мечемъ,
Опорезавъ по поясници,
Але въ сталевій залызници,
Я тилькы' що моргнувъ плечемъ.

Паллантъ.

Хочъ ты облуйся весь въ булатъ,
Видъ мене улызношъ наврядъ!

Турнь.

Палланте, не хвалысь впередъ,
Держысь за землю, мій чередъ!
(*Бѣе его*).

Паллантъ (пада).

Не людська сыла!.. Помираю...
Зъ богивъ хтось Турну помагає!..
(*Помира*).

Турнь (*схопивши его за волосы,
здійма зъ него срибну лядунку, зъ
карункою, и начеплює собі*).

Аркадци! Лыцаря визьмите,
Въ ралець къ Эвандру однесите.
Скажете: смерть за те диставъ,
Що до Энея винъ прыставъ. (*На-
слуха*).

Тамъ стукъ, страшенный галасъ чую!
Хто жъ землю такъ трясє сырую?
(*Вдывляецця*).

Якъ выхры на пискахъ бушують,
Въ порогахъ воды якъ лютують,
Эней такъ въ лютимъ гниви рветця,
Помстыть Палланта смерть несетця!..

Русалка Ютурна (*пидбига до Турна*).

Не попадайсь ему на очь,
Эней твоєи смерти хочю!..
Втикай покы скорій сюдою,
Тамъ мы пройдемъ по пидъ стивою.
(*Побиглы*).

Я в а 23 - я.

Эней (*у слидъ Турнови*).

До лясу, Турне, розбишако?
Тоби бильшь рясту не топтать,
О, я задамъ тоби табаки,
Що будешъ ажъ за Стыксомъ чхаты!

(*На Энея набигаютъ Турнови воины*).

(*Бъе першого*). Покій вичный тоби,
Нумо.

(*Бъе другого*). Прощай и ты, Са-
ресте, куме!

(*Третьего*). Тарквыне, голову звьяжи!

(*Четвертого*). Поклинъ своимъ пе-
рекажи!

(*Зупыняетця надъ трупомъ Пал-
ланта*).

О, цвите, полевой, роскипный,
Кинець хочъ славный, все жъ по-
спишний!.. (*Гуна*).

Гей, братци, любин Трояне,
На гвалтъ мерщій, до свого пана!..

(*Входятъ скилкъсь Троянцывъ*).

Зробить носылкы зъ верболозу,
Изъ очерету балдахынъ,
Зготовте тило до выносу,
Щобъ панъ Паллантъ, Эвандривъ сынъ,
Вельможна паньская персона,
Явылася передъ Плутона,
Не якъ абы-якый харпакъ...

Щобъ тило биле обмылы,
Нове убраннячко надилы,
За щоку бь всунулы пятакъ.

(*Приносятъ носылкы и кладутъ
тило*).

Дотепный хто промовъ рацію,
Хто вчывся зъ васъ хвылозопін?

Троянець.

Его шум справжній хвылозопь!
(*Кашля*).

Не довго й треба чухать лобъ,
Щобъ восхвалыть дила юнца,

Смежывшого свои зде вежды,
Ибо зрыть всякый по одежди,
Що це сынъ чымого отця. (*Кашля*).
Додамъ: се мертвый и не дышетъ,
Не выдыть, то есть и не слышыть,
Ей-ей, увы! вишь мертвъ... Аминь!

Эней (*зитхнувъ*).

Такъ, такъ!.. Теперъ кладить на мары.

Троянець.

Скинчывъ жытте, скинчывъ и свары.

Эней (*похытавъ головою*).

Бувъ чоловікъ—засталась тинь.
(*Понеслы*).

Я в а 24 - а.

Выходятъ послы видъ Латына.

Послы.

Ажъ осьдечкы тебе знайшлы!
Есьмы Латынськин послы.
Царь Латынъ прыславъ сказать,
Щобъ ты покынувъ воювать.
Дае нывья и синокосы,
И рыболовни Тыбрськы косы,
Щобъ ваша мосць бувъ намъ сусидъ.
Сварытця намъ зовсимъ не слидъ.
А це, дывысь, тоби дары:
Павыдло, сало, осятрына,
Шалевый поясъ, це люстрына
И на кожушокъ ось тхоры.

Эней.

До курия носить ци дары
И тамъ, панове, мене ждить,
Я жъ пошукаю ще прочвары.
Ось винъ иде. Панове, йдите!..

(*Показуе нетерпяче рукою, щобъ
послы йшлы*).

Я в а 25 - а.

Входятъ Ютурна и Турнь.

Ютурна (*благаячы Турна*).

Охъ, Турне, братику, втикай!

Турнъ.

Чуешъ, Лавынья не моя?.. Нехай,
Нехай же правда та справдытця,
Кому зъ насъ треба жывотыть.

(Выходе).

Энею! Йду зъ тобою бытъця!

Эней.

Выймай меча, негідна гндыть!..

Турнъ.

Пошлю тебе я до Плутона,
Або жъ самъ въ адъ я копырсну,—
Жытте мени вже й такъ солоне!

Эней.

Пидходь, тебе я полосу! (Почы-
нають бытысь).

Турнъ (до Энея).

Що зацидывъ тебе, Энею,
Що зъ плечъ упала вже й кырея?

Эней.

Вона не буде заважать,
А послѣ можна й пидійнять. (Въе его).
А ось визьмы видъ мене здачу!

(Выбыва мечъ).

Турнъ.

Меча скорѣе дайте мни!

Ютурца (даючи ему мечъ).

Плечыма стань скорій къ стини!

Эней.

Ни, стій! (Выбыва зновъ мечъ).

Турнъ (хапа каменя и кыда въ
Энея, але не докыда).

Де дилась моя сыла?

О, зла Юнопо, измѣнила!

Эней (бъе Турна спысомъ, Турнъ
пада).

Иды на вырынкы къ чортамъ,
Тоби готове мисце тамъ!

Турнъ (стогнуць).

Проклятте вамъ уси Олимпьски,
Що вы вчынылы цей турнырь:
Юнона жъ, та хортыця Крымська,
Вона лютица за ввесь мырь!..

(Простяга до Энея руки).

Энею! Турнъ тоби рече.

Не жызни хочу я—подарка,
Твоя, Анхызовычъ прыпарка
За стыксъ мене поволоче.

Та есть у мене батько ридный,
Старый и дуже ветхыхъ литъ,
Тужыть за мною буде бидный,
Мени жъ не мылый вже цей свить!..

Я видрекаюсь видъ Лавыньи...
Вчыны жъ ты ласку, хочъ едыну:
Якъ смерть мени ты завдасы,
Отправъ до батька трупъ дублений,
Ты будешъ за сіе спасенный.
За выкупъ же, що хочъ просы!..

Эней (зрушений, опуска занесен-
ный мечъ).

Иды, будь батькови видрадой,
Спокій его—моя награда!

Турнъ (встае и подае руку).

Спасыби, лыцарю!

Эней (зъ опалу закрычавъ).

Ни, стій!

Невже обманюе мене взиръ мій?!
Це на тоби, що за лядунка?
И золотѣ на ній карунка?!
Дрижышь? Чыя вона, змійоко?
Ты зъ мертвого Палланта знявъ?
И я на тебе мочъ мій знявъ?
Колы бъ те знавъ... Ахъ ты жъ тварюко!..
Не ставъ бы я паскудныть рукъ.
(Убыва его).

Не вопъ ты—башыбузукъ!..
(Ставыи на трупъ ногою, гука).

Сюды, сюды Троянці — швидче,
До мене підійдїть вы бляжче!

Я в а 26-а.

Сходятьця Троянці.

Эней.

Конецъ вїйни, воякамъ слава,
Доба покійна зновъ настала!
Не лыцарь въ мене пидъ пятою,
А гадъ! Его не пидъ водою
И не въ земли трупъ закопать,
А звирямъ на здобычъ видать!..

Троянці.

Якъ? Що́ таке?.. Що жъ винъ вчы-
нивъ?

Эней.

Винъ честь лыцарьску оганьбывъ:
Паланта тутъ винъ доканавъ
И зъ мертвого лядунку вкравъ!..

*(Здїйма лядунку зъ Турна и виддає
Троянцямъ).*

Лядунку заразъ цю визьмите
И швидчъ Эвандру одишлите.
А падло кыште заразъ въ прирву,
Воронамъ хыжымъ на годивлю!..
(Трупъ Турна выносять).

Я в а 27-а.

**Ти жъ и царь Латынь, Амата, Ла-
вынія, послы, воины и народъ.**

Латынь.

Такъ це Эней вже Турна вбывъ?
И пречудесно винъ зробывъ.

(Пидходе до Энея).

Анхызовычъ! Пора мыртысь,
На що зъ тобою намъ сварытысь?..
Ну жъ, годн гниватись тоби,
Не я знявъ сварку, все бабы!..

(Показує на Амату).

Це ихъ все дило, все воны.

Амата.

Верны на мене все, верны!..

Латынь.

Я жъ сварки першый не заводывъ?

Эней.

Та й мени ин не треба!
Це намъ нашкодывъ хтось изъ неба.
(Подає Латыню руку).

Латынь.

Якыйсь божокъ наколобродывъ.

Эней *(кланяється).*

За подарунки дяка вамъ.

Латынь.

Але до ныхъ я ще додамъ
Дарунокъ самый найсмачнищый:
Даю Лавынію тоби,
Ты зъ нею будешъ, якъ въ рай!..

Лавынія.

Тату! *(Шарта его за полу).*

Латынь.

Сердешна голосыла,
Слизьмы вси подушки змочыла.

Эней.

О, царю, батьку найблагїйшый!
*(Цилується зъ Латыномъ. До
Аматы).*

Дозвольте мамою васъ звать?

(Цилує їй руку).

Амата.

Бажаю жыть та поживать
Вамъ, диточки мои любеньки,
У щастї, въ сыни, та въ любви!..

Эней *(до Лавыніи).*

Яка жъ, Лавынію, ты гарненька
Въ одежи цїй! А очкы, бровы!..
(Цилує їй).

Лавынія.

Зацилуй мене до смерты!..
Бажала бь я оттакъ и вмерты!..

Латынь.

Витайте молодыхъ, панове!

Амата.

Щобъ жыть имъ вично у шаноби!

Латынь.

Почнемо жь бенкеты справляты,
До шлюбу молодять зряжаты!..

Эней.

Бубны и цымбалы чымъ дужчъ загудите,
Сопилкы кленови голосно свыстите!..

Лавынія.

Нехай нашу радисть чую увесь свить,
Нехай любовь наша живе сотни лить!..

Троянци.

Оцёго й мы хочемъ
И такъ всемъ жыть треба,
Колы хочемо драбынку
Выстроить до неба.

О, боги Олыпма внемлите,
Кинець цій війни закрепите,
Щобъ скризь на земли миръ панувавъ,
Й кровы людської никто не жадавъ.
Слава жь Энея, Анхызового сына,
Хай богамъ и людямъ по вить буде
мыла!

З а в и с а.

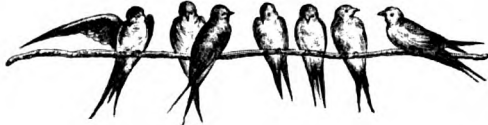

Дурьсвитка

Этюдъ зъ природы, въ 1-й дѣи.

Къ представленію дозволено. С-Петербургъ,
7 Сентября 1898 года.

ЛЫЦЕДІИ:

Лукія, пидстаркувата жинка.

Хотына, іа небога, дивчына.

Хвылымонъ, парубокъ закоханий въ Хотыну.

Марына, его сестра, дивчына.

Мусій, музыка— скрипныкъ.

Иванька, хлопецъ, бубоныстый.

Домка	}	дивчата.
Вустя		
Приська		
Хыма		

Антонъ, парубокъ.

Парубкы и дивчата.

Діетця пидъ Андрія, на сели.

Середына не багатоу хаты.

Я в а 1 - а.

*Домка, Вустя и дивчата пораються
быля печи, инчи липлять варены-
кы, а инчи чыстять картоплю и
инчу прыправу; Хотына сидыть на
лавы, замыслывшысь.*

Домка.

Що, якъ и сегодня, такъ якъ торикъ,
або й позаторикъ, забороняць намъ справ-
ляты Калыты?

Вустя.

Торикъ такы жъ кусалы Калыту, а по-
заторикъ не довелось. А памятаете скіль-
кы реготу було, якъ Ларивонъ убрався
за дида та всихъ, хто реготавъ, кусаючы
Калыту, вихтемъ мазавъ?.. А якъ дійшло
до балабушокъ, тилькы що заманылы
собаку въ хату, ажъ десятынка й пры-
тырыло, и пропала гульня!..

Домка.

Эге, пропала ни за цапову душу!
То Нечипиръ тоди зновистывъ десятынка.

Дивчата.

Нихто якъ винъ, за те що парубкы
прогнали его зъ своєю кумпанію!..

Вустя.

И якы е кляты люде!

Домка.

Тилькы що торикъ одне було начал-
ство, а теперъ друге, може новыи стар-
шына и дозволыть? Якъ ты думаешъ,
Хотыно: дозволыть, чы не дозволыть?

Хотына.

Хочъ дозволыть, хочъ не дозволыть.
(*Зитха*).

Домка.

Такъ и я умію вгадувать. Що це ты
сегодня якась, мовъ у воду намочена?
Я вповала, що ты й сегодня верховоды-
тымешъ на вечорныцахъ и весело буде;
а ты розквасыла губы, тай...

Хотына.

Сумъ мене обгорта, журытысь хочю!..

Вустя.

Це вона, мабуць, не хоче варены-
кывъ липыты, черезъ те и прыкыдаеця
хворюю? (*До Хотыны*). А правда?

Хотына (*зитха*).

Ой, не кажы такъ, Вусте, боронь тебе
Боже, не кажы!..

Вустя.

То скажы видь чого сумъ?

Домка.

Лыбонь, выгадуешъ ты щось нове?

Хотына (*чуло*).

Не вповала я, щобъ и ты, щыра под-
руга моя, та не йняла мени виры?

Домка (*зазыра въ вичи*).

Справди ты журысея?

Вустя (*дывытця на Хрыстю*).

Не до выгадокъ ій, колы ажъ слезы
въ очахъ!..

Домка.

Чи не видь цыбули ти слезы? Де та цыбуля, що отгуть на викни лежала?

Хотына.

Домко, Домко!.. Грихъ тоби, грихъ, грихъ!..

Домка.

Колы й справди яке лыхо, то роскажи.

Хотына.

Заспывайте, сестрычки, мени сумной, такой сумной, щобъ я у волю натужылася.

Домка.

Чому й не заспывати?

Вустя.

Спываймо, тилькы потыхеньку, щобъ бува десятныкъ не наскочывъ.

Домка.

Якъ наскоче, скажемо, що на оденкы зйбралысь.

Вустя.

Якъ разъ, пидъ празныкъ на оденкы?

Домка.

А може не наскочыть? *(Почынають тыхо спывать).*

Та кохавъ мене батько
Якъ билу туполю,
Та й виддавъ мене за нелюба
Втопывъ мою долю.

Та кохала мене маты
Якъ рожеву квитку,
А теперъ мени довелося
Обратысь въ намитку.

Та кохавъ мене братикъ
Якъ яру пшепычку
Та й запродавъ чужимъ людямъ
Безщасну сестрычку.

Та кохалы мене сестры
Та якъ мьятю-руту,
Та й нараялы мени дружыновку,
Якъ гирку отруту.

Хотына.

Оттакъ! Кохають, кохають тебе, а дали вговорять, або сылюо прымусять иты за нелюба, и мовъ наумысне втоплять.

Домка.

Ты жъ це проты чого таке кажешъ?

Хотына.

Ця писня не мовъ цилкомъ зразокъ зъ мене. Ни я его николы не бачыла й не знала, ни винъ мене, а теперъ беремось!..

Домка.

Що? Чуєте, дивчата? Зъ кымъ же ты бересся?

Хотына.

И сама не знаю хто винъ и звидкы? Охъ, прощавайте, сестрычки!.. Журитця за мноу та згадуйте мене безталаночку!.. *(Кыдаецця видъ одній дивчыны до другои на плече).* Я жъ, лыбонь, никому зъ васъ ничого лыхого не заподіяла? Оплате мене!

Домка.

Та роскажи товкомъ. якъ воно трапылось?

Хотына.

Де вже у мене той товкъ визьметця? Десь у ярмарку батькы змовылысь; а оце учора вже й парубокъ зъявлявся.

Домка.

Якъ же ты идешъ за него? Невже безъ суперекъ и ни крыхты не вагаючысь?..

Хотына.

Нибы мене обморочено, чы зачаровано!.. Якъ глянула на него, то не мовъ зразу забула про всихъ и про все. Гарный же, такой гарный зъ облыччя!.. И такой смиренный та приятный на розмову.

Домка.

И заможный?

Хотына.

Нибы багатый, бо гарно зодягнений.

Вустя.

Щастя тоби, Хотыно!

Домка.

Ну, а якъ же буде дило зъ Хвылымономъ?

Хотына (*жახнулася*).

Охъ! Зъ Хвылымономъ? (*Розвела рукамы*).

Домка.

Винъ же лагодывся заразы пилса Риздва за рушныкамы до тебе?

Хотына.

Лагодывся жъ, знаю...

Вустя.

А теперь розлагодытця.

Домка.

И коха жъ винъ тебе, та ще й не абы якъ коха!

Хотына.

Думаешъ я его не кохала?..

Вустя.

Але, якъ теперь на коханна нема моды, то...

Хотына.

Правду кажешъ, Вусте, яка ты розумна, сестрычко! Нема моды на коханне!..

Домка.

И не вже тоби не шкода Хвылымона?

Хотына.

Не знаю? Разъ здастця, нибы шкода, Господы, якъ шкода; а вдруге, вже нибы й байдуже!..

Домка.

То якъ же воно буде?

Хотына.

И сама не втямлю!..

Вустя.

Буде такъ, що выйде замижъ у чужу сторону, то й забуде про Хвылымона.

Хотына.

А вже жъ, забуду. Розумно кажешъ. Правду ты сказала, Вусте. Беры вже ты соби Хвылымона.

Вустя.

Винъ на мене и не дывытця.

Я в а 2 - а.

Ти жъ и Марына.

Марына (*вбигаючы*).

Добрывечиръ, сестрычки! Чы Хвылымона ще не було?

Хотына (*зъ жажомъ*).

Невже винъ вернувся вже зъ городу?

Марына.

Оце надъ вечиръ прыбигъ. Трохы-трохы не прогавыла я Калыты. Вже ма-ла лягаты спаты, ажъ чую, маты озы-

ваются до батька: „чы пам'ятаешъ, кажуть, чоловиче, якъ ще за нашихъ часивъ парубецтво та дивоцтво Калыту справляло?“... Я й насторочыла вуха. А батько й одмовылы: „не той вже, кажуть, теперь свить. Першъ було у цей день ще тилькы почина смеркаты, а вже чутно спивы по веихъ вулицяхъ, ажъ село стогне; а сегодня ниhto й гласу не подасть, нибы бенеря по селу пройшла“.. А мене, вирите, сестрычкы, такъ раптомъ всю неначе комашнѣю обсыпало, все тило такъ и спалахнуло на мени. Якъ схоплюсь та мерщій до своєї скрыни. А маты якъ галаснуть: „чого то ты такъ метнулася?“ А я нибы й не чую та швидчъ празныкову одежу пидъ плече та въ сини!..

Домка.

Гараздъ що прыйшла, а то бѣ жалкувала.

Вустя.

Теперь прочуешъ новыну.

Хотына.

Ой, Вусте, мовчы, ще не 'пора!..

Марына.

Що таке, га?

Хотына.

Доказуй свое зпершу.

Марына.

Якъ выскочыла, кажу, я въ сини, ажъ дывлюсь у комирчынн горыть свичка и Хвылымонъ прыбираетця у празныкову одежу.

Хотына.

И на вицо винъ сегодня прыхавъ?

Марына.

Якъ на вицо?

Хотына.

Завтра бѣ...

Вустя.

А на мою думку нехай сегодня и вищъ довидаетця.

Хотына.

Ой, лзыкаты жъ ты, Вусте!

Марына.

Про вицо довидаетця? Вы зъ чымсь выховуетесь видъ мено?

Домка.

Доказуй, доказуй свое, а мы описля тоби выявимо.

Марына.

Ну, добре. Про вицо жъ я? Это. Не знаю, чы хвалытыся вамъ, сестрычкы? Хвылымонъ мени, Господы, якъ наказывавъ, щобъ мовчала. Але якъ его вмовчышь? Чы сказаты вамъ, га? Тилькы жъ мовчить, не промовтесъ Хвылымонови. Чуешъ, Хотыно! Я пидслухала, якъ Хвылымонъ радывся зъ батькомъ-матирью, щобъ благословылы тебе свататы.

Домка и Вустя.

Оттакон!

Хотына.

Що жъ батько й маты?

Марына.

Зъ дорогою душею ради, щобъ ты була намъ невесткою; а що вже я була бѣ рада, то й Господы!.. Тилькы батько сказаны, що тепера у ныхъ нема грошей на весилле, щобъ ажъ нисля Велькодня за рушныкамы.

Хотына.

Писля Велькодня?

МАРЫНА.

На Юрія продадут у ярмарку тельцю ялівку та годованого кабана, то й буде за що весиле видбуты.

Домка.

Шкода, що спизнытця Хвильмонь.

Вустя.

Эге жь.

ХОТЫНА.

Мовчить-бо!..

МАРЫНА.

Выпада такъ, що раниць ни якъ не можна, грошей не стача... И закоханий же Хвильмонь у тебе, Хотыно, страхъ якъ закоханий!.. Разъ, ще у литку, прыйшовъ у ночи до дому, а я лежу бия хатнего порога, ще не заснула, тилькы очи заплющыла. Чую, сопе та зитха, дали сивъ на прызьбу. Я розплющыла очи, дывлюсь: сыдыть, схылывся на руку и не мовъ окамяннивъ. Жалко мени его стало, я й озвалася. Чого це ты такый? пытаю. А винъ якъ не плаче: „Хиба, каже, ваша сестра не призведе людynu до лыха?“ Я его, ну роспытывать, ну розважать, такъ куды тоби!.. Мовчыть, якъ воды въ ротъ набравъ, мовчыть однимъ лыцемъ!.. Ничого видъ него и не допыталася, такъ и заснула соби.

ХОТЫНА.

Дуже бувъ засмучений?

МАРЫНА.

Бида!.. А другою дня, надъ вечиръ, жене видъ ричкы воливъ та такъ весело спива, мало не танцюе. Що, пытаю, вже помырыльсь? Винъ усмихнувся та й каже: „Ну й Хотына! Учора пиддурыла мене такъ, що я цилу ничъ и очей не заплющывъ, а сегодня регоче мовъ нависна!“...

ХОТЫНА (*зареготала*).

И сама не знаю, чого мени забагнулося его тоди подратуваты... Але теперь додратувалась.

МАРЫНА.

Нате жъ вамъ ось мысочку пшенишного борошна и пляшечку оліи. А ось дечкы, у папери, медъ. (*Дае все*). Давайте и я допоможу вареныкы липыты. (*Роздлагаетя и помога*).

Домка.

Що жъ, Хотыно, чы ты сегодня признаеся Хвильмонови?

ХОТЫНА.

Мабуть сегодня.

МАРЫНА.

У чимъ? Вы щось выховуете видъ мене?

ХОТЫНА.

А може й не сегодня?..

МАРЫНА.

Та въ чимъ же?

ХОТЫНА.

У тимъ, що й я радылась зъ отцемъ-ненькою.

Вустя.

И такъ вже порадылась якъ найкраще!

Домка.

Тилькы не про Хвильы...

ХОТЫНА (*раптово*).

Домко! Ты хочешъ, щобъ я заразы втекла до дому, то я втечу!.. Не коргыть, мабуть, вамъ почуты, якъ я каятымусь привселюдно?

Домка.

Якъ такъ, то я потерплю.

Вустя.

И я.

Марына.

Та що тамъ такє?

Хотына.

Потерпы и ты, сестрычко! Потерпы,
Марынка, голубо!.. Охъ, потерпы!..

Я в а 3-я.

Ти жь, Приська и Хыма.

Хыма.

Ось и капуста и олія, и картопля!..

Домка.

Добулы такы?

Приська.

А я пидцупыла у матери зъ скрыни
двѣ тарани и пять цыбульнѣ!

Домка.

Теперь у насъ вечера буде на славу!

Хыма.

Такого Калыты справымо, якъ давно
не справлялы. Чы коржа и балабушкы
печете вже? Глядитъ, щобъ коржъ не пе-
репикся.

Марына.

Чы приведуть хлопци музыкъ? Ко-
лы бѣ Мусія привелы, отъ грае на скрыщи!..

Домка.

А що, якъ Мусія переманють у друге
село, якъ и торикъ?

Марына.

Погано буде.

Домка.

По другихъ селахъ може не забороняють
справляты Калыты, а въ насъ забороняють.

Вустя.

Може и тамъ справляють крадькома.

Приська.

Торикъ за мисць музыкъ Вархоло-
мей гравъ на качальци, а Лавринъ у
решето выбывавъ; а цего року вже вони
намъ не кумпанія, бо жонати.

Домка.

Навдаху, чы теперь хто зъ паруб-
кивъ тямє хочъ на качальци заграгы?

Марына.

А я вмю на гребени граты.

Дивчата.

Та невже?

Марына.

Ей-ей, умю! У насъ якось беседа
була та маты гралы на гребени, я й соби
у нихъ навчылась. А Хвылымонъ такъ
ловко выбыва въ решето, що краще й
не треба.

Домка.

А ну заграй, чы потрапышь пидъ
ногу?

Марына.

А хто жь у решето выбье?

Хыма.

Може я потраплю.

Марына.

Давайте гребеня.

Домка.

И дныще даты?

МАРЫНА.

Ни, дныща не треба.

Хыма.

Давайте решето. (Даютъ).

МАРЫНА (обгорта гребеня тонкимъ паперомъ и гра губамы. Хыма бѣе въ решето и те жѣ прыграе иноди языкомъ).

А що, якъ? (Дви дивчыны почи-
нають танцюваты).

ХОТЫНА.

Пидь ногу, та якъ ловко!

ДОМКА.

Хотыно, потанцюй и ты зъ журбы.

ХОТЫНА.

И справди!.. Наплакатысь ще буде часъ, а теперь потанцюю! Ходимъ, Вусте, зъ тобою. (Въ пивголоса). Доручу тоби Хвылымона, а ты, гляды мени, жалуй его!..

ВУСТЯ.

Наврядъ, щобъ винъ мною зацика-
вывся, а що вже жалувала бь!..

ХОТЫНА.

Винъ тоби до любви?

ВУСТЯ.

Э... мало чого не бува!..

ХОТЫНА.

Я ему звелю, щобъ и винъ тебе кохавъ.

ВУСТЯ.

Колы бь же то?

ХОТЫНА.

Давай же потанцюемо: тоби на ра-
дисть, а мени на лихо!.. Грайте. (Тан-
цюють).

ДОМКА.

Присько, а я зъ тобою! (Танцюють).
Ой, хороше жь якъ, краще нйжь пидь
сопилку. (Почынають де-яки приспи-
вувать, а дали спивають гуртомъ).

Нихто жь мени не докучывъ

Якъ той Осавуло,

Загадуе на панщину

Ще й я не заснула.

Осавуле, Осавуле,

Дай же мени покій,

Нехай же я поперу

Сорочки зъ видмокы.

Ой ты знавъ, на що бравъ,

Мене новелычку,

Мене маты годувала

Якъ перепелычку.

Ой ты знавъ, на що бравъ,

Я жь тоби не ривня,

Бо ты ткачь нытколупть,

А я бондаривна.

Ой ты знавъ на що бравъ,

Може бь я й робыла,

Наробывъ веретинъ

Чортъ ма мотовыла.

Ой ты пьешъ, мене бьешъ,

За якін вчынкы,

Хиба жь тоби не напряла

За рикъ тры почынкы?

Одынъ пряла до Риздва,

Другый до Мыколы,

А якъ третій почала,

Буде й до Покровы.

Та не сама пряла,

Кума помогала,

Дала куми мыску пшона

И тры кускы сала.

Та не сама пряла,

Булы помншныци,

То за хлибъ, то за силь,

То за паляныци...

ДОМКА.

А цытьте, лыбонь щось торга дверыма!
Чы не парубкы? Хто це заперъ синешни
двери?

ПРИСЬКА.

Льбонь, я.

Дивчата.

На вищо?

ПРИСЬКА.

Я звыкла дома запираць, бо мене маты разъ-у-разъ были, щобъ не кыдала синешныхъ дверей, я й тутъ заперла. *(Побигла видчынять)*.

Домка.

Може началство почуло, що мы спиваемо, та й?..

Я в а 4-а.

Ти жь и Лукія.

Лукія.

Ну, дивчатка, була я у волосты, сказать, такой смилосты набралася, що достушыла ажъ до самисепького старшыны. А все це ты, небого, пидцькувала мене; послухала тебе та й набралася клопоту. Эге, достушыла та й кажу: такъ и такъ, ваша мылость, чы дозвольте, кажу, у мойй господи нашій молодочи Калыты справляты? А дже, кажу, прыгадайте, ваша мылость, шо й вы колысь у тій самій хати, ще за мосен покійнои матери, якъ были парубкомъ—звольлы не разъ Калыту кусаты? А вони усмихнулысь та й кажуть: „тошно що кусавъ, верно, памьятаю... Але то було колысь, а теперь „не полыгаецця!“ А я имъ зновъ: та дозвольте такы, кажу. Мы жь зъ вами и не чужи, льбонь, нибы сваты? Вони стало быть, держуть Хведора Шамрая небогу; а Хведирь мени доводитця дядькомъ у другихъ. А вони мени зновъ: „тошно, що якъ неначе и родакы мы, тилькы „не полыгаецця“. Онъ яке дило! Мабуть, дивчатка, такъ зробіте: повечеряйте соби у гурти, пыщенкомъ та й розиходьтесь по хатахъ. Сами бачыте, що „не полыгаецця“.

Домка.

Що жь воно означа оте: „не полыгаецця?“

Лукія.

Розберы, хто тяме: „не полыгаецця“, тай годи. Полизу жь я швидчъ на пичь, щобъ кисточки хочъ трохи розимлилы, бо настоялася у волосты въ волю, докы достушыла до самыхъ... А все це, Хотыно, черезъ тебе: „пидить та й пидить, титко!“ Отъ и пишла.

Хотына.

Я вповала що певно дозволять.

Лукія.

То-то що вповала. *(Взлизла на пичь)*. А воно бачъ „не полыгаецця“.

Домка.

Пропавъ нашъ захидь. Скильки понаносилы істывного.

Марына.

А що якъ парубкы прыдуть та ще й музыкь прыведуть?

Лукія.

И сама не знаю, що буде?.. Я разъ бачыла Мусія скрипныка, каже, що его клыкало парубоцтво.

Марына.

Клыкало? Це его Хвылымонь клыкавъ. Я вже знаю, шо це винь!..

Лукія.

Я ему кажу: „не полыгаецця“. А винь каже: „а мы налыгаемо“,—отъ и розберы?

Хотына.

Якъ же це воно буде? Я наважылася сегодня натанцюватись до знесылення!..

Домка.

Хочь на останци натанцюйся.

Лукія.

Якъ на останци? Хиба вона куды видыздыть, чы въ наймы йде?

Хотына.

Иду.

Лукія.

Зь примхивь, чы зь болячкы скор- тило тоби у люде?—Дывына!

Хотына.

Добри примхы!..

Хыма.

Мабуць, свій мякый хлибь обрыдъ, то кортыть погодуватысь чужымъ, цви- лымъ та черствымъ?

Вустя.

Ни, вона, мабуць, істыме булочки та медянычкы?

Домка.

А може й канхветы?

Хотына.

Годи, сестрычкы, не вражайте!

Я в а 4 - а .

Ти жь и Хвылымонь и снильны парубнивь.

Хвылымонь и парубкы.

Добрывечирь хатнимь!

Хвылымонь.

А надвирнимь: прощавайте! Чы вси вы туть? (*Чоломжаеця зг дивчатамы*).

Лукія.

Готуйте, дивчата, вечерю, що тамъ у вась е? Погодуйтеь та й розиходьтеь.

Хвылымонь.

Ну, це буде дуже скоро.

Лукія.

Справляты Калыты „не полыгаеця“.

Хвылымонь.

Це мы вже чулы. Якъ що начал- ство наскочыть и розжоне, тоди й ро- зийдемось.

Лукія.

Эге, вамъ ничего не буде, а мене посадять у холодну.

Домка.

Не бійтесь, титко, якъ посадять, то мы вамъ носытымемь и обидаты, и снн- даты, и вечеряты...

Хотына.

Я вамъ и прижжкы, и вертуты, и огиркывъ солоныхъ... Вамъ тамъ добре буде!

Хвылымонь (*до Хотыны*).

А я хочу тоби сказаты щось дуже цикаве.

Марына (*шепча Домци*).

Це винь про те, що я казала.

Домка (*до Хвылымона*).

Лыбонь, Хотына тоби скаже щось цикавище.

Хвылымонь.

Хиба?

Домка.

Прызнавайся, Хотыно.

Хотына.

Ни, не хочу.

Хвильмонь.

Що такє?

Хотына.

Та то я промовылась, а теперь...

Домка.

Чы теперь, чы въ четверь, а признаватись треба.

Вустя.

Признавайся вже, адже не бытyme!

Дивчата (*цикаво*).

Хто бытyme?

Хвильмонь.

Що вчынылось, кажы швыдче?

Хотына.

Не можу... (*До Домкы*). Почны ты, сестрычко, або ты Вусте. Бо мени духъ зупыня!..

Домка.

Казать сразу?

Хотына (*зитха*).

Кажы.

Вустя.

Хай я скажу.

Домка.

Ни, я, я...

Хвильмонь.

Та кажить вже, котра небудь,—не нудьте!..

Домка.

Що жь, тутъ довго нема чого й розказуваты. Хотына выходе замижъ за чужостороннего!..

Хвильмонь (*жалыво*).

Якъ?!

Домка.

Батькы умовылись на якимсь ярмарку; а вчора вже й парубокъ приздывъ—красывый и багатый!..

Вустя.

И приятный на розмову!..

Хвильмонь (*боляче*).

Онъ що?!

Хотына.

Неначе й досы бачу его передъ своимы очыма.

Хвильмонь.

И тоби не повылазыло? Такъ онъ яке дило, ловко!..

Хотына.

Хиба я вынна?

Хвильмонь.

Чуете, вона невынна? А хто жь вынешь?

Вустя.

Той, хто красивый та багатый!..

Хотына (*падае Хвильмонови въ ноги*).

Не гнывайся, не гнывайся!..

Хвильмонь (*зирко*).

Хотыно, Хотыно!..

Хотына.

О, Боже мій, Боже мій!.. Та чымъ же я вынна, що мени такє нещасте вышлось?..

Хвильмонь.

Шо? (*Зареготавъ и пидійма Хотыну, котра почына реготать*). Ну

и не идолка жъ ты? Ну, дывитця, люде добри, на неи!..

Домка (*регоче*).

Чы не хытра жъ? Бачъ, ій прыслылось, а вона... Ну й не дурысвитка жъ ты?

Вустя.

То це тоби у сні?.. То ты онъ яка?!..

Хотына.

А хіба я колы була инчою? (*Регоче*).

Хвлымонъ.

Оттакого дурня зъ мене встроила. (*Хана іи уноперекъ*). Взять тебе оттакъ, перекнуты черезъ колыно... Шкода, що нема тутъ мантачкы, або копысткы... Отъ капостна!..

Хотына.

Ты жъ казавъ, на тимъ тыжневи, що зроду-вику я вже тебе бильшь не обдурю?

Хвлымонъ.

Та казавъ же. Тю и забувъ!

Хотына.

Казавъ, що купышь пивъ хвунта канхветивъ, якъ обдурю. Давай мерщій гроши, я вже сама побижу за канхветамы.

Хвлымонъ.

На, на цылый хвунтъ, ажъ четвертака,—за те, що такъ ловко обдурыла. (*Дас гроши, регочучы*).

Хотына (*бере гроши*).

Домко! А не казала я тоби сегодня бия крыныцы, що істымешъ канхветы?..

Домка.

Та казала жъ, а мени и не втямки.

Вустя (*тымъ часомъ одяглась*).

Прощавайте, сестрычкы!

Вси.

Куды це ты?

Вустя.

Маты звелилы не барытысь, я тилькы на хвылыну выпрохалась...

Хотына.

Зоставайся, Вустя, я дамъ тоби канхветивъ.

Вустя (*зъ гнивома*).

Іжъ сама!

Хотына.

А ты хотила, щобъ я тоби Хвлымона виддала?

Вустя.

Хай вамъ чортъ обомъ! (*Хутко пишла*).

Хотына.

Дивчата, гайда у лавочку, купымо канхветивъ. (*Хотына, Марына и Приська побиглы*).

Лукія.

Ну й гостра жъ у мене небога на выгадкы!

Хвлымонъ.

Прямо пошыла мене у дурни! Зариклась же, що вже бильшь не буде дурыты и znovu!..

Лукія.

Чымъ же вона тебе въ останне пиддурыла?

Хвлымонъ.

Та выбигавъ черезъ неи увесь лисъ и лугъ, такъ чуба нагривъ, неначе трое день безъ спочывку косывъ. Бачте, иду я поузь іи хату, поздоровкався, а вона якъ сплесне долонамы: „де це ты, каже,

вештається? Тутъ батько твій здорово бидкався, що зорнула сыва лошыця и побигла у панський лугъ. „Побигъ бы, каже, самъ, такъ не сыла моя ии перейняты; а Хвылымона десь чорты вхопылы“. Якъ пужну я въ лугъ: сюды, туды-нема!.. Оббигавшы увесь лись, вертаюсь, бачу, вона зновъ стоить биля хаты. Не бачыла? пытаю. „Кого?“ каже. Лошыцы? — „Якои лошыцы?“ Нашои жъ, кажу. А вона якъ зарегоче. „А що, каже, перехрестывъ лись вздовжъ и впоперекъ? За те ничого лыхого не прысытця“. Оттака смиховодныця!..

Лукія (*сміється*).

Правда, шо зиллечко! Весела у тебе буде жинка!

Хвылымонъ.

Эъ такую не зажурься!

Я в а 5-а.

Ти жъ и Марына.

Марына.

Парубкы йдуть и музыкъ ведуть.

Лукія.

Вже йдуть? Ой, не минути сегодня мени лыха!..

Хвылымонъ.

Та що жъ, якъ намъ у хати не можна погуляты, то де жъ можна: по ровахъ, чы по кручахъ?..

Лукія.

А що жъ вдіешъ колы „не полыгаецця?“

Я в а 6-а.

Хотына и ще дивчата.

Хотына.

Нате й вамъ, сестрычкы, канхветивъ! Нате и вамъ, титко! У васъ зубивъ нема,

то вы смокчить. (*Роздає*). На и тоби, Хвылымоне.

Хвылымонъ.

Я солодкого не люблю.

Хотына.

А я кажу: на!.. (*Тыче ему*).

Хвылымонъ.

Не хочу.

Хотына.

Не хочешъ? Отъ, люде добри, яка у мене женышына! Бачыте, якъ винъ мене шануе? Колы такъ, гуляйте, дивчатка, безъ мене, а я пиду до дому, якъ и Вустя. Прощавайте!

Хвылымонъ.

И я пиду за тобою.

Хотына.

Ты пидешъ въ ливоручъ, а я въ праворучъ.

Хвылымонъ.

Ну, вже давай канхвета.

Хотына.

Оттакъ бы й давнищъ. (*Дає ему порожній папирецъ*). На, мій соколку, годуйся!

Хвылымонъ (*розверта*).

Де жъ канхветъ?

Хотына.

Канхветъ я зъіла, а тоби папирецъ!

Хвылымонъ.

Такъ я жъ одному у тебе.

(*Ганлетця за нею, потимъ уніймає*).

Хотына.

Ой, задупышь!.. Титко, печить мерщій пырижки та готуйте колыво, бо винъ мони вика вкоратае. Стрывай, стрывай, на вже тоби. Геть подряпавъ руки. Я жъ тоби видячу за це!..

Я в а 7 - а.

Ти жъ, Мусій, Иванька, Антонъ и други парубкы.

Мусій.

Добрывечиръ, зъ Калытою будьте здорови!..

Антонъ и парубкы.

Добрывечиръ! Здоровъ, Хвыльмоне! Чудасиі розказуе, братъ ты мій, Мусій! Послухаешъ его, братъ ты мій, такъ ажъ волоссе стае до горы, братъ ты мій!

Хвыльмонь.

Та винъ на брехни, такъ прямо у перву гыльдю.

Дивчата (до Мусія).

Роскажить и намъ яку страховыну.

Мусій.

Про що жъ вамъ розказать? У мене казокъ повна кошени.

Антонъ.

Про скорохода. Отъ, братъ ты мій, штука!

Мусій.

Да, скороходъ, дакъ вошь можетъ усяки прахтыкы провзойты. Булы мы, выдыте, у однимъ городи.

Хвыльмонь.

А якъ той городъ зветця?

Мусій.

Городъ турецькый, такъ ему и имня турецьке: городъ Кандыбалъ.

Хвыльмонь.

У насъ тилькы вивцю-шпанку, купають у кандыбали, якъ короста нападе; а у туркивь це городъ.

Антонъ.

Сторія, братъ ты мій!..

Мусій.

Ще е чудници города. Свить великый!.. Симдесять царствъ-государствъ, симдесять симъ виръ и симдесять симъ языкивь; а черезъ те и симдесять симъ лыхорядокъ. Такъ воно и у плантахъ показано. Було це, якъ разъ на Петра, якъ ще я бувъ у погоньняхъ, на Дунаи. Лежымò мы, коло обозу и такъ, що вже, сказать, зовсимъ стемнило и тилькы ричка Дунай шумыть...

Хвыльмонь.

Шумыть?

Мусій.

Невмовкно шумыть, день и ничъ шумыть!.. Тилькы на першый день Велькодня та на Риздво затыха, докы люде розговіютця.

Антонъ.

Штука, братъ ты мій!

Мусій.

Потому недзя и ричка мусыть маты видпочывокъ.

Хвыльмонь.

Такъ бы-то встроено?

Мусій.

Верно. Такъ ото лежымò мы и дывымось, що воно за рыхметыка?—Всю

гору вогнемъ освитило, нибы пожежою. Прислухался, ажъ и музыка гра. Я заразъ якъ схоплюсь, а за мною ще декотри и побігли мы на те вогнище. Прибигаемо, а вже народу тамъ выдымо-невыдымо!.. Пляць такій великый, стовбчыкы навкругы повбывани и двичи обкынуто канатомъ, щобъ ни-що не пройшло и не пролизло въ середину. А по середини гра музыка и начальныкы сидять. Ажъ це бижить, такъ бижить, такъ бижить!.. Бижить та все по жыжкахъ себе нагаемъ хлѣска... Сказать, винъ чалавѣкъ, якъ и прочи други, ну тилькы въ его лытокъ нема.

Дивчата.

Нема?

Хвылымонъ.

Невже безъ лытокъ?

Антонъ.

Сторія, братъ ты мій!

Мусій.

Лытки ему повыривано ще змалку, щобъ швидчѣ бигавъ и безъ втомы... Тилькы що винъ била насъ пробигъ, ажъ це щось якъ загуде, якъ затрицять, якъ зашкварчыть, а дали якъ палахне, такъ вогненнымы искрамы и засыпало весь народъ. Я зыркъ въ гору, ажъ летыть якась велика жарына, прямо мени въ вичи; я навтекы, а вона за мною, пуць и впала передъ самисенькымъ носомъ... Я оторопивъ, зупынився и ничего не збагну. Трохы згодомъ очумався, роздывився, ажъ лежить цурупалокъ, нибы качалка. Взявъ я его, понюхавъ—смердыть... Хотивъ ще разъ понюхаты, ажъ воно якъ прысоне вогнемъ та прямо мени въ пыку!.. Я, бабахъ его объ землю та драла, а воно за мною, неначе гадюка, та все трись, трись, трись!.. Та такъ ажъ до самисенького обозу

гналось за мною. Вже другого дня, одыня унтырхыцеръ, якъ росказавъ я ему про це, такъ винъ тоди догадався, що то була вогненна кышка!..

Антонъ.

Чудасія, братъ ты мій! Чы васъ тамъ и на скрипци навчено, чы де инче?

Мусій.

Нигде прочее, якъ тамъ. Бо тамъ доходятъ до всякихъ навукивъ и до всякихъ практикивъ. Колысь-то, передъ свитомъ, у тимъ же такы городи...

Хвылымонъ.

У якимъ?

Мусій.

Та я жъ казавъ вамъ, той, якъ бо его? Стрывай!.. Стильки городивъ бачывъ, що й забувъ якъ его на имня? Конотопъ.

Хвылымонъ.

Бувъ Кандыбаль, а теперъ вже Конотопъ?

Мусій.

Ты мене вывирять хочешъ, чи що? По турецькому Кандыбаль, а по нашому Конотопъ. Такъ передъ свитомъ, іхавъ я черезъ греблю, возывъ на той бикъ провьянтъ... Вертаюся до гамазю та доізжаючы до гребли и вставъ соби зъ воза, щобъ бува волю не сполохалысь та не наробылы шкоды. Ну, ото иду я попередъ воливъ и думаю: якъ бы то мени навчытысь такъ граты на скрипци, щобъ що тилькы надумавъ те й загравъ? И вчулося тутъ мени, що нибы поручъ зо мною идуць музыкы и такъ ловко грають. Одна скрипка, нибы прямо вымовля: „Будемъ істы, будемъ пыты, будемъ істы, будемъ пыты!“ А друга непаче дражне и: „Побачымо якъ тамъ буде, побачымо

якъ тамъ буде!“ А бась, то той вже уперекъ имъ обомъ: „И я жъ кажу, що такъ такы, и я жъ кажу, що такъ такы!“... А що каларнетъ та хлейта, то не мовъ дивчата голосать... Иду, иду я, а дали й спиткнувся и трохы-трохы не впавъ. Озырнувся, ажъ проты мене купына!.. Що воно таке? Глянувъ назадъ: ни воливъ, ни воза и самъ я по колина въ болоти. Ажъ це зъ купыны чорненый котыкъ пльгъ, перекинувся проты мене черезъ голову и бачу, що то вже людына. „Здоровъ, каже, чоловиче, я давно вже тебе чекаю! Хочешъ навчытыся на скрюпци граты?“ А мени неначе хто пакола забывъ у рота: хочу промовыть и не поворухну языка, и тильки чую, що шкура у мене на голови отерпла. „Не пужайся, каже, бо якъ ты проты нашого брата знаешъ такого слова, то будьмо прыателямы“.

Антонъ.

Слова? Сторія, братъ ты мій!

Мусій.

Тоди тильки я згадавъ, що тошно мене навчывъ одинъ бургаръ такого слова и заразы ставъ я смилывищымъ, куды и перелякъ подився. Почоломкався зъ нимъ, ще й за хвостыка подержавъ. Воны дуже люблять, щобъ ихъ за хвостыка подержать. А дали й кажу: навчы, братухо, гратъ на скрюпци, потому тошно жалаю, онъ якъ жалаю прахтыкивъ усякихъ на етомъ штрументы. „Можно“, каже. „Ходимъ же пидъ оцей опустъ, тамъ у насъ е всяки штрументы. А що жъ ты дасы мени за навукъ?“—А що жъ? пытаю. „Душу твою, каже, взять не можна, бо вона казенна“. Розуміете, що погонецъ все ривно що салдаты?.. „А отъ що, каже. Якъ ты оженился и дасть тоби Богъ дыте“... Ось черезъ що, братця, я й досы не жонатый и увесь свій викъ, значыть, спарубкувавъ... Пишлы мы пидъ опустъ. Идемо,

а попереду насъ зъ кожнои купыны, чортенята: пльгъ, пльгъ!.. Одинъ пидбигъ до мене: „дайте, каже, дяденька, табачкы понюхаты!“ А чемерыци, кажу, не хочешъ? А вже звисно, що тильки напхай чортови чемерыци въ низдри—заразы его чемеръ нападе и здохне. Винъ зновъ до мене пльгъ: „Та дайте-бо, каже, дяденька, табачкы!“ Такой уідлывый! Я его за вухо хапъ! Винъ якъ закрычыть: „Ой, видпустить, дяденька, душу на согришеные!“ Бачте, мы, прымеромъ, хрыстыяно, кажемо: видпусты душу на покаяные, а нечыста сыла каже: на согришеные! Ну, я его й пустывъ. Прыходымъ мы пидъ опустъ, ажъ тамъ штрументу така сыла, що куды не глянь одинъ штрументъ... Кимната така велыка, скрызъ на викнахъ вышывани рушныкы, а на полицяхъ срибни та золоти тарилкы та мыскы. Заразы давъ мени скрыпку у руки и шмычокъ. „Грай“, каже. Самъ голосомъ почавъ выводыть, а я за нимъ шмычкомъ. Ажъ пить зъ мене юшыть, а винъ одно крычыть: „грай!“ Гравъ я, гравъ, дуже довго гравъ, ажъ це чую: „кукуруку!“ Тутъ въ ментъ все, не мовъ кризы землю провалылось. Оглянувся я сюды—туды, дывлюсь, противъ мене: брама, воны вѣямъ вперлыся у браму и я сыдю на вози... Очумався, схопывся, видченывъ браму, розпригъ воливъ, ажъ вже й на день поблагословылося. Якъ тильки розвыднылось, пишовъ я на базаръ. Иду и бачу, на зустрічъ мени иде цыганъ: „а я тебе, каже, давно выглядаю!.. Бачу по очахъ, що скрыпку хочешъ купыты, то ось тоби и скрыпка... Давай пивтора карбованця и полу чай“... Думаєте, хто то бувъ?

Де хто.

Та хто жъ?

Мусій.

Та *винъ* же, я его зразу впизнавъ... Купывъ я ту скрыпку та мерщій назадъ

и заразъ, якъ прийшовъ, вона мѣни зразу и голосъ подала. Онъ воно якъ бува. Теперъ покуримъ. (*Робе цыгарку*).

Домка (*пыта*).

Кинець?

Мусій.

Кинець и Богу слава. Ну можна ще скільки завгодно.

Хотына.

Стійте! Теперъ я розкажу.

Мусій.

Гавары, я охочый слухаты. Ванюшка, покуримъ, подай цыгарошныкъ.

Хотына (*до себе*).

Ну-ну, мовчы ты тамъ!

Марына.

Що тамъ у тебе?

Хотына.

Не покажу.

Хвылымонъ.

Це вже щось нове выгадала.

Антонъ.

Штукарка, братъ ты мій!

Хотына (*зновъ до себе*).

Отъ же хочъ разъ ще поворохнысь—задавлю!..

Домка.

Ей-Богу, у неѣ щось тамъ е, бо ѣ ворушытця.

Марына.

Покажи-бо, що тамъ таке?

Хотына (*знову бѣ*).

Отъ же выйму, та такъ объ долівку и джвякну!

Антонъ.

Хотына хочъ и брехню яку выгада, ну такъ же вона ловко, братъ ты мій, розкаже ѣи, що ажъ слухаты хороше.

Домка.

Розкажуй-бо, Хотыно, хочъ швыдчъ!

Марына.

Нехай покаже, що тамъ у неѣ.

Хотына (*до себе*).

Ага, замовкла? Слухайте жъ, та не полохайтесь. Якось торикъ прийшовъ до насъ пидъ викно старецъ, такый же старый, що ажъ неначе мохомъ обрнѣсь и ледве-ледве дыба. И ставъ винъ прохаты мылостыни...

Домка.

Ага-га! И до насъ винъ приходывъ?..

Хотына.

Отъ бачыте, що я ѣ не думаю васъ пиддурюваты? Вынесла я ему окраецъ хлеба, дрибокъ соли и дви цыбульны. Це було якъ разъ у Петривку.

Домка.

Такъ, такъ, правда, то у Петривку.

Хотына.

А що, Хвылымоне, выгадую я? Отъ взявъ винъ мылостыню та ѣ каже: „За те, що въ тебе така щыра душа, я тоби ось якъ подякую. Е, каже, тутъ у вашій ричци, пидъ однію кручою, у води печеря, у котрій сыдыть вже симдесять симъ литъ зачарована дивчына...

Мусій.

Ето верно, що якъ зачаровують, такъ на симдесять симъ литъ не инакше, я и въ Турциѣ про ето слихавъ. Какъ 77

знахарствъ, такъ тошно 77 царствъ-государствъ, 77 вирь, 77 языкивъ и 77 ляхорадокъ...

Хвѣлымонъ.

Не мишай-бо, Мусію!..

Мусій (до Хотыны).

Продольжай, красная дивыця!

Хотына.

Ту дивыцю одынь знахарь оберпувъ у гадюку. Пиды ты, каже, у першу середу, пидля Петривкы, до ричкы по рыбу; тилькы йды до третихъ пивнивъ; якъ пивни зашютъ, щобъ ты вже була на мисьцеви. А щобъ тоби не страшно було одній, то пиды зъ матирью. Попадетця, каже, вамъ у тканыцю гадюка, ты заразъ перехресты іи трычи и надинь на неи оцю мотузочку. И заразъ вынявъ зъ торбы мотузочку и давъ мени. Тоди, каже, гадюка заговорытъ до тебе людськимъ голосомъ: „ой, змерзла я, змерзла, погрій мене дивчыно!“ (Бъе себе). Зновъ ворущыся? Мовчы, а то у пичъ укыну!..

Домка.

Невже вона у тебе за пазухою?

Марына.

Ой, я боюсь!

Хотына.

Беры, каже, іи у пазуху и несы до дому. Якъ зогрѣешъ іи, тоди вона служытме тоби вирую и правдою; захочешъ що збыты, чы спыты—все въ ментъ зъявытця!.. Захочешъ кого обдуриты... Зновъ забунтовала?.. (Выйма зъ пазухы гадюку). Иды жъ ты къ бису, колы такъ!.. (Вси зъ страхомъ одскакують).

Антонъ (пидійшовъ и взявъ гадюку).

Эге-ге. Вона, братци, деревьяна!.. (Регитъ).

Домка.

Ну, давайте вже выиматы коржа та чипляты до стели, почнемо Калыту кусать. Титко, вы вашу собаку сегодня не годувалы?

Лукія.

Ще не годувала.

Домка.

А то якъ годованный, то не захоче й балабушокъ хапать. А хто жъ буде за дида?

Дивчата.

Нехай буде Антинь.

Други.

Нехай Хвѣлымонъ.

Хотына.

Хвѣлымонъ, Хвѣлымонъ! Винъ уміе до ладу прымовляты.

Вси.

Нехай и Хвѣлымонъ.

Хвѣлымонъ.

Якъ я, то й я. Ось заразъ прычепурюсь. (Иде межъ кочеры и тамъ робе соби бороду зъ клочья и вуса, потимъ розбовтуе у черетку сажу и робе вихотъ).

Лукія.

И боляче мени, черезъ те, що „не полыгаецця“ и зновъ кортытъ подывытсь, якъ вы кусатымете Калыту?

Хвѣлымонъ.

Слушайте жъ умову. Кто вкусе коржа и не засміетця—тому мынетця; хто засміетця—давай пятака, на дохидъ музыкамъ.

Мусій.

За ето благодарымъ.

Хвильмонъ (*сиди край столу. Дивчата намазують коржа медомъ и чепляють до стели на пояси. У коржи по середини дирка*).

Ну, хто почина? (*Дивчата росливають косы*).

Вси.

Хто, хто першій? Ты! Ни, ты!.. Я не хочу!.. А я боюсь!.. Я й такъ регочу вже!..

Антонъ.

Ну, я першій поїду. Спмъ бидь—одынъ отвить. (*Сиди на кочергу верхы и иде до коржа*). Диду, диду, я до тебе въ гости їду.

Хвильмонъ.

По якимъ диламъ?

Антонъ.

Заразь обявимо вамъ.
Хочу Калыту кусать.

Хвильмонъ.

А я буду по пыци пысать.

Антонъ.

Якъ засміюсь—пысай!

Хвильмонъ.

А ну-ну кусай!

Лукія.

Обыдва мытци до ладу промовлять.
(*Антонъ укусывъ коржа и иде назадъ*).

Дивчата.

Эге-ге! Хвильмонъ не схотивъ розсмишты Антона.

Хвильмонъ.

Иды ты его розсмишы.

Антонъ.

Мене, братъ ты мій, зъ роду-вину ништо не розсмишыть.

Приська.

Давайте, я поїду. (*Сила на кочергу*). Диду, диду, я до тебе Калыты кусать їду!

Хвильмонъ.

Гляды жъ не наробы слиду. (*Дивчата хихикають*).

Приська.

Та нуте-бо, не смійтесь.

Хвильмонъ.

Ну, ну кусай!
Або пятака прыпасай.

Приська.

Ой, ей Богу, не можу!

Хвильмонъ.

Кусай, кажу тобі.

Приська.

Ой, нажыла биду соби! (*Вкусыла и зареготала*).

Хвильмонъ (*маже їи вихтемъ по щокахъ*).

Ось тобі и сюды и туды!.. (*Регить*).

Хыма.

Я пе засміюсь. (*Сиди и иде*).
Диду, диду, я до тебе їду
Калыты кусать.

Хвильмонъ.

А я тебе буду
Вихтемъ цымъ пысать.

Хыма.

Якъ засміюсь
Тоди й провинусь.

ХВЫЛМОНЬ.

А що въ тебе пидь носомъ?

Хыма.

Губа.

ХВЫЛМОНЬ.

А на губи що?

Хыма.

Нема ничого.

ХВЫЛМОНЬ.

А я бачу.

Хыма.

Що?

ХВЫЛМОНЬ.

Задачу.

Антонь.

Ловко, братъ ты мій, Хвылымонь пры-
мовля!

Хыма.

Яку задачу?

ХВЫЛМОНЬ.

Сыръ та муку и грудочку масла,
Що ще видь пущеня Антонови пры-
пасла.

Хыма (*засоромылась*).

Тьфу! Хай тоби абы-що!

ХВЫЛМОНЬ.

Кусай, кусай,
Або жъ два пятакы прыпасай.

Хыма (*злазе съ кочергы*).

Не хочу. Краще видамъ два пята-
кы. Антоне, позычь мени?

Антонь.

Можна. (*Дас гроши*).

МАРЫНА.

Я, я, я поїду! (*Сиди*). Братнику,
ты жъ мене не дуже мажъ, якъ про-
вынюсь.

ХВЫЛМОНЬ.

Ну-ну, павая!

МАРЫНА.

Диду, диду, а вгадай куды я їду?

ХВЫЛМОНЬ.

Може покосомъ, въ помыйницю но-
сомъ? (*Регитъ*).

МАРЫНА (*до дивчатъ*).

Та ну-бо, не смишыть.

ХВЫЛМОНЬ.

А ты не спишы,
Їдь пидтюпцемъ, тыхо,
Щобъ не вчынылось лыхо.

МАРЫНА.

Ой, кортыть же мене вкуснuty.

ХВЫЛМОНЬ.

А мене кортыть пыснuty.

МАРЫНА (*хуса*).

Жылавый, не одкусю. (*Регоче*).

ХВЫЛМОНЬ.

За це патреть тоби спышу. (*Маже*).
Оце за Мыколу,
Це за его ридь,
А це за ввесь плидь.

МАРЫНА.

Ой-ой! Увесь выдъ замазавъ. Ой,
дайте воды, хочь очи промыты! (*Умы-
ваетця*).

Мусій.

А дайте и я проскакаю, на тимъ ска-
кунови и я жъ парубокъ.

ХВЫЛМОНЪ.

Пожалуйте, господинъ-сковородынъ.

Мусій (*сидъ на кочергу*).

Дѣдушка, дѣдушка,
Я до тебе іду кусать хлѣбушка.

ХВЫЛМОНЪ.

Не дуже басуй
Та коня не попусуй.

Мусій (*до всихъ*).

И въ мене до ладу виходыть и въ
него до прыкладу.

Диду, диду,
Я кусаты Калыты хочу.

ХВЫЛМОНЪ.

Стривай лышь, вихоть умочу.

Мусій.

А солодка Калыта?

ХВЫЛМОНЪ.

Хай куштуе, хто пыта.

Мусій.

Ой, укушу.

ХВЫЛМОНЪ.

Ой, напишу!

Мусій (*зареготавъ*).

Ну, куснувь!

ХВЫЛМОНЪ.

А я пыснувь. (*Маже его*). Хто дали?

Дивчата.

Нехай хто другый за дида, Хвыл-
монъ здорово смишыть.

Хотына.

Теперь я. (*Сидя*).

Диду, диду, я іду!

ХВЫЛМОНЪ.

Куды?

Хотына.

До твоеи бороды. (*Кыдаеця до
него, зрыва бороду и втика*).

ХВЫЛМОНЪ.

Виддай-бо бороду, виддай! (*Женет-
ця за нею, вона хутко втика зъ
хаты, винз слидомъ*).

Антонъ.

Мабуть по калыти. (*Знима коржа*).
Дило доходить до балабушокъ.

Дивчата.

Дай и мени покоштувать коржа!.. И
мени!.. (*Ламають коржъ и ідять*).

Антонъ.

Выймайте вже балабушки, намичайте,
братъ ты мій, кожна соби по одній та
й вкльчемо сюды собаку. А други дивчата,
ставте на стиль, що тамъ е істывного; а
осьдечкы пытво. (*Выйма пляшку и
други пляшки бере у парубкивъ и
ставляе на стилъ*). Ну жъ, жвавищъ,
бо ничъ, братъ ты мій, не жде. (*Див-
чата пораяютця и ставляють на
стилъ страву*).

Мусій (*до Лукіи*).

Може почынать гратъ, чы якъ вы
скажете, паниматко?

Домка.

Заграйте польку-станъ.

Дивчата.

Польку-станъ, польку-станъ!

Лукія.

И кортыть мене подывытысь на того
моднего таньця и боязко, що... „не по-
лыгаеця“.

Мусій.

Та вже, титко, мовляв, чы разъ
батька въ лобъ, чы двичи—однаково.

Я в а 8-а.

Ти жъ и Хвылымонъ.

Хвылымонъ.

А де жъ Калыта?

Домка.

Поминай якъ звали. покоштуешъ хйба
вже на той рикъ.

Лукія.

А Хотына куды подилася?

Хвылымонъ.

Не знаете хйба ии натуры? Майнула
до дому, я погнався за нею та не до-
гнавъ; а вона ускочыла у двирь та за-
разъ давай цькувать собакамы... Трохы-
трохы кляти жупана не порвали.—Потимъ
зареготала и побигла въ хату. Я ждавъ-
ждавъ ии та зъ тымъ и назадъ пи-
шовъ. У ныхъ, лыбонъ, беседа, бо сви-
тытця и чутно гоминъ. Може й не прыйде
вже, zostалася матери допомогаты, бйла
гостей поратысь?

Мусій.

Що жъ, налагодылысь до танцввъ?
Я не люблю гратъ на витерь. Иванька!
Ты жъ гляды выбывай не хапаючысь, а
щобъ у темпу потраплявъ и щобъ ноту
не хвалшыву—розуміешъ? На, докуры
мою папыросу. Привчайсь курыть, потому
для музыкы перве дило папыроса и во-
дочка. Старайся, парень. Якъ дастъ Богъ,
поклычуть насъ колысь въ городъ, до якого
яднырала лыбо копытана гратъ свальбу,
дакъ тамъ я тебе навчу и пиво пыть,
значыть, щобъ якъ городськи музыканты, по
хворми... Пидберай темпу по нози и не

заикайся; де слидуе—пусты два пальци
черезъ увесь бубонъ, а де не слидуе—
тамъ гуды на одынъ, лыбо выбывай на
пидошву, якъ я тебе вчывъ. Автоне, пид-
несы каныхволи. (*Антонъ почастувавъ
музыкъ, потимъ хазайку, музыка
почына гратъ польку, дивчата и
парубкы танцюють.*)

Голосъ (*за вкномъ*).

А що це за положеные? Хйба гулять
полыгаецця?

Лукія.

Хи, лыхо! Гасить, гасить мерщій
свитло! (*Гасять свитло*).

Голосъ.

Геть розиходьтесь по хатахъ. Лукіе,
а выйды лышь сюды!

Лукія.

Казала вамъ, що „не полыгаецця“.
Отъ и встереглыся?

Голосъ.

Лукіе, выходи мерщій!

Лукія.

Кажить, що мене нема.

Мусій.

Чого доброго ще побье скрипку. Ивань-
ка, гайда въ сины та тамъ покы пры-
стоймо и може якъ небудь выкрадемось.
(*Пшлы*).

Голосъ.

Лукіе!

Хвылымонъ (*переминывъ голосъ*).

Ии нема!

Голосъ.

А хто жъ-то озываецця?

Хвильмонь.

И мене нема.

Голосъ.

Лукіе! Я тобі заразъ велю вийти сюды. Тобі у волосты сказано, що „не полыгаєтця“.

Лукія.

Чы йты, чы не йты?

Голосъ (*вже вє синяхъ*).

Колы такъ, то я тебе за косы потягну!

Лукія.

Чомъ вы сипешныхъ дверей не замкнулы?

Голосъ (*вже вє хати*).

Свиты мерщій свитло! А, не хочешъ? Це непослуханье!.. (*Свитыть недогарокъ. Вси дывуютця зпершу, а дали разомъ*). Це Хотына!

Хотына (*у чоловічимъ кожуси. Вє шапци и зє дубыною*).

А то жь якый бисъ?

Дивчата.

Чы не шаленна? (*Регочуть*).

Хвильмонь.

Дывитця, всихъ пиддурыла!

Антонь.

Сторія, братъ ты мій!

Мусій (*входе*).

Настояща рыхметыка!

Хотына (*скынула кожуха и шапку*).

Гуляймо безпешно, бо у насъ у бесєди и старшына и староста; а я, щобъ ще безпечнищъ було, побигла за соцькымъ та за десятныкамы и ихъ покыкала у бесєду до насъ, нибы бь-то батько звєлилы кыкаты; батько жь наши Андрій, вони почалы вже зь вечора святкуваты Андрія... Теперь наше село цилкомъ безъ началства и намъ гуляты до самисенького свита *полыгаєтця*. Зпершу потанцюемо, а потимъ балабушкы виймемо зь печи. Хвильмоне, гайда зо мною у танецъ. Заграйте жь музыкы такои, щобъ я ажъ умлила видъ танцивъ!... (*Почынають танцюваты*).

З а в и с а.

РАЗОМЪ.

СУПРОТЪВНИ
ТЕЧІИ.

Комедія въ 3 д. и 4 одминахъ.

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ,
28 Марта 1901 г. за № 2646.

ЛЫЦЕДІІ:

Андрій Хылько, селянынъ.

Надежда, его дочка.

Тымишъ Дударь, селянынъ.

Логвынъ, его пасынокъ.

Хведиръ Жовтякъ, селянынъ.

Демьдъ, его сынъ.

Васылына, дочка.

Прохоръ Квокчій, селянынъ, соцькый.

Солоха, его жинка.

Мыкхворъ (Мыкышка) Нонырка, зъ двирскихъ.

Текля, его жинка, зъ двирскихъ.

Ольга, панна.

Мыкола, лакей.

Хвенька, дочка Понырки.

Гаврыло, селянынъ.

Пысарь.

Квасолыха, стара баба.

Диты-школяри, народъ, дивчата и диты.

Дія 1-а.

Хата передилена на двое—на меньчу и більшу; у більшій: пичъ, стилъ, лавы, скрыня, пилъ, жертка зъ одежою и всяке хатне збижже; у меньчій: виконце, стилъ, навкругы стола стильци и табуреты, на стини дешева лампа.

Я в а 1-а.

Гаврыло и Андрій у більшій хати сидять бияя столу; Надежда, Догвынъ и диты-школяры у меньчій навкругы столу, у ныхъ книжки, зшиткы и всяка прымуся.

Надежда (*держачы въ руци зшитокъ, каже до хлопця*).

Отъ сегодня напысавъ краще, ніжъ учора; але зновъ хапався и попропускавъ де-яки буквы. За мисць: „чобить“ напысавъ: „чбить“; за мисць: „курка—кука“!.. (*Диты сміютця*). Пышы жъ сегодня ще оци дви стричкы, та пышы зъ повагомъ, то й буквъ не пропускають. (*Хлопець сивъ*).

Гаврыло.

Чого жъ ты мовчышь? Чуешъ, Андрію, вирышь ты, що я тобі добра бажаю?

Андрій.

Та чомъ же й не вириты? Я жъ тобі николи ничого лыхого не вчынавъ, за вищо бъ ты мени лыха мыслывъ?

Надежда (*до дивчинкы*).

Зновъ кляксу зробыла? Яка жъ ты вечепурна, Оксанко!

Гаврыло.

Нема за вищо, це правда.

Андрій.

Николи мы не сварылыся зъ тобою и ни якои тяганыны промежъ насъ не було.

Гаврыло.

Такъ отъ я й кажу тобі прямо, що оти книжки та бумажки, надъ котрымы сидыть твоя дочка—дурныця. На вищо й ота морока зъ чужымы дитымы? Нехай краще мерщій иде замижъ та й воловзытыметця зъ своимы, колы така впадыва до чытання.

Андрій.

Та це вже іи дило...

Гаврыло.

Мы жъ зъ тобою не грамотни, та прожылы, слава Господеви, вить?..

Андрій.

Звисно, прожылы... Але, лыбонь, було бъ краще, колы бъ грамоту тямылы?..

Гаврыло.

Ни, не краще!.. Яке пуття зъ грамоты?

Андрій.

Та якесь тамъ е... Бувъ бы я добре грамотнымъ, я бъ тобі выслывъ те пуття...

Гаврыло.

И не высловывъ бы, бо то дурныця, баловство! Ни до чого вона намъ та грамота.

Андрій.

Ни, не кажы такъ, не кажы...

Гаврыло (*загляда у викно*).

Що воно йде мимо?

Надежда (*до хлопця*).

На вищо ты такъ грудьми прытуляеся до столу? Сядь трохы виддала.

Гаврыло.

Щось чуже, чужосторонне... (*Помовчавъ*). Такъ я оце до тебе й прийшовъ... А спытай, чого?

Андрій.

Кажы, то й знатыму. (*Надежда з повагомъ дыктуе Логвинови изъ повисти Гоголя: „Тарасъ Бульба“*).

Гаврыло.

Чы знаешъ ты Хведорового Демыда?

Андрій.

Ну?

Гаврыло.

Вже двичи Хведиръ посылавъ его до людей за рушныками,—такъ що жъ? Винъ нибы й послуха батька и вже дійде зъ старостами до хаты молодои; але жъ якъ тилькы старосты въ хату, винъ заразъ на втеки!.. Вже двичи мавъ Хведиръ и тяганыну зъ людьмы за безчестя!.. Положымъ, що не я тамъ старостувавъ, ни, не я, а Матвій Кушниръ, та Есыпъ Бабенко. У мене не втикъ бы.

Андрій.

Невже?

Гаврыло.

Ни, не втикъ бы! Бо треба умиты, якъ зъ кожною людною поводитыся, якъ до него забалакаты и зъ якого краю...

Андрій.

Та ты на словахъ видомый мытець, старостуешъ, вже, лыбонь, годивъ зъ тридцятьокъ, такъ добре прымадыкувався заговорюваты зубы.

Гаврыло.

Бо це, наука та ще й не лехка! Эге жъ. Такъ ото, на тымъ тыждневи, Хведиръ почавъ зновъ вговорюваты Демыда, щобъ такы оженився. Я, каже, вже старый, такъ якъ неначе и вдивець, бо жинка,—маты вапа—вже два года лежить недвижима; а васъ у мене четверо... Васылыну, це бь то старшу дочку, не сегодня—завтра, каже, виддамо замижъ,—хто насъ обмые, хто обшые, хто істы наваре, хто намъ порядокъ дастъ въ хати?... Демидъ слухавъ-слухавъ, а дали махъ зъ хаты, а Хведиръ за нымъ, догнавъ его на двори, та за чуба, та якъ увеликъ его въ сины, та якъ почавъ ба тогомъ хворостыты... На превельку сылу вырвався Демидъ, та зъ хаты, та на вулицю, та якъ дремене у подовжъ села, ажъ закурило... Ажъ смеркомъ вже вернувся пьяный, та й не йде въ хату. Ждавъ-ждавъ его Хведиръ, а дали й каже „чортъ зъ нымъ, гасить свитло!“... А такъ якъ о пивночи Хведиръ выйшовъ зъ хаты, а ничъ була мясячна, выдко якъ у день. Глянувъ сюды-туды, нема Демыда—ни пидъ хатою, ни въ подвирри, ни на току. Доходе до повитки, ажъ чуе, щось хропе! Винъ мерцій въ повитку. А дахъ у повитци продертый, такъ воно выдко, неначе на двори. Зыркъ, ажъ Демидъ висытъ на бантыни и землю ногамы скородытъ. Хведиръ вылизъ раптово на бантыну „та вже, каже, й не тямлю, якъ я его роз-

в'язавъ и спустывъ до долу... Почавъ гукаты, выбигла зъ хаты дивка, прынесла двое видеръ воды и почалы вдвохъ польвать Демка и ледве-ледве парубка видволалы... О таке! Мало не пропавъ парубокъ, ни за цапову душу!..

Андрій.

Чувъ я про це... Бачъ, до чого пьянство доводять?

Гаврыло.

Пьянство? Откакои выгадай! Мало хто не пье?.. Все люде пьють, але жъ не все вишаютця.

Андрій.

Бо не все й напываютьця до забуття...

Гаврыло.

Ни, на пьянство не звертай провны... Це, я тоби скажу, не инакше якъ почынено!..

Андрій.

Вже й почынено?..

Гаврыло.

А хто й почынивъ?

Андрій.

А хто жъ?

Гаврыло.

Хто? Завельсь у насъ на сели таки, що капистъ людымъ коять.

Андрій.

Де жъ вони таки. у перше чую?

Гаврыло (*усмихаецця хытро*).

У перше чуешъ?.. Невже?.. Г-мъ! Спытай ты мене, а я тебе?... Про одну плетуть такъ, а про другу инакъ. Та, кажуть, прырожденна видьма—зъ бабы, зъ прабабы, а та вже вчена, тильки не на

лыхе... А про инчу таке верзуть, що й слухать страшно...

Андрій.

Такъ, такъ... Вже що-що. а щобъ языками плескаты, то сыла е людей охочихъ до того.

Гаврыло (*пидморгуе*).

Тадже жъ и про твою покійнычку варнякають, що вона була не проста людына?

Андрій (*зъ жахомъ*).

Що це ты, Гаврыле, перехрестысь! Чы ты жъ зъ розумомъ?

Гаврыло.

А прыгадай, що якъ разъ у той день, якъ ховалы твою покійнычку, такъ такыи пороснувъ дощъ, що все люде, що были на кладовыщи, перемоклы на хлющъ?

Андрій.

Такъ щожъ, що перемоклы?

Гаврыло.

А раницъ, лыбонь, зъ мисяць дощивъ не було?

Андрій.

А, лыбонь, такы не було?.. Такъ, такъ...

Гаврыло.

То-то, що такъ, такъ! А що воне означа?

Андрій.

Ну-ну?

Гаврыло.

Все люде тоди, у одынъ голосъ зашепотылы: „ага, онъ воно що!..“ А баба Хыма такъ божылася, що у той ментъ, якъ пипъ увійшовъ въ твою хату, бачыла, якъ зъ дымаря вылетело, щось таке бlyскуче та чорне и понесло въ обіймахъ щось биленьке!..

Андрій.

Слухай, Гаврыле, це ты?.. Та тобі, я знаю, не дорогого заходу коштує выгадати, що у Петрівку и ричка замерза и на санкахъ їздять... Тилькы на вищо жь ты оттаке плетешь про мою покійныцю?

Гаврыло.

Я кажу те, що чувъ видь людей; а що я самъ бачывъ, то про те вже мовчу.

Андрій (*жахається*).

Щожь ты бачывъ?

Гаврыло (*шурить очи*).

Що я бачывъ?.. А дочка твоя думаешь не тее?.. Ну, одначе, годи про це!..

Андрій.

Якъ-то годи? Слухай! Ты на вспряжкы, чы абы бовкаты языкомъ? Кажешь, щось про дочку!.. Та що це на тебе сегодня нашло?

Гаврыло.

Ой-ой-ой, якъ распалывся! Якъ бачу, зь тобою не мо́жна и пожартуваты?.. Та кажу жь, що пожартувавъ. Ну, шабашь, годи!..

Андрій.

Я ненавидю такихъ жартивъ.

Гаврыло.

Ой-ой-ой, якый ты? Я й не знавъ!.. Я вже й не радый, що зачепывъ... Та плеты ты, що хочешь, про мою жыву жинку, такъ я тобі а ни же не скажу, байдужисенько!.. (*Рече*).

Андрій.

Белькотунъ ты та й бильшь ничего!.. Старый чоловикъ, а таке варняка!..

Гаврыло.

Ще жь такы? Та годи вже тобі!.. Такъ ото сегодня Хведиръ прыйшовъ до мене и розказавъ про прыгоду зь Демьдомъ... „Писля того, каже: почавъ я вчора зновъ балакаты зь Демьдомъ, тилькы вже не гризно, а обережно“... Такъ Демко и одмовывъ: „колы хочете, каже, оженыты мене, такъ оженить на Надежци“... Це бь-то на твой дочци.

Андрій.

Та ты наумысне наважывся сегодня мене полохаты та дратуваты, чы якъ?

Гаврыло.

Ты не гарячесь-бо! Звычайно, що мы законъ сповнымо, якъ належыть, стало быть, прыйдемо за рушвыкамы по хворми... А знершу хотивъ бы я довидатись: якъ ты на це дило?

Андрій.

Ни, ты такы, мабуть, пьяный?! На таки речи та на таки питання, я не вмю видповидать!..

Гаврыло.

Звисно, що й говорыть, на сухо не та розмова? То ходимо мы оце до шыньку, бо у тебе, мабуть, дома уся пляшкы порожни? Тамъ мы зь тобою якъ найкраще розбалакаемось.

Андрій.

Ни, не розбалакаемось мы сегодня зь тобою: ни я тебе не втямлю, ни ты мене... Окريمъ того, я у будень не люблю ходыть до шыньку... Та такы и ни обь чимъ намъ розмовляты.

Гаврыло.

Якъ ни обь чимъ?

АНДРІЙ.

Це все не діло... А ще прямиць скажу, що воно цилкомъ тычетця до доччыного розуму. (*Надежда тимъ часомъ кинча диктувать*).

ГАВРЫЛО.

Ты жъ хто своїй дочки, невже не батько?

АНДРІЙ.

Годи, рады Бога, годи!..

Я в а 2 - а.

Надежда (*идучи до дверей*).

Идить же теперь обидать, а пидля обидь прыходьте та допоможете мени бурякы полоты.

ДИТЫ.

Мы хутко пообидаемо. (*Проходятъ черезъ велику хату, за дитьми Логвынъ*).

НАДЕЖДА.

А завтра раненько збиретесь та пидемо вси у гурти, у Бугаивку, до церкви.

ГАВРЫЛО (*дивлячысь на Логвына*).

Невже и цей доробало вчытця?

ЛОГВЫНЪ.

Трохы пизно? Але жъ, дядьку, кажутъ, що краще пизно вчытсь, чымъ никола.

ГАВРЫЛО.

Хто жъ це тобі таку мудрацію сказавъ?

ЛОГВЫНЪ.

Я и въ книжци про це чытавъ.

ГАВРЫЛО.

А книжка бѣ-то й не бреше?

ЛОГВЫНЪ.

Якъ яка книжка. (*Пишовъ*).

НАДЕЖДА (*увійшла въ більшу хату*).

Здрастуйте, дядьку.

ГАВРЫЛО.

Здорова дивко-чорнобрывко! На вищо ты того гарнадера вчышь?

НАДЕЖДА.

Я всіхъ вчу, хто забажа. Може й вы, дядьку, хочете повчытсь?

ГАВРЫЛО.

Я не маю часу на дуроци.

НАДЕЖДА.

То бѣ-то, у шынѣкъ не поспіете?

ГАВРЫЛО.

Ачѣ, яка балакуча!.. А скільки жѣ тобі Логвынъ платить?

НАДЕЖДА.

Винъ домога намъ иводи въ работи: на току, або въ поли, чы въ левади...

ГАВРЫЛО.

И багато вже проковтнѣвъ?

НАДЕЖДА.

Умѣ чытаты й пысаты, зна вже трохы ариеметыку... Багато вже й молытовъ повучувавъ.

ГАВРЫЛО.

Молытовъ? Невже винъ молытовъ не вмивъ? Отъ дурбыло!..

НАДЕЖДА.

Я не про ти молытвы кажу, якихъ и вы знаете и вси наши селяне; а про ти, що въ книжци.

Гаврыло.

А въ книзи хйба инчи молитвы?

Надежда.

Е и инчи, е и ти, котрыхъ вась змалку навчено. Тильки у тихъ молитвахъ, якихъ вчать не зъ книгъ, а зъ переказу, багато помилокъ е... На мою думку, годилося бъ всихъ селянъ перевчыты молитысь по книжци.

Гаврыло.

Та невже? Це щось таке, нечуване!..

Надежда.

Я вже багатѣхъ дивчатъ попереучувала. И вашихъ дочокъ—Евгенію и Докію, якъ мы говили разомъ, тежъ перевчыла.

Гаврыло.

Хйба? О цего то вже не слидъ було робыты... Якъ молылысь наши батьки та матери, то такъ и намъ належить...

Надежда.

Помилки скризъ годытця поправлять и въ молитвахъ такожъ.

Гаврыло.

Та ты вже у насъ видома книжныця. Мудра та премудра!..

Надежда.

Вамъ я здаюсь мудрою, а на вспряжки я цилкомъ заурядна... Я, дядьку, де що чула зъ тїи хаты.

Гаврыло.

Чула? Оце гараздъ що чула!.. Стало быть, буде куценька и розмова промежъ насъ? Я вже бачу, що зъ тобою я швидчъ розговорюсь!..

Надежда.

Куценька буде розмова, вже така куценька, що куцищъ заячого хвостыка.

О такисенька! (*Показуе кинчыкъ пальця*). А що вамъ татко видповили, то цего я не дочула?

Андрій.

А те одповивъ, що въ тебе своя голова на плечахъ и свій розумъ, а до того ще й серце у тебе свое.

Гаврыло.

А ты жъ яку дасы мѣни видповидъ?

Надежда.

Ни якисенькои!

Гаврыло.

Що-о? Подумай краще та скажи разумнищъ... Парняга бравый, шкода, якъ пропаде. И прямо каже: „Якъ не Надежку, такъ я ни якои другои не хочу!“...

Надежда.

Якъ и Васыль Дудай посватавъ Варьку Луцькову и тоди Демьдъ те жъ хотивъ утопытысь. Або якъ Лунька Грыгорашева подавала рушныкы за Бовкуненка, то Демьдъ почепывся бувъ на бантны... Зъ пьяну та зъ дурощивъ парубокъ скаженіе!.. Почувъ, що въ ночи батько вийшовъ зъ хаты, винъ схспывъ зъ себе пояса та й почепывся на бантны, а ногами уперся въ землю; а якъ батько увійшовъ въ повитку, винъ давай тоди човгаты ногами та харчать...

Гаврыло.

Якъ оженитця, не дуритыме.

Андрій.

Ни, вже зъ пьяныци добра не сподивайся.

Надежда.

Демьдови, дядьку, треба бъ сыдити у больныци, а вамъ скортило его ожениты. Може й знайдетця яка, котру сылоу

видадуть? А що по своїй волі, то наврядь чы згодитця котра за такого п'янюгу?

Гаврыло.

И красывый парняга, и зристь, и постать—хочь малюй!..

Надежда.

И горилку якъ виль брагу дме?..

Гаврыло.

Але до якого жь зросту ты істымешь батькивь хлибь? Ты жь уже дивка на пори.

Надежда.

Гарна порада. Щобь не переіла батькового хлиба, иды за першого п'яницы?..

Андрій.

Я ии годуватому, докы схоче мій хлибь істы.

Гаврыло.

Та вона жь у тебе не мезыночка, о жь ще сынъ и дочка?

Андрій.

Е, е. Якъ що й ти меньчи вдадутця натурою у неи, то у мене никола голова не болитыме.

Гаврыло.

Г-мъ. Не сподивавсь я такой розмовы!..

Надежда.

Вы певно думалы, що мене можна, якъ козу, або тельцю, взяти за рогы та й повесты на торга? Помилылысь. А про те, що вы о тутечкы бовкалы про мою матирь, то скажу вамъ, дядьку: соромъ, соромъ и грихъ плескаты казна-що, на ту людыну, котра не може встаты зь домовны и зацпыты вамъ рота! Але докы я жыва, то ще зумію постановыты вамъ передь очи вашъ наклепъ!..

Гаврыло.

Чого жь ты вже й розгнивалась? Хиба то я зь себе?

Надежда.

О, я певна, що бильшь зь себе!.. А хочь и не зь себе, а зь чужого голосу переказуваты дурни выгадки та ще й на мертвого—велькый грихъ! (*Пшла*).

Гаврыло.

Онъ якимъ вона духомъ дыше!.. Бачь, яка вона вь тебе?.. Чы вона часто переганя тебе на гречку? (*Регоче наумыне*).

Андрій.

Зо мною не траплялось, а що тебе, то загнала на слызьке!

Гаврыло.

Але я не то, щобь... Байдуже! Та, я на неи не гниваюсь... Скильки лить старостую, а ни разу безь рушныка не вертався; а тутъ мало не пымфу пиднеслы та ще й пидь самисенькый нись.

Андрій.

Бо ты соби забравъ у голову таке, що й купы не держытця!..

Я в а 3-я.

Ти жь, Логвынь и Тымишь.

Логвынь (*вбигае*).

Це жь такы справжній грабижь та ще й бьетесь? За вищо жь це?

Тымишь.

Ты зь мене будешь допросы здйматы та опыты браты, куды я гроши подивь? Ахъ ты жь!.. (*Хоче вдарыты палыцею*).

Андрій (*хана за палыцею*).

Ни, вь мой хати цуръ не бытысь, не дозволю!

Гаврыло.

А по моему кожного слідь быть на тимъ самимъ місцеви де провнывъ! Повчы, повчы, Тymoше, пасынка, якъ почитуваты витчыма: нехай книжочкою не бавытця, а краще молотыть, та ровы копае... Гарненько его! (*Пшювъ*).

Тымишъ.

Пусты палыцю!

Андрій.

Моя хата зъ роду колотнечи не бачыла. (*Вырыва палыцю и выкыда въ сны*).

Тымишъ.

Теперь я зъ голымы руками, то винь кынетця мене ще й быты?

Андрій.

И ему бійкы не дозволю.

Логвынь.

Не гнивить Бога. Зъ роду-вику я на васъ руки не пидйму, у мене и думкы такои николы нема. А що вы забралы зароблени мои гроши въ якономіи, то це жъ хйба по правди? (*Зъявляетья Надежда*).

Тымишъ.

Ну, забравъ?

Логвынь.

Осинь вже на двори, скоро й зима, а въ мене ни кожушыны, ни свытыны путящои... За вищо я теперь справлю соби одежу? Взялы мои гроши и пропылы!..

Тымишъ.

Пропывъ, ну, пропывъ!.. Такъ жо жъ? Але, ёлопе ты, бузувире, хто я тоби такый? Чы я тоби не за місць батька?

Логвынь.

Пизно захожуется батькуваты.

Тымишъ.

Мало я объ тоби клопотався, мало годувавъ тебе моимъ хлибомъ?

Логвынь.

Николы вы объ мени не клопоталысь и завжды я свій хлибъ івъ. Ранищъ я вси заслужени гроши выдававъ матери до рукъ, вы й тоди ихъ у матери завжды одіймалы та пропывалы... А теперь годи вже вамъ такъ робыты! Я увесь викъ ходывъ у латкахъ та у драньти, пора вже мени й себе пошкодуваты!..

Тымишъ.

Такъ оттака мени подяка?.. Ахъ ты жъ сатанаидоль!.. Дать бы тоби по мордяди такъ, щобъ ажъ пыку звернуло на бикъ! Щобъ ты до моеи хаты и дорогу забуды, щобъ не знавъ, якъ и двери въ ній видчыняютьця. Тьфу! (*Шлю на него и выходе*).

Логвынь.

Онъ якъ, люде добри! Увесь викъ витчымъ поневирявся надо мною, теперь двадцять тры цилковыхъ взявъ зъ якономіи, пропывъ и сказавъ, щобъ я й до хаты не навертався, а на прыдачу ще й плюнувъ межы очи!..

Андрій.

Якъ же це ты таку гаву упіймавъ, що не забравъ зъ якономіи своихъ грошей?

Логвынь.

Бачте, думка була попоробыты ще зъ мисяць, щобъ зибралось усихъ трыдцять цилковыхъ; миркувавъ одежу соби справыты та пару бычкывъ купыть... Отъ и одягся, отъ и купывъ бычкывъ... Ще треба десь шукаты й прытулку!.. (*Втира слезу*). Не журысь, козаче, ще наша доля поскаче!.. (*Хоче йты*).

Надежда.

Якого тобі ще треба притулку? Хіба ты у насъ пересыдишь, чи перележишь мисьце въ хати?

Логвынь.

Та вы жъ це якъ?

Андрій.

А такъ. Не рыпайся зъ хаты докы що, а згодомъ обмиркуемо дило. Чы такъ, доню?

Надежда.

Авже жъ!

Логвынь.

Дядьку!.. Вы це... Та вы й справди добряча людына?.. Надеждо! За вищо мени оттаке?

Надежда.

За те, що въ тебе чыста душа, що ты мученыкъ!..

Андрій.

И не журись, хлопче, якось воно буде!

Логвынь.

Та я нибы й не вмю журытись,— чы видъ того, що за злыднямы ніколы було, чы така у мене вдача?..

Андрій.

И грошенятъ на одѣжу знайдемо.

Логвынь.

Та невже? Та я вамъ видроблю и видслужу, якъ найкраще!

Андрій.

Авже жъ, що видслужышь та видробышь. Даромъ не позычу.

Логвынь (*уклоняючысь*).

Спасыби вамъ, на выкы спасыби! Спасыби и вамъ, Надеждо!

Надежда.

Мене не дякуй. Колыбъ не батькова воля, то щобъ я змогла?.. А правда, Логвыне, що у мене батько гарный? (*Кыдаецця до батька и цилуе и мылуе его*).

Андрій.

А хіба дочка у мене погана?

Логвынь.

И батько, и дочка янголськи души!..

Андрій.

Ну, це вже за надто. Люде соби та й годи.

Логвынь.

Дайте жъ панъ-отченьку я васъ поцилую въ руку. (*Цилуе старому руку*). Хіба жъ моя доля вже не скаче? Пиду на тикъ та зибью вамъ заразы снопивъ зъ трыдцятокъ проса. Я чувъ, якъ вы казали, що вже мало пшона, що треба змолотыты проса. Буде пшоно, буде й каша!.. (*Весело сміецця*).

Андрій.

Пиды, пиды та змолоты. Отъ и заробышь пополудноваты и повечераты. А у вечери порадымось про гроши... Треба буде тобі, парубче, опричь теплои одѣжи и сорочокъ хочъ зо дви купыты, а то у цій сорочци, що на тобі, дуже вже багато прудухвынь.

Логвынь.

Та у мене е одна сорочка путяща. я ин у празныкъ надиваю.

Андрій.

Щось я не бачывъ?

Логвынь.

Ось тутъ тилькы латка, та о тутъ латочка. Тилькы дви латкы! (*Пшовъ прытанцевуючы*).

Гей, козаче, не журись, не журись,
Зъ лыхомъ день и ничъ борьсь,
Лыхо — злыдни, якъ здолаешъ,
Свій таланъ за хвистъ впіймаешъ!

Андрій (*сміетця*).

Ачъ, яку писню десь перенявъ!

Надежда.

Думаєте, перенявъ, певно самъ
выгадавъ.

Андрій.

Та ну?

Надежда.

А який винъ, тату, впадливый до
вчення, та якъ зразу розумомъ обсяга
усе, про що ему розкажешъ!

Андрій.

Эге!.. Бачъ, який винъ!.. То якъ же
такого не пожалить?

Я в а 4 - а.

Ти жъ и Солоха.

Солоха.

Здрастуйте!.. Зновъ витчимъ Логвына
ограбувавъ, чы чулы? Скільки хлопця
змалку служыло по наймахъ, завжды вси
его зароблени гроши Тымишъ пропывавъ!..

Андрій.

А пиду я на тикъ та подывлюсь яко-
го тамъ Логвынъ хоче початы стижка?
(*Пишовъ*).

Надежда.

Який не хороший чоловикъ Тымишъ!

Солоха.

Не хороший? Звирь то, а не чоло-
викъ! Я не знаю чы й е на свити клятици
витчмы, якъ оцей Тымишъ? А що винъ
вымучывъ сердешну Марту, Логвынову ма-

тирь!.. Якъ напѣтця, та якъ почне іи
катувать!.. А пѣ мало не що-дня. Нема,
мабуть, у мыру проклятищои доли видъ
пòкрытчыной?..

Прохоръ (*за викномъ*).

Селямыдо! Чуешъ-бо, Селямыдо! Несы
мерщій ключи видъ скрыни, бо мени треба
вычытувати невоснытельни паперы та ле-
порты!..

Солоха.

Заразъ, заразъ иду! Чуешъ, це винъ
зъ учорашнего дня, якъ повернувся видъ
станового, перехрестывъ мене у Селе-
мыду? Певно десь тамъ почувъ таке имня.
Чы воно жъ е й справди людське имня:
Селемыда?

Надежда.

Е. Соломоныда!

Солоха.

А винъ: Селемыда та й Селемыда.
Слухай, Надо! Скажы мени, будь ласка,
ось що. Чы можливо вывчытысь чытаты
самому зъ себе?

Надежда.

Ни! Треба щòбъ зъ першу хто не-
будъ скільки разивъ проказавъ.

Солоха

Отъ же мій Прохоръ, певень, що
домадыкуетця чытаты самъ зъ себе!..
Якъ вьизме папирецъ вь рұкы та якъ
сяде, та якъ почне вдывлятысь: вдыв-
ляетця та й вдывляетця, та все щось бубо-
нить нышкомъ, та мырыть?.. А може такы
що небудъ и выдывыть?.. Видтоди якъ
настановылы его началныкомъ, то винъ
ныбы зовсимъ перелыцюався, ну зовсимъ
ставъ не схожый на себе: и постать цил-
комъ не та, и поглядъ, и хода... И роз-
мова якась переплутана... И не розберу

его—чы винь поразумнищавъ, чы подурнищавъ?.. Учора сивъ у хливи, въ холодочку та якъ устроивъ очи у папирь, мухы ему обсилы выдъ, лизуть у нисъ, у ритъ, у вуха, а винь нибы й не баче... Пидійшла я крадькома, дывылася-дывылася на него, а дали не вытерпила и озвалася: попрохавъ бы ты, кажу, чоловиче, краще Надежду, щобъ вона тоби допомогла у чытанни? А винь, якъ скоче, не мовъ що его вкусыло, та якъ гримне: „що твоя Надежда понима? Хиба вона зможе прочытаты усяки ляпорты видъ становаго, чи видъ урадняка?...“

Надежда (*сміється*).

Велька яка мудристь прочытаты!

Солоха.

Невже? Певно хто вчений, то усячыну прочыта?.. Ой, колы бъ ты его на путь навела?.. Гордый винь, дуже гордый, не зхоче, щобъ ты повчыла его.

Надежда.

То не гордоши, а дуροши.

Солоха.

Ни, не кажы такъ, голубко!.. Гордый! Охитнищъ притыме цилый день, устроившы очи у бамажку, нижь зважытця обернутысь за допомогою, щобъ спытаты кого: якъ воно, куды воно и що?..

Надежда.

Ну, то це вже болисть така.

Солоха (*зъ лякомъ*).

Болисть? Невже? Якъ же вона зветця та болисть?

Надежда.

Божевилле.

Солоха.

Ой!.. Чы ты це правду кажешъ? Може й справди оти клейноды та начал-

ныкуванне его спантелычылы?.. Такъ, певно, божевилле!.. Бо на вищо бъ винь напьявъ якусь не людську одижъ?.. Такъ, такъ, певно болисть!.. Брукы купывъ, таки вузьки, що ледве налазять на халявы, бия жалёткы почепывъ ланцюжокъ та якисъ брязкальця... „Ще, каже, куплю сердута, або палто“... Збожевиливъ!..

Прохоръ (*на порозы*).

Селямыдо! Чы я тебе диждусь? Што это за сторія? Иды мерщій, бо мени невкуснытельно!.. (*Пишовъ*).

Солоха.

Розтовкуй мени, Надю, що воно ото за слово: невкуснытельно?

Прохоръ (*гука у вично*).

Чуешъ ты, розносна кныга, штахвета! (*Пишовъ*).

Надежда (*сміється*).

Ото все божевилни слова!

Солоха.

Невже? Чуешъ, вже я якась штакета? (*До вична*). Чую, чую! (*До Надежды*). Допикъ винь мене своимъ невкуснытельствомъ!.. (*Иде хутко до дверей*). Певно збожевиливъ!..

Я в а 5 - а.

Ти жъ и Васылына.

Васылына.

Здрастуйте—прощайте!

Солоха.

Здрастуйте—не застуйте, прощайте—выбачайте!.. Николы, чоловикъ клыче... (*Побигла*).

Васылына.

И куды вона попленталась? Отъ капостна, не держытця двора, хочъ ты ій голову видкруты, бодай вже вона луснула!..

Надежда.

Кого це ты такъ шануешъ?

Васылына.

Здорова була, сестро!.. Тилькы, тилькы що вскочыла на хвылыну въ хату, вихожу зъ хаты, ажъ вже ии и слидъ простыгъ. А щобъ тоби ноги покорчыло!

Надежда.

Це ты чы не за гускою зновъ клопочесся?

Васылына.

Та за нею жъ. Боюсь, щобъ гавы не похапалы гусятъ, або щобъ диты не повбывалы... Не бачыла ты ии?

Надежда.

Ни. Яки у васъ пизни гусята?

Васылына.

Скажи спасыби, що хочъ таки е!

Надежда.

Що це у васъ у двори разъ-у-разъ якыйсь розгардіяшъ? Коны не гуска забреде кудысь, то теля у провалле втелющтыця, або корова у багнюци завъязне...

Васылына.

Ты жъ кажы? Або братъ повисытця... (Регоче). Чула?

Надежда.

Та чула жъ. Божевильный Демьдъ!..

Васылына.

А батько кажуть, що то ему пороблено. Чы знаешъ, що винъ закоханный у тоби?

Надежда.

Нехай винъ зъ тимъ коханнемъ иде до другои.

Васылына.

А ты не хочешъ за него? Ну, якъ соби знаешъ. Чы ты чула, що нашій матери що-ночи ввыжаютця у снi цыгане? Кажуть: „якъ обступлять мене, та якъ вышкырятця, та якъ почнуть зубамы кляцать!..“ И Господы! Якъ вже вымучылись наши маты!.. Колыбъ вони швыдче померлы, або що!.. Батько кажуть, що цыгане ввыжаютця проты голодного года?

Надежда.

Голодного года сподиваютьця, а горилку не кыдають пыты?

Васылына.

Лыбонъ, ще бильшь пьютъ! А що наши маты хворіють, то батько кажуть, що то имъ такъ пороблено видьмамы. Демьдови те жъ пороблено... И батькови, мабутъ ни не пороблено? Дежъ, що-дня пьютъ та й пьютъ!.. Ну и що мени робыть зъ отією капостною гускою?

Надежда.

Ни що бильшь, якъ привъязаты у двори, била корыта зъ водою.

Васылына.

А що ты думаешъ, сестрычко? Ей Богу такъ! Привъязу анахтему! Чы чула: Хвенька Мыкышкына позавчора прыхала зъ города, прыхала у хваетонови, трое коней и дзвонькы?.. Одежи модней навезла, ажъ дви скрыни! А скрыни у неи модни, выплетени зъ лозы, курзынкамы звутьця. Пальмаштромъ такый довгый-довгый, ажъ зъ двома комирамы—одынъ стерчыть до горы, а другый розчепиреный и облямованный сухозлиткою... Волоссе на голови закручене стовбуромъ, а шовкова хустка поверхъ волосся, рясна-рясна!..

Надежда.

Тебе вже й завьдкы беруть?

ВАСЫЛЫНА.

Ще бъ не брали?.. Балака по мод-
нему, якось такъ, що де-чого й не роз-
беру. Навезла блескучого намыста сылу!..
И двоохъ годивъ не вчылася у мадысткахъ,
а вже й модивъ набралася и одежи здо-
була—отъ щаслива!.. А я сегодня знайшла
злотого!.. Колюбъ швыдчъ ярмарокъ, куп-
лю соби сережки блескучи-блескучи, куп-
лю намыста!.. Хвенька на батька каже:
папаша, а на матирь: *мамаша*!..

Я в а 6 - а.

Ти жъ и Солоха.

Солоха (*выходе*).

А на сестру бъ-то вже: *сестраша*?
Прывезла Хвенька такихъ модивъ, що
кто его зна, якъ воно дило це й роз-
плугаетця?

ВАСЫЛЫНА (*цикаво*).

Що, що?.. Кажить-бо, що таке?

Надежда.

Певно якесь лыхо зъ Хвенькою вчы-
нылось?

Солоха.

Та що й яке лыхо!..

Я в а 7 - а.

Ти жъ и Хведиръ.

Хведиръ (*до Васылыны*).

Чуешь ты, шпандёрка! Це ты вже у
мене злотого вкрала?

ВАСЫЛЫНА.

Я?.. Що це вы, тату!.. Зъ якои речи?

Хведиръ.

Виддай заразъ!

ВАСЫЛЫНА.

Та нехай мени руки покорчыть, колы
я его брала; нехай мени заслипыть, колы
я его бачыла!

Хведиръ.

Ну, анахтемо, якъ тилькы жъ дови-
даюсь! (*Хоче йти зъ хаты*).

Надежда.

Васылыно! Ты жъ хвалылася мени
що знайшла злотого?..

Хведиръ (*зъ кыркою до Васылыны*).

Бачъ, бачъ!..

ВАСЫЛЫНА.

Я жъ знайшла, ей Богу, знайшла!..

Хведиръ.

Знайшла? У мойй кешени, у жалетци
знайшла? Ахъ ты жъ!.. (*Наступа на
неи*).

ВАСЫЛЫНА (*выбигаючы зъ хаты*).

Ой, гвалтъ!..

Хведиръ.

Ахъ ты жъ злодійка, бузувирка!..
Я жъ тоби!.. (*Хутко пишовъ за нею*).

Надежда.

Яка жъ брехлыва Васылына: и бо-
житця и клеветця!..

Солоха.

Хотила тоби розказаты про Хвеньку...
(*На порози зъявляеця Андрій*).
Ц-сь!..

Я в а 8 - а.

АНДРІЙ.

Доню! А вынесы гындычатамъ воды,
тамъ такъ пыть хотять, що ажъ роты
порозъявлялы.

Надежда.

Ось я заразъ. Я имъ недавно налы-
вала воды въ корыто! (*Бере кухоль
воды*).

Солоха.

Стрывай, Надеждо, пиду и я зъ то-
бою. (*До Андрія*). Прощайте! (*Пшла*).

Андрій (*самъ*).

Про вищось шепочутця. У бабивъ за-
вжды своя кумерція! Ну й чоловики инчи,
то тежъ люблять молотыты языкомъ! Хочъ
бы й Гаврыло, вже такой брехунъ, та-
кий брехунъ... Тьфу! (*Помовчавъ*). Тай
добрячий же робитныкъ зъ Логвына, прямо
за двоухъ молотыть!.. Та щобъ такого не
зарятувати, щобъ такому та не допомог-
ты? Це вже було бъ и грихъ! (*Шук
чогось*). Колюбъ ниhto не перешкодывъ
почытаты? (*Взявъ псалтыря и связъ
край столу*).

Я в а 9 - а.

Баба Квасолыха и Андрій.

Квасолыха.

Здрастуйте! Зъ суботою будьте здорови.

Андрій (*хутко хова за спыну книгу*).

Оттакой! Спасыби, будьте и вы здо-
рови... Сидайте у насъ.

Квасолыха.

Авже жъ сяду, бо втомылася; а ноги
вже не молоденьки... Вже й ликъ забула
скильки годивъ вони мене носить... Эге!
(*Сида*). А де жъ це Надежда, може
нема дома?

Андрій.

Вона дома, ось скоро увійде въ хату.

Квасолыха.

Гарна у тебе дочка, добряча душа!..
Теперь таки вже переводятця; а колысь

було у кожній хати тебе и пошанують,
и погодують...

Андрій.

Не турбуйтеся и мы васъ пошануемо.
Це вы певно зъ тимъ же крамомъ?

Квасолыха.

Та зъ тимъ же. Кортыть твой дочци
знаты старосвитськихъ писень, та ка-
зокъ, та...

Андрій.

Ии й хлебомъ не годуй, а дай тилкы
письню про старовыну...

Квасолыха.

Эге, вона цікава, дуже цікава!..
Я вже переказала ий десяткивъ зо тры.
Вона мени, спасыби ий, выддячыла, эге
жъ, выддячыла: дала мысочку пшона,
двѣ мысочки пшонышноного борошеньця,
дала и сальця... „Якъ ще, каже, нага-
даете писень, чы казокъ, то зновъ пры-
ходьте“... Такъ я оце и прыйшла. Колю
бъ дала вона мени яку драбочку-сорочку,
а то у мене ихъ двѣ, та й ти вже якъ
павутынне... Эге, якъ павутынне! А воно
такы далеченько видъ нашего хутора до
вашого села? Думаю, пиду заранна, щобъ
не стемнило въ дорози... Я вже у тебе
и переночую, га? Михайловичу, чы чуетъ?

Андрій.

Та чую, чую, ночуйте.

Квасолыха.

Эге, нема у мене ни роду, ни плоду...
Онука е, за салдатомъ... Дитворы, якъ
червы, а винъ калика, на мылыци... Якъ
зъ его работа? Псалтыря по мертвыхъ
чыта. Такъ мало жъ людей вмира, все
бильшь диты мруть, а надъ дитымы не
чытають псалтыря, то й нема заробитку...
Булы й сыны у мене, булы й дочкы...

Було и хозяйствечко... А де воно все теперь?.. Нема... Куды подилось—не скажу, не знаю!.. (*Зитхае*). Все видъ Бога, все!.. Коли бь було що, то я бь попола, Михайловичу?

Андрій.

Та ось мы скоро полудноватымемъ.

Квасолыха.

Полудень полуднемъ, а я бь и пидполудувала?..

Андрій.

Чого жь вамъ, хлиба хлиба?

Квасолыха.

Хлибъ найсмачнище іство... Дай хлиба та солы. Пидымъ, водычки напыюсь та й задовольнюсь на який часъ... Істочки вже такъ скортило, ажъ тимьячко болыть...

Андрій (*знявъ зъ полыци хлибъ и дае*).

Одрижете соби та й погодуйтеся.

Квасолыха.

Э, ни, визьму скибочку, тильки зъ хазайськыхъ рукъ, а сама ни за-що не ризатыму, бо то не годытця.

Андрій (*риже хлибъ*).

Якъ що такъ, то нате вамъ.

Квасолыха (*ість*).

Гарный хлибъ, не глевкий. У васъ завжды хлибъ гарно выпеченый... Не кожна й молодыца зугарна до смаку выпекты хлибъ. Инча й дижу вымысьть, якъ слидъ, и дасть тистови зійты до ладу, и посаде въ пору, а выйме зъ печи, розломе, за мисецъ выпеченого—глевтякъ!.. Що то за книга у васъ?.. Чы не вчытеться и вы чытаты? У насъ тамъ по ху-

торахъ чутка пишла, що вже по де-куды стари люде почынають грамоты вчытись...

Андрій.

Ни, я... я не вчусь... На вищо бь я? Це такъ книга... (*Кладе псалтыря на полыцу*).

Квасолыха.

А чутка йде именно про васъ. „Здуривъ, кажуть, чоловікъ, на старосты лить почавъ у дочки вчытись“... Кинець свитови!.. Яйця почынають курей вчыты!..

Я в а 10-а.

Надежда (*побачывши бабу*).

О, здрастуйте, бабуся! Давно прыйшли до насъ?

Квасолыха.

Оце свижо прыдыбала... (*Встае и кланяетця до образивъ*). Спасыби Богови и вамъ! Отъ и пиджывылась... А коли бь оце чарочку горилички, то я зразу и заспывала бь... (*Смѣтця*).

Надежда.

Та я вже дамъ вамъ и дви.

Квасолыха.

Э, ни, двоухъ заразомъ не подужаю. (*Надежда шука пляшку*).

Андрій (*проходячы мимо Надежды*).

Вже пишла помовка про мене по хуторахъ, що... нибы-то я вчусь чытаты.

Надежда.

Отъ и справдылася поговирка, що не тильки худа слава бижить, а й добра не лежить?..

Андрій (*тыхо*).

Ц-съ, не треба... На вищо? (*Показуе очыма на Квасолыху*).

Надежда (*здыгує плечамы*).

Дивно! Пора бь уже вамь, тату...

Андрій (*перебыва*).

Ну, я не буду вамь заважать, пиду на тикь!

Надежда.

Тамь и диты обполюють городynu, вже не багато зисталось.

Андрій.

Пиду, подывлюсь, якь тамь вони? (*Пишовъ*).

Квасолыха.

Зь чого жь почнемо: зь писень, чы зь казокь? (*Надежда частує бабу*). Я тоби прынесла того добра цилый оберемокь. А сама хйба не выпьешь? (*Бере чарку*).

Надежда.

Ни, мени щось не хочетця...

Квасолыха.

А мене кортыть!.. Доброго здоровлячка! (*Вытыва*). И за молоду не цуралася чарку и теперь, абы частувалы!.. (*Сміється*).

Надежда.

Стрывайте жь, я визьму книжочку. (*Бере записну книжку и оливоць*).

Квасолыха.

Такь зь писень почнемо, чы зь казокь?

Надежда.

А вамь якь?..

Квасолыха.

Якь?.. Ось нациды ще чарочку, то я й заспываю!.. (*Надежда їи частує*). Дай Боже, помершимь у труни лежаты, а живымь медь-выно кружаты! (*Вытыва*). И-и, якый у мене бувь колысь голосочокь, якь дзвничокь!.. Було покійни пань, Харлакь Лымоновичь,—давно це було, ще за крипацтва, эге жь, за крипацтва ще!.. Було, поклычуть передь свои ясни очи та й кажуть: „ну, шельмо, Хросько! Пой песнєвь, хочь треснєвь, а исты не просы!..“ Було, якь тилькы що не по ихнему, заразь за косы та по морди!.. Чудакь булы покійни пань, царство имь небесне, вичный покій!.. (*Пидперлась рукою*). Эге, каже: (*Почына стивать*).

Надь моими воротами
Чорна хмара...

Надежда.

Э, ця вже у мене записана!

Квасолыха.

Хйба? Ну, то ось цїи. (*Стыва*).

Тече вода зь пидь города
Зь пидь кореня дуба,
Не зазнала видрадосты
Видь свого нелюба...

Зависа.

Д і я 2 - а.

Зъ боку хата Хылькова; насупротивъ повитка, котра належыть до двору Квокчиевого.

Я в а 1 - а.

ПРОХОРЪ (*сидыть у повитци и дывытця у папиръ*).

Колы бь мени намацаты очыма де воно стоить: „предпысаные?“ Чы оце зверху, чы оце знызу? Тилькы бь домацатысь до предпысанья, то усю оцю бамагу промовывь бы зь копыта!.. Неначе оце воно: „предпысаные“. А що, якъ оце? Бо й тутъ закрутка надъ паличками и осьдечкы?... (*Ныбы чыта*). Предпысаные, которе... опысаные... какъ ежелы не согласно справности... Ни, лыбонь, це не воно? Морока та й годи!.. Черезъ щожь Надежда, ось Андриева дочка, такъ вона може чытаты, а я не можу? Хиба вона розумнища за мене, чы якъ? Що вона зросла пры горныцяхъ, якъ маты ин була мамкою пры панночци, такъ хиба ин тамъ хто навчыть? Тадже жь и Халымонъ бувъ у двори за лакея, скилькы годивъ, або й Мыкышка; а Артемя бувъ за кучеря... А хиба вони грамотни, хиба ихъ тамъ навчено? Мабуть, Надежда чы не сама зь себе долубалась?.. Инчи жь вчатця сами зь себе ковалюваты, або чоботы шыты?.. Е таки, що й машины выдумують. Росказують же, що тутъ десь били насъ недалечко, якыйсь чоловикъ, такъ выдумавъ машину: якъ выдумавъ, заразы сивъ и поихавъ. (*Знову дывытця въ папиръ*). Предпысаные, которе воно... какъ ежелы штобъ непослуханые, такъ недзя... Надобно штобъ сповнено...

Я в а 2 - а.

СОЛОХА (*изъ за вугла*).

Зновъ надъ паперомъ пріе. Ой, колыбь винъ справди не спантелычывся та не зварьювавъ!..

ПРОХОРЪ (*ныбы чыта*).

Несповненые началство не позволя...
Надобно сповнять невоскынтельно...

СОЛОХА.

ПРОХОРЕ!

ПРОХОРЪ.

Тю! Пидкралася, ажъ неначе злякала мене!.. Чого прытѣпалась?

СОЛОХА.

Послухай, чоловиче, мои порады.

ПРОХОРЪ.

Селямыдо!.. Не чедай ты мене, бо якъ почну я тебе радаты!.. Ну й чого лезешъ, чого втыскаеся туды, куды твоя голова не влизе?

СОЛОХА.

Боже мій, Боже мій! За вищо таке лышенько на мене? Чымъ я провныла, чымъ прогришыла?.. (*Плаче*).

ПРОХОРЪ.

Скажена баба! Я ин ще й палцемъ не торкнувъ, а вона вже й ревы пидняла!..

СОЛОХА.

Чы мене маты проплакала, чы лыха людына пляхъ мени перейшла?

ПРОХОРЪ.

Згвалтуе чысто усихъ сусидивъ, подумаютъ, що я й справди завивъ бійку!..

СОЛОХА.

Господы, Боже мій! Вже здаеця такъ ему дожожаю, такъ потрапляю, навить, вси думкы его наважаюся видгаты!..

Прохоръ.

Пидняла справжни ревы! Тьфу!..

Солоха.

Ударь мене, ударь краще, тильки залышы Бога рады, оте невкуснытельство! (*Показуе на папиръ*).

Прохоръ.

Слухай, Селямыдо! Иды ты у кватыры и не безкопой меня!..

Солоха.

Якъ же мени не тревожытысь, що вчера, якъ росказала я Надежди, якъ ты пріешь надъ паперамы, такъ вона каже, що такъ може и зтерытысь людына!..

Прохоръ (*тревожно*).

Що-о?..

Солоха.

Надежда вычитала у книзи, що каже, якъ тильки людына почне сама зъ себе вытываты грамоту, то заразы свить замакитрытця ій и вона божевиліе.

Прохоръ.

Що ты брешеш?

Солоха.

Ни, не брешу. Я цилисеньку ничь не спала, все жахалася!.. Тильки що заплющу очи, такъ мени и почне выжатысь, що ты вже збожевиливъ и такъ страшенно вытрищаеся на мене, звырсыся та плямкаешъ губамы!..

Прохоръ.

Тяме твоя Надежда зъ носа та въ ротъ. (*Тимъ часомъ Надежда выйшла зъ хаты и наслуха*).

Я в а з - я.

Надежда.

Дядьку, Прохоре! А гляньте на себе, видъ чога це, якъ тильки вымовылы

вы оти розумни слова: „зъ носа та въ ротъ“, раптомъ пидвело вамъ голову до горы, мовъ той порожній колосокъ, зъ котрого выпало останне зернятко?

Прохоръ.

Якъ?

Надежда.

Не розжуєте?—Посылкуйтеся.

Солоха.

А що? Це тоби не зо мною заідатись!

Прохоръ (*регочучи*).

Надежда, такъ вона мудра та ще і премудра, бо що-дня ість карандаши, а чорныломъ запыва!..

Надежда.

Гляньте, гляньте, господынъ соцькій? Теперь васъ ще бильшь потягло до горы... Ой-ой, яки жъ вы высоки стали, ажъ до неба!..

Солоха.

А дурный, якъ треба.

Прохоръ.

Селямыдо, прыкусы языка! Бо кому-кому зкрутытця, а тоби змелетця!

Надежда.

О, у кулачній росправи, вы не звынете розуму!.. Инымъ людямъ годылося бъ до лоба, замисць розуму рогы прыстановыты, а до нигъ ратыци,—воны раптомъ свить перевернулы бъ.

Прохоръ.

Та ты... Ов-ва, яка розу... Зъ тобою товкувать не стоить!.. (*Хоче йти въ хату*).

Надежда.

Звисно. Бо вы хвалылы кулачну розмову, це бъ-то чортову навуку, а

Божу: розмову та розумъ—занехаялы; а я завжды корыстаюсь тилькы Божимъ.

Прохоръ (на бикъ).

Лыбонь, зъ цією не зговорышь?..

Солоха.

Закусы, Прохоре, чымъ Богъ пославъ.

Прохоръ.

Ой, морсну я тебе!.. (До Надежды).
А ты... той... Хиба я, разли тебе возомъ,
чы хургономъ зачепывъ?..

Надежда.

Возомъ зачепылы бъ за одежду, а словомъ гыдкимъ вы уразылы въ душу.

Прохоръ (не зна що сказать).

Це ты все зъ книжокъ?

Надежда.

Абы не зъ хворон головы.

Прохоръ.

У кого жъ-то хвора голова?

Надежда.

У кого мозокъ болыть.

Прохоръ.

А въ книжкахъ бы-то багато розуму?

Надежда.

А вамъ здаеця, що въ книжкахъ тилькы дурныцю провадятъ?

Прохоръ.

Якъ можна? Не, книжки, такъ той...
Адже и въ началства е книжки и багато книжокъ: журналъ обходящий и выходящий, розносна книга, протоколы, справкы... Такъ тамъ ни которой дурныци. Зновъ и въ церкви зъ кыжокъ вычитують...

Я ва 4-а.

Андрій (на порози хаты гука).

Надеждо! А йды на хвылыну въ хату, дило е. (Пишовъ).

Надежда.

Заразь, тату, иду.

Прохоръ.

Ну, въ тебе, Надеждо, на плечахъ голова, хочъ бы й станowego жиньци таку голову, або вурядныци Селямыди Ивановни!

Надежда.

Невже по вашому я бильше тямлю, ніжъ зъ носа та зъ ротъ? (Пишла).

Прохоръ.

О, яка ты... Прычепылася зъ носомъ та зъ ротомъ!.. Ачь, яка, той...

Солоха.

Я тоби, чоловмче, щось таке скажу, що ты онъ якъ здывуеця!

Прохоръ.

Навдаху чы бильшь здывуешъ видъ Надежды... Лыбонь, такы вона не дуря?..

Солоха (оглянулася).

Надежда вчыть грамоты своего батька!

Прохоръ.

Що-о? Та це ты?.. Це вже ты пидбрехнула!

Солоха.

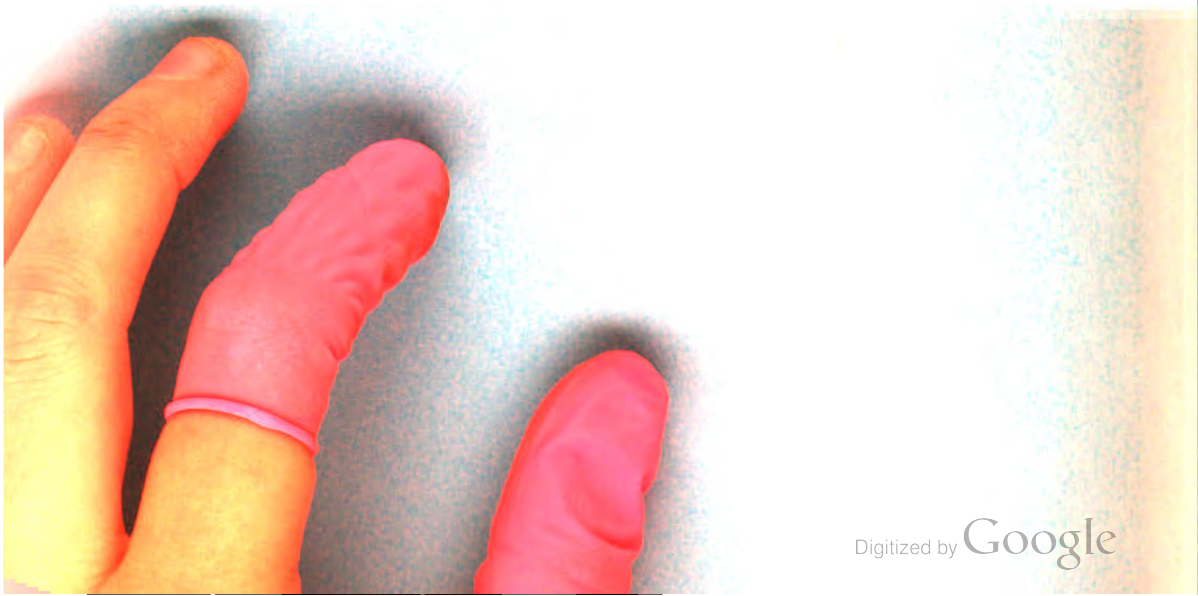
Я сама бачыла, оцыми своими очыма бачыла!

Прохоръ.

Колы? Де?

Солоха.

И вже скільки разивъ бачыла! Учора, якъ ото пишла Надежда зъ школярамы,

Солоха (*проходе до Андріевої хаты и підслуха*).

350?.. що таке 350?

Гаврыло (*побачывъ Солоху*).

Проходь, проходь мерщій, це не до тебе ричь. (*Солоха пишла*). Ось ходимо до Мыкшыкы и я тебе запевняю, що сегодня й могорычъ запьемю.

Хведирь.

Та якъ що заразомъ...

Гаврыло.

А на оцю, па Надежку (*показуе на Надеждыну хату*), ты не сподивайся!.. Хоча я и вговорывъ бы ін, колы бъ на те пишло, бо я могу; але на мою думку, не варта й клопотатись!.. Яка зъ неи робитныця? Книжныця, а не робитныця. А тоби треба не билоручку,—чы такъ? Або робитныцю, або 350 карбованьцывъ грошей? Окريمъ того, Надежда видемяского кодла!..

Хведирь.

А правда? Ага!.. Я давно це постерегаю!..

Гаврыло.

Це жъ всимъ видому, що ще якъ ін матирь мамкувала у двори такъ одывъ поварь-видьмакъ навчывъ ін, а маты вже навчыла дочку...

Хведирь.

Чувъ и я про того поваря. Аглычынъ бы-то, чы що? Кажуть, що було николы и лоба не перехресте и въ церкви его не бачылы... Жабъ івъ и всяку нечысть!..

Гаврыло.

Ото-то жъ бо й е! Ходимо мерщій. Бо якъ уіймаешъ гаву та хтось инчий покорыстуетця—жалкуватымешъ тоди, та пизно вже буде.

Хведирь.

Зайдимо жъ до монополькы та смыкнемо... Бо ты оце надыхавъ на мене горилчанымъ духомъ, такъ беда якъ кортыть... Доки не чую носомъ горилкы, не наче, не дуже и кортыть, а якъ почувъ—не выдержка!..

Гаврыло.

Чого жъ заходять? Тамъ, у Мыкшыкы, насъ зразу почастьють!

Хведирь.

Хиба? Якъ що 350 карбованьцывъ, то можна такимъ хазяиномъ зробытись...

Гаврыло.

И зробыся хазяиномъ, не то що на всю губу, а й черезъ губу. (*Пишлы*).

Я в а 6 - а.

Демьдъ выходе зъ другого боку, на зустричь ему Васылына.

Васылына.

Чого ты такъ рано прыплентався зъ поля, ще й не полудень, а ты вже пошабашывъ орать?

Демьдъ.

Якымъ чортомъ орать, колы ось чересло поламалось?.. Хиба у насъ плугъ? Чорты батька зна-що, а не плугъ! Похряпаний, чепигы повязывуваны у десятѣхъ мисьяхъ, повзунъ геть стерся, градилъ у двоухъ мисьяхъ цуркою скручений... Именно що плугъ! Насылу спряглыся зъ Володькою, ништо не хотивъ зъ нами спрягатысь; а теперь и Володька зайнявъ своихъ воливъ та й погнавъ... „Я, каже, краще пиду свое волочыть, бо зъ нашою супрягы товку не буде“... Теперь пошукай кого другого до супрягы! Треба ще й чересло несты до коваля, ажъ у Щеняче, за десять верстовъ, бо нашъ коваль и зварывъ

бы, такъ каже: „багато людської роботи, невправка“...

ВАСЫЛНА.

То вже сегодня, хочъ заскородъ те, що выоравъ.

ДЕМЫДЪ.

А чымъ? Хиба у насъ справна борона? Зъ такимъ хазяйствомъ якъ у насъ, чортового батька розхазяйнуєся!..

ВАСЫЛНА.

Батько мене сегодня мало-мало не были.

ДЕМЫДЪ.

За вищо?

ВАСЫЛНА.

За злотаго. Вони згубылы, а я знайшла.

ДЕМЫДЪ.

Виддай мени!

ВАСЫЛНА.

Батько одняли.

ДЕМЫДЪ (*дражне*).

„Одняли“. Дуря! У мене не одняли бь.

ВАСЫЛНА.

А вгадай, що мени Хвенька подарувала?

ДЕМЫДЪ.

Яка Хвенька?

ВАСЫЛНА.

Мыкышкына! Хиба ты не знаєшь, що вона прыхала вже зъ города?

ДЕМЫДЪ.

Велькый мени клопить до неи.

ВАСЫЛНА.

И дытну привезла.

ДЕМЫДЪ.

Чью?

ВАСЫЛНА.

Свою.

ДЕМЫДЪ.

Онъ якъ?.. Ловко!..

ВАСЫЛНА.

Вгадай, що подарувала?

ДЕМЫДЪ.

Перстень?

ВАСЫЛНА.

Ни, ось що! (*Выйма коробочку, у котрій скількись бусивъ. Розглядають*).

Я в а 7 - а.

Солоха и Надежда.

СОЛОХА.

Якъ тилькы постережешъ, що винъ выйде чытать у повитку, ты й поговоры зъ нымъ. Винъ тебе теперь послуха.

ДЕМЫДЪ.

Ловко якъ блещыть! А въ цій велькій намыстыни, неначе въ дзеркали, пыку мою выдко... Ачь, братъ ты мій, якый здоровенный нись!.. Хиба у мене такый велькый нись? Сторія, братъ ты мій! (*Дывытця у намыстыну*).

ВАСЫЛНА.

И я себе бачу! (*Дывытця*).

СОЛОХА (*до Надежды*).

Якъ увійшовъ тоди въ хату, то довго про тебе балакавъ та дывувався. „Николы, каже, и не думавъ и не гадавъ, щобъ можна було промовою такъ заотсыты чоловика, що й паморокы ему не мовъ засота и языка задубыть“... Зробышь такъ?

НАДЕЖДА.

Зроблю, зроблю. (*Пышла въ хату, а Солоха за повитку*).

Демьдъ.

Дай мени ще одну намыстыну, я причеплю обыдвн, ось сюды до жалетки.

Васылына.

Э, ни, виддай н ту. Виддай-бо! Виддай!..

Демьдъ (*зтулывъ кулака, бусъ розсытався*).

Теперь ни тоби, ни мени. (*Регоче*).

Васылына.

Идоле! Геть роздавывъ!.. На вищоты роздавывъ?

Демьдъ.

А хйба я нарочыто? Ну вже й намысто, чортъ батька зна яке: не мицне, хрупке!.. Дай мени ще одну?

Васылына.

Не дамъ, ни за-що не дамъ!.. (*Побигла. У цей ментъ зъ Хыльковой хаты выходять школяри и расходятця на вси боки, ззаду Логвынъ*).

Демьдъ.

Здоровъ, Логвыне. Вчыся и досы?

Логвынъ.

Вчусь.

Демьдъ.

Та й довго якъ! И не обрыдло?

Логвынъ.

Наврядъ чы й обрыдне? Эъ кожнымъ днемъ все бильшь зацикавлюе чытанне.

Я в а 8-а.

Надежда (*на порози*).

Логвыне! Виднесы, будь ласка, мишокъ жыта до млына, бо батько не зможуть...

Логвынъ.

Э, ни, батькови я не дозволю несты, заразы самъ одтартарю.

Демьдъ.

Здрастуй, Надеждо!

Надежда.

Здоровъ.

Демьдъ.

Ты бъ може й мене прийняла въ навуку?

Надежда.

Тоби батько не дозволыть вчытысь.

Демьдъ.

Батько? Ни, я самъ соби не дозволю! (*Регоче*). У мене до кныжокъ нема охоты.

Андрій (*зъ синей*).

А де ты, Надеждо!

Надежда.

Заразы, тату, иду. (*Пшла*).

Логвынъ (*ий у слидъ*).

Я тужъ-тужъ жыто виднесу! (*До Демьда*). Дай, братухо, покурыть, беда якъ кортыть.

Демьдъ (*дае тютюнъ*).

На.

Логвынъ.

Дядько Андрій не курять, такъ ни въ кого й пожывытысь. (*Закурюють*).

Демьдъ.

Штукерію, братъ ты мій, розказувавъ якыйсь прохожий,—чы воно москаль, чы богомоль якый? Певно здалеку йде, бо за плечыма клунокъ, зъ боку бляшана балцапочка и торбынка зъ харчу, а на голови стовббувата шапочка?.. Пидйшовъ,

поздоровкався, дали сивъ на рылли и почавъ розказувать. Дали мы ему окраецъ хлиба и дви цыбулыны. Такъ розказувавъ, що десь-то винъ іхавъ, по чавуньци, такъ на одній станці якыйсь началыкъ звеливъ зупыныты машыну. Кондукторъ свыснувъ у свыстокъ, машына зупынылась и заразъ мыру насунуло выдымо-невыдымо. Выйшовъ зъ вагону онораль, за нымъ другый, а дали й третій, пытають людей. „Што у васъ, реблята, бувъ голодь?“ — „Бувъ!“ — Одповили люде. „Ну, ето не воченно харашо! А кушала вы хлѣбушку, што вамъ началство прислало?“ — „Кушала!“ — „Ну й харашо што кушала. Намъ васъ, реблятушки, жалко, черезъ тое самое, што требуетця салдатовъ... И зъ тымъ, што прощайте, зоставайтеся здорови, реблята, и не сумливайтесь“... Онораль увійшовъ у вагонъ, за нымъ другый, а дали и третій, кондукторъ свыснувъ у свыстокъ и машына покотыла та й покотыла!..

Логвынь.

Може якый генераль и проіздывъ, може й справди промовлявъ що до людей, тильки певно богомоль не розчолопавъ про вищо винъ промовлявъ?

Демьдъ.

Чого жъ не розчолопавъ, хйба то штука велька чы мудрація яка?

Логвынь.

Не зъ нашымъ, брате, розумомъ розчолупуваты те, про що генералы промовляють.

Демьдъ.

Чому? А я такъ думаю, що зъ нашимъ!..

Логвынь.

Думай соби. Памятаешъ, якъ ще мы малымы паслы телятъ бия велького шляху и проіздывъ якыйсь панъ, зупыны-

ся винъ, злизъ зъ калясы и почавъ до насъ балакаты та ще й по нашому, а мы видъ него якъ пужнулы, мовъ вивци видъ вовка?..

Демьдъ.

Мали булы, звисно, дурни булы.

Логвынь.

И теперъ не геть-то розумни!..

Демьдъ.

Не, я не дуракъ!.. Зновъ богомоль почавъ розказуваты, що зъ Пекеньбурху три оноралы везуть людямы пять мыллыѣнивъ грошей... А тутъ якъ разъ мій борозній быкъ мотнувъ головою, зламавъ заноса, а бувъ не налыганий, якъ задрочытця, якъ дремене!.. Доки я его перенявъ та прыгнавъ до плуга, а богомоль вже й пишовъ дали... Може то намъ везуть гроши?

Логвынь.

А чы ты знаешъ, скилькы людею у нашимъ царстві?

Демьдъ.

А скилькы жъ?

Логвынь.

Бильшь якъ на сто мыллыѣнивъ.

Демьдъ (*здывувався*).

Ой-ой-ой!.. Та невже?

Логвынь.

То роздили ты пьять мыллыѣнивъ, що везуть генералы, промежъ усима людымы, чы достанетця тоби хочъ четвертакъ?..

Надежда (*у викини*).

Логвыне!

Логвынь.

Ось я заразъ! (*Хутко пишовъ, а черезъ хвилыну вертаетця зъ миши-*

комъ на плечахъ). Я два такихъ мишка за разъ понесу. Нехай, Демьде, мы колысь зъ тобою ще про це побалакаемъ! (*Пшиовъ*).

Демьдъ.

А хйба мени цикаво? Не мавъ зъ кымъ у патеку заходьты та зайду зъ тобою?.. Сто мыллыёнивъ?.. Це брехня!..

Я в а 9 - а.

Хведиръ и Демьдъ.

Хведиръ.

Бачъ, про вовка помовка!.. Де це ты выскыпався?

Демьдъ.

Та ось подамалося чересло.

Хведиръ.

Чересло? А чортъ его поберы!..

Демьдъ.

Коваль сегодня не зварыть, бо никола.

Хведиръ.

И не треба! Чортъ его поберы!

Демьдъ.

А Володька погнавъ воливъ до дому, каже: „морока зъ такою супрагою!..“

Хведиръ.

Чортъ его поберы и Володьку и его супрагу!

Демьдъ.

Оттакон!

Хведиръ.

А ты думавъ якои? Ты скажи мени, такъ якъ оце стоишь, тилькы скажи по моему, зъ одного слова: хочешъ щобъ я тебе оженивъ?

Демьдъ.

Вы зновъ свои? (*Показуе на хату Надежды*). Вже не хочу!

Хведиръ.

Ге, ты, хамуло!.. 350 карбованьцивъ грошей, опричь одежи и скотыны!

Демьдъ.

Ого-го! Та ну?

Хведиръ.

Кажы зъ одного слова, жалаешъ?

Демьдъ.

Ежель што 350 карбованьцивъ — жалаю!

Хведиръ.

Отъ люблю, маладецъ! Уклонься жъ батькови, сучый сыну, що винъ объ тоби побываецця денно и ношно.

Демьдъ.

Я могу. (*Кланяецця*). Ажъ трычи уклонюся!.. (*Кланяецця*). Хто за 350 не вклонься бъ, не тилькы батькови, а й кому завгодно?

Хведиръ.

Корысь батькови, а не дурій! (*Бере его за чуба*). Дурню, вишатысь задумавъ? Краще я тебе ожено, визьмемо прыданого 350 карбованьцивъ, одежу и худобу и станемо першымы хазяинамы!..

Демьдъ.

Оце такъ ловко!..

Хведиръ.

Бачышь, що батько видъ тебе разумнищый?.. (*Знову скубе его за чуба*).

Демьдъ.

Ой-ой! Та вы не въ шуткы, ажъ слезы потеклы зъ очей, такъ скубонулы!..

Хведиръ.

Завтра тебе и звинчаю, ничего и видкладаты на дали!..

Демьдъ.

Якъ завтра? А колы жъ коровай поспе, а шишки, а дарунки, а страва?.. Хиба по моднѣму весилле справлятьемъ: безъ спивывъ, безъ шышкѣ?..

Хведиръ.

Весилле черезъ тыждень видгуляемо, головне дило повинчаты. А про страву на весилле нема чого пеклуватысь, абы була горилка!.. Скильки не настановляй стравы, а якъ не частуватымѣмъ пилля кожнон ложки локшыны та пилля кожного шматочка мнѣса, скажуть: сумнѣ було весилле!..

Демьдъ.

Це ваша правда. Я й самъ, сказать, до стравы не такой охочый, якъ до пытва!..

Хведиръ.

А догадайся на кому я хочу тебе оженыты?

Демьдъ.

Та воно все ривно!.. О, у васъ пляшка стерчыть у кешени, невже порожня?

Хведиръ.

Ласый до пытва, каналія!.. На, хыльны, я нарочыто чарокъ зо дви зоставывъ. (*Дас ему пляшку, але зъ рукъ не выпуска*). Годи, годи! Ты всю выжлуктышь!.. (*Одійма пляшку*). Ну, сыну, нехай тоби Господь допомога, у щасти та въ добри вѣкъ звикуваты!.. (*Це нѣхыльци*). О! Ондечкы вже йдуть твои свекоръ и свекруха.

Демьдъ.

Мыкышка иде, зъ жинкою! То це вы хочете мене на Хвеньци оженыты?

Хведиръ.

Угадавъ, якъ у око влпывъ.

Демьдъ.

Щожъ?.. Якъ що на Хвеньци, такъ и на Хвеньци! Тилькы, тату, вы купить мени небезпрѣменно сердука и дзыгета на весилле?

Хведиръ.

Купымо, купымо!.. 350 карбованьцивъ своимы очыма бачывъ! Це воны до насъ идуць, треба бъ горилкы... У тебе нема якого тамъ самыгрывенного?

Демьдъ.

У мене якъ разъ заваляетця, такывськый я!.. (*Регочучы пишовъ*).

Хведиръ.

А все жъ такы якосъ треба прыйняты сватывъ? (*Пишовъ пеклующысь*).

Текля (*спива за лаштунками*).

Ой умеръ мій хорошый
Та й покынувъ копу грошей,
Щобъ я пыла та гуляла,
Его душку спомынала!..

Ой умеръ мій Данылко,
Поховалы—ногы выдко,
Вже й до ямы волочуть—
Въ мене слезы не течуть!..

Я в а 10-а.

Текля, Мыкышка и Гаврыло.

Мыкышка.

Текле, перестань-бо!..

Гаврыло.

Ни, ничѣго, нехай покуражытця!..

Мыкышка.

Ненавыжу! Стрыбай-бо!

Текля (*танцюючи*).

Стрыбай вже ты, Мыкыхфорочку, колы ты молодчый, а я вже свое видстрыбала!..

Хиба я зъ радощивъ танцюю, зъ радощивъ спиваю? Зъ досады, зъ превелькой досады, моя ты бородата мачуло, мій ты зозуле, мій ты одуде!.. Ни, ты скажи мени, за вищо отой кырпатый бакалійщыкъ обедывъ мою Хвеничку, мою красу?.. Я жъ скільки разивъ паіздыла въ городъ, у гости до Хвенички, такъ винъ мене мамашечкою велычавъ. „Я, каже, мамашечко, оженюсь на Хвеничци, бо ужасть улюбленъ! Выдыте, яку кватырю ій нанявъ—первосортню?.. Язъ тилькы, каже, Хвеничка довчытця у мадысткы усякы плаття шыты, такъ я заразъ встрюю ій майстерську и повинчаюсь зъ нею“... Выйшовъ винъ, я ій кажу: Хвеничко, душко, красно моя пысана, не верь ему кырпату, обманьт!.. А вона мени: „Мамашо! Винъ клявся-присягався, цилувавъ окону и сыру землю кушавъ!“... А теперь обманывъ. Ахъ ты жъ гыльдейскій бакалійщыкъ, шкарпіенъ курпосый!.. Выржаючы мене, коженъ разъ дававъ на дорогу: булочку, асаледочку, або маслынокъ и бутылку пыва!.. Бувало, якъ посадовыть Хвеничку на коліна та якъ почне цилувать, та мылувать іи... „Выдыте, каже, мамашо, какъ я улюбленъ?“.. Ахъ ты падлець кырпатый!.. Щобъ тоби губы попрыщыло, щобъ тоби жывить обдуло зъ тїи земли, що ты кушавъ!.. Охъ, бедная моя мадысточка!..

Гаврыло.

Ну, годи вже, годи!

Мыкышка.

Люде почують, заразъ почнуть лыхословыты... На глумъ пидіймутъ... Ходимъ, Бога рады, ходимъ вже!.. Колы бъ Господь помигъ худчій повинчаты ихъ, щобъ сорому того позбутысь!..

Гаврыло.

Про соромъ не турбуйтеся, то пустякове дило. Я бильшь трыдцятка годивъ старостую, такъ...

Текля.

Ахъ ты марзавецъ, адіеть! Осоромывъ на всю губерню! А за вищо? За верну любовь!.. „Я, каже, мамашечко, улюбленъ!..“ Ахъ ты хвараонъ курпосый!.. Ну, попаду я тебе въ городи, я тоби твого кырпатого носа одгрызу, ей-ей, одгрызу!..

Гаврыло.

И не слидъ цего робыты, нехай краще грошеняты дае...

Мыкышка.

Ондечкы і сеать.

Я в а 11 - а.

Хведиръ (*идучы на зустріч*).

Просымо въ хату.

Мыкышка.

Ходимо швядчъ... Що жъ, Хведиръ Семеновычъ, перебалакалы зъ сыночкомъ?..

Хведиръ.

Я сказавъ слово и вже якъ шапкою накрывъ!

Гаврыло.

Я жъ казавъ, що у Хведира дило кыныть!..

Текля.

О, винъ такый! У, памьятаю я его ще парубкомъ, забисованный бувъ!.. Простягся бувъ до мене за рушныкамы,—памьятаешъ?

Хведиръ.

Ни, я... вже забудь!

Текля.

Забудь? Почула я, що винъ до мене лагодытця зъ старостамы, якъ упаду батькови въ ноги, якъ заголося: не виддавайте мене, таточку, за Хведора, бо

винь мени вика вкортае!.. (*Погрозжу на него рукою*). У, катюго сибирный!... Ачь, очи якъ у гада, ачь, якъ искратця!..

Мыкышка.

Та годи!.. Отъ наказаные!..

Гаврыло.

Именно: згадала баба дивера, що добрый бувъ!..

Текля (*спива и пританцьёвуе*).

Ой дидь ходе по току,

Баба по городу,

Ой дидь носе чаплию,

Баба сковороду.

Ой дидь бабу товче, товче,
Що не вдало млынъци пече,
Цыть диду, не бисысь,
Якъ напечу—ваісысь!..

Мыкышка.

Отъ же я вернусь до дому!..

Текля.

А я тебе за мачулу та назадъ!..

Мыкышка (*сміючысь*).

Скажена баба!

Текля.

Хочь и скажена та любышь! (*Почына спиваты*).

Ой на мене мій мужъ бурчыть...

Хведирь.

Свахо! Затулы лышь на хвылыну пыска!

Текля (*показуе на него*).

У-у, якъ вызвирывся!.. Чортячи очи, ей Богу, чортячи!.. Бузувире, кате!... Жинку прыбывъ, замучывъ, що лежать вже два роки?.. (*Входять Демко*). Оце мій и зять?

Демко (*пидходе*).

Та я жъ винь и е!

Текля.

Цилуй же мене въ ручку, бо я твоя теща.

Демьдъ.

Скільки завгодно! (*Цилуе и въ руку*).

Текля.

Красунь!.. Куды жъ тому кырпатову гыльдейщыку до тебе? (*Здійма зъ своєю шыи хустку*). На жъ тоби видь молодон хустку. Стий! Я почеплю сама тоби на шыю, нехай у твоихъ товаришивъ зъ заздрощивъ очи рогомъ повылазять! (*Завязуе*). А ты мою Хвеничку жалуй, не бый мою красавыцю, бо вона у мене нижна!..

Демьдъ (*регоче*).

Та тамъ, якъ прийдѣтця...

Хведирь.

На жъ, сыну, грошей та збигай по горилку, визьмы пивкварты. (*Шука въ кешеняхъ*). Оказія!.. Загубывъ десь два злотыхъ!..

Мыкышка.

Та не шукайте, свате. На, зятю, ось карбованьця та принеси квартиру.

Текля.

А я кажу: пивторы!

Демьдъ.

Я живо справлюсь. (*Побигъ*).

Хведирь.

Ходимте жъ у хату!

Текля.

Охъ, бедная моя Хвеничка! Будуть тебе быть, охъ, чье мое сердце, що будуть!.. (*Пишла спивалочы*).

Ой на мене мій мужъ ворчыть...

Я в а 12-а.

Васылына (*бижыть зъ видрамы*).

Мусыла зновъ бигаты по воду ажъ на чужу вулицю, бо зъ напюн крыныци зновъ воду вытягали... Може й справди батько правду кажуть, що то видьмы зменьчуютъ воду у нашій крыныци?.. Певно воно такъ такы й е!.. Отъ кляти видьмы!..

Надежда (*видсунула у-викни кватирку*).

Васылыно! До вастъ Мыкышкы пишлы.

Васылына.

Вже? Треба жъ швядчъ бигты до дому. Сегодня зновъ у нашій крыныци за мисць воды тилькы грязюка!..

Надежда.

Наносыла бъ воды заранья, у дó-свита, якъ я разъ-у-разъ роблю, той не довелося бъ бигаты на чужый кутокъ по воду.

Васылына.

Добре тобі, що ты можешъ у дó-свита прокынутысь, а я завжды просыпаю.

Надежда.

И я иноди заспала бъ, такъ батько будять.

Васылына.

А наши батькѣ й сами такъ сплять, що ажъ!.. Батько кажуть, що то видьмы воду зменьшають у нашій крыныци!..

Надежда.

Яки тамъ видьмы? Теперъ воду вы-бирають зъ крыныць, не тилькы за для варева та пытва, а й на всяку роботу; и скотыну поять зъ крыныць, бо ставкивъ же нема, весною вси гребли повырвало.

Васылына.

Ставки ставками, а крыныци... Ни, певно такы це видемяськы вытивкы. (*Побигла*).

Я в а 13-а.

Логвынъ.

Отъ и справывся! За яку жъ теперъ роботу прыйнятысь? Вчора хотивъ воды наносыты, такъ Надежда не дозволила, каже: „це моя работа“. Пиду, спытаю дядька Андрія. (*Пишовъ за хату*).

Я в а 14-а.

Демыдъ (*гука*).

Логвыно, а йды сюды! (*Логвынъ вертаеця*). А мене, братъ ты мій, женять?

Логвынъ.

Колы?

Демыдъ (*показуе пляшкы*).

Ось и могорычъ вже будемъ пыть!.. Завтра, братъ ты мій, и до винця! Бачышь на мени хустку, це видъ молодой. Ну вже жъ и хустка, хто глянє ажъ губамы зачмока!..

Логвынъ.

Колы берешъ дружыну до любви та до мысли, то це гараздъ.

Демыдъ (*регоче*).

До любви? Ни, 350 карбованьцивъ приданого!..

Логвынъ.

Що-о?

Демыдъ.

Верно! А хустку шынкарь, якъ помацавъ у руци та й каже: „Вона стонть не меньчъ, якъ два съ половиною!“.

Хведиръ (*гука*).

Демыде, чого ты теревени розводишь? Несы мерщій горилку!..

Демидъ.

Слухаемъ, господыпъ папашо! ради старатця! (*Побигъ*).

Логвынъ.

На кому жъ це винъ женятця? Каже: 350 карбованщывъ. Ого-го! (*Пшиовъ*).

Я в а 14-а.

Прохоръ (*идучы пидъ повитку, оглядаеця*).

Лыбонъ, Солоха заснула? Заразъ у снѣ прыверзлось мени, що я такъ ловко вычитувавъ. (*Сиди и выйма папиръ*). А ну, чы прыгадаю, якъ мени воно выснылось? (*Нубы чыта*). „Предписаные, которе... какъ ежелы воно прыказаные, щобъ какъ недзя, штобъ не сповнено, то буде наказаные... Скоропостыжно и невкоснытельно, посылаю етую бамагу, становой прыставъ“...

Надежда (*пидкралась*).

И оце все тамъ спысано?

Прохоръ.

Зновъ тебе прыперло? (*Побачывъ Надежду*). Чы це не Солоха?..

Надежда.

И на щобъ я оттакъ себе обдурювала та мучыла? Дайте я подывлюсь у бамагу, чы такъ же воно тамъ напысано?

Прохоръ.

Та що ты тям... Ни, той. я забудь!.. Ты... ты понимаешъ...

Надежда.

Давайте, я вамъ поможу прочытать.

Прохоръ.

Невжо ты зможешъ мене навчыты?

Надежда.

Чому жъ ни? Якъ що вы вже домизкувальсь до того, що грамота розумови очи, то навчу?

Прохоръ.

Мабуть, що воно такъ такы й е?

Надежда.

Авжежъ що такъ. Кто чыта, той и розумомъ зроста. Отъ вы держите въ руци бумагу, а чы вы знаете зъ чого вона зроблена?

Прохоръ.

А зъ чого жъ, зъ бамагы?

Надежда.

Якъ зъ бумагы? Цебъ-то бумага росте де, чы якъ?

Прохоръ.

А може й такъ?

Надежда.

Ни, не такъ. Якъ навчытесь грамоты, то тоди и вычытаете зъ кныгъ, якъ ии роблять.

Прохоръ.

А воно любопытно?..

Надежда.

Умитымете чытаты, тоди на що не глянете, про все у кнызи вычытаете: и зъ чого що робытця, и якъ?.. И не доведетця вамъ за кожною малечою обертагы зъ пытаннемъ до грамотного чоловіка, а сами вызьмете кныгу и вычытаете.

Прохоръ.

Воно неначе такъ и справи?..

Надежда.

Давайте жъ бумагу, я вамъ прочытаю.

Прохоръ.

Це тужь-тужь приньсь десятникъ, видь урядника... (*Дает*). Тильки, якъ що я не такъ, то ты... не глузуй,—чуешь?

Надежда (*чѣта*).

„Сотскому села Шумихи. Предписывается тебѣ пемедленно выслать для исправленія дороги, между Гороховаткой и Сеньково, семь человекъ съ лопатами и прочими принадлежностями, при двухъ конныхъ подводахъ. Урядникъ Григорьевъ“.

(*Видает*).

Прохоръ.

Онъ вона про вищо! А покажи мени: де тутъ лопаты, а де прынаглѣжосты?

Надежда.

Осьдечки.

Прохоръ.

Дывы!.. Зовсимъ не похоже на лопаты.

Надежда (*сміється*).

Ходимте, докы у мене е зайвий часъ та никого нема въ хати. я вамъ прокажу азбуку и вы побачите, якъ швидко у насъ пиде грамота.

Прохоръ.

Та я той... Ну, а якъ дизнаютця та вхоплють на зубкы? Знаешь, якый у насъ народъ!..

Надежда.

Горенько тяжке! И якъ воно у людей неграмотныхъ, пидъ впливомъ виковичнеи темрявы, перекручуется у розумови все шыворить - на выворить. Зъ такого, котрый пье горилку, а напившысь лаецця та бьетця, або десь валяецця въ калюжи—годылося бъ що дня глузоваты, соромыты его та пекты ему разъ-у-разъ очи тымъ соромомъ,—такъ ни, не глузуютъ, а ще почытують и шанують!.. У свято напыетця, прийде до дому озвиреный, бье жинку, попе-

релякуе и порозгонять дитей, ламае все, нивечыть—и мовчять такому, не зупыняютъ его, не забороняютъ ему знущатись надъ сѣмьею... Якъ можна, винъ хазяинъ, мае волю навить и всихъ покаличыты и хату спалыты!..

Прохоръ.

Ну, щобъ хату спалыты, такъ недзя... бо то вже провзошестве и зъ разу треба скоропостыжну штахвету—до станового, чы до урядника...

Надежда (*не слушаючи его*).

А хто почне у свято, помолывшысь Богови, роботу яку, того зъ разу затюкають: грихъ, великый грихъ!.. А пьянствовать, а бытысь, а лаятысь—не грихъ?.. Свято на те, щобъ чоловикъ мавъ право на видпочывокъ, котрому жъ скортыть роботы, той може смилыво роботы и въ свято!..

Прохоръ.

Якъ же-то не грихъ роботы у свято?

Надежда.

А такъ. Бо пьянство та бійка, то чортове дило; а праця—Боже!

Прохоръ.

А може?

Надежда.

Ходимте вже скорий!..

Прохоръ (*озыраючысь*).

Чы ты и справи вчышь батька свого грамоты?

Надежда.

Справи. (*Оглядаецця*). Тильки вы не кажить имъ, бо и вони такъ точни-сенько заполахани темрявою, якъ и вы.

Прохоръ.

Якъ що такъ, то ходимъ. (*Идутъ*). Ц-сь... Лыбонь, хтось иде? (*Оглядаецця*). Ни, никого нема. Рады Бога, ты никому покы що...

Надежда (*усмихається*).

Ну, ось заразъ такъ и пиду славыты по всему селу!...

Прохоръ.

Та я такъ... Ты, звісно, вумныця, у тебе не така натура, якъ у нашихъ бабивъ. Я певенъ, що Селямыда перша почне язычыты, тамъ така язычниця!.. (*Пиилы въ хату Андрієву*).

Я в а 15-а.

Демьдъ (*выбига на прычилокъ и гука на тикъ*).

Дядьку, Андрію, а йдить до насъ водку пыть! У насъ и староста и пысарь!.. У пысаря вже ажъ пара йде зъ лысыны, а винъ ще не подастця. Прыйдете? Га? Чому жъ не хочете? Батько гниватымутця!.. Якъ не хочете, такъ наплювать!.. Треба бигты ще за четвертыною. Ну й щедрый же у мене тесь, а теща ще й тесья переважыть! (*Побигъ*).

З а в и с а.

Д і я 3-я.

І-а о д м и н а.

Та жъ декорація.

Я в а 1-а.

Надежда, Логвынь и школяры.

Надежда (*до дивчынкы*).

Не забудь же, Марынку, у ярмарку нагадаты таткови про книгу: „Родное слово“, щобъ неодминно купывъ. Я казала вже ему, а ты такы нагадай. Та ще скажешъ, щобъ заразъ пился ярмарку прыйшовъ до насъ посадовыты дерева въ садку.

Дивчына.

Скажу. А якого вамъ гостыньця зъ ярмарку привезты?

Надежда.

Ніякого.

Дивчына.

Я привезу бублыка, або медяныка.

Логвынь (*регоче*).

А мени привезы дярку зъ бублыка!..

Дивчына.

Якъ... Хиба можна?

Логвынь (*сміється*).

А якъ не можна, то й не треба. (*Дивчына пиила*).

Надежда.

Ну, ідь зъ Богомъ. А ты, Мокрыно, просы татка, щобъ купывъ тоби черевычкы, щобъ хочъ до церкви не босоничъ ходыла. (*Дивчынка побигла*). А тоби, Васылю, за мисъць ярмарку, радыла бъ пыты до хвершала, бачъ якъ зновъ увесь пидборидокъ вогныкомъ обкыдало!.. Щобъ не було лыха?

Хлопчыкъ.

Татко велыть іхать у ярмарокъ, бо никому буде воза постерегты...

Надежда.

Та вже колы велыть, то ідь. Хочъ хусткою завьяжы, а то обвитрыть тебе въ дорози... Все такы навидався бъ до хвершала.

Хлопчыкъ.

Та воно ничого!.. (*Пииовъ*).

Надежда.

Отъ и вся моя школа розѣхалась на ярмарокъ!..

Логвынь.

Я вже завтра прысяду до когось на воза.

Надежда.

Іхавъ бы зъ батькомъ?

Логвынь.

У нихъ и такъ тисно буде на вози. Титка ваша, Приська, прохалы, щобъ ихъ взяли въ ярмарокъ та ще й зъ дивкою, зъ Галькою; и зновъ двое пидсвынкивъ, чотыри мишкы ячменю... Але жъ и розгнйався Хведиръ Жовтякъ, що дядько Андрій, ни вчора, ни позавчора, — не пишли могорычу пыть!.. Лаявся на всю губу, упырёмъ славывъ дядька!.. Репетувавъ на всю вулицю „я ему докажу, я его упечу!..“

Надежда.

Зъ пьяну варняка кà-зна що. А тутъ ще й грамота моя ему въ горлянци кисткою стала. Сумно жыты середъ такого люду... Прямо хочъ тикай зъ села!..

Логвынь.

Отъ тоби й на! Якъ же це такъ? А хто ще недавно казавъ, що хто хоче темному людови освичуваты шляхъ до разумного и правдывого жыття, той мусыть умищныты свои сылы заздальгидь, бо его шляхъ буде тяжкимъ, терныстымъ, колучымъ?..

Надежда.

Я й казала. Хиба про себе?... Я жъ и чую, що мои сылы не умищени!.. Гыдкый поклепъ та образлыве пащыкуванне боляче, що дня, що часу выслухуваты!..

Логвынь.

Колы бъ мени осягнуты розумомъ хочъ частыну навукы, щобъ упевнйвся я,

що колысь зможу буты у прыгоди людымъ, не тилькы монмъ самотужжемъ та миццю своихъ жылъ, а й освитою, я не сказавъ бы такъ, якъ вы... Я такой, що якъ треба, то й голову пидъ колесо пидкладу!..

Я в а 2-а.

Ти жъ и Мыкола.

Мыкола (*здоровкаецця зъ Надеждою*).

Мое почтеніе вамъ! Какъ жывьете-можете, а мы благодаримъ пакорно. Разви такъ, што не помните меня?.. Припомните: княжеской камарденерь!.. Годовъ два зъ половиною назадъ—ни большъ ни менчъ, какъ мы у вашихъ гасподъ были у гостяхъ; вы были тогды пры барышни и мы вамъ адрикумельдовались?.. Ну, теперь еще рикумельдуюсь. Вотъ. (*Даетъ вызытну картку*).

Надежда.

Це жъ що? (*Чыта*). „Николай Григорьевичъ Шкуровъ“.

Мыкола.

Это, значыть, я. По просту наше прозвыще Шкура; но пры сертучной либо пры фрачной пари, какось оно не подходить. Я, значыть, посланъ ихъ сіятельствомъ у деревню сдѣлать кой-каки распоряженя... А ваши барышня какъ услыхалы и гаварять: возмишь письмечко, по дорогѣ завезете... Да! Ну, я какъ ѣхаль туда такъ забиль, а теперь, на обратномъ турне, успомнылъ и... Вотъ вамъ оно. (*Даетъ письмо*).

Надежда.

Це вы бильшь двоохъ тыжднивъ поддержалы письмо?

Мыкола.

Да, бываетъ... Немного попачкался канвертъ, а прочее пустякы... Да!

Надежда (*роскрыва лысть*).

Ага! (*Чытае*). Онъ якъ?

МЫКОЛА (до Логвыня).

Послушай ты, хранть, сапогы въ ранть! Уступы-ка мѣсто, а самъ хочь и постой... (Сидя). Достаточно сегодня жарко, не взирая на осенню температуру!..

ЛОГВЫНЬ.

Пиду до дядька Андрия на тикъ, лыбонь, воны ячминь віють,—допоможу. (Пишовъ).

НАДЕЖДА (чыта).

Такъ, такъ! (Упустила картку).

МЫКОЛА (пиднима).

Извольте.

НАДЕЖДА.

Визьмить соби.

МЫКОЛА.

Это вамъ на память. Теперыча скрозь мода, даже промезь лакеевъ и кучеровъ движеніе цывылизаціи впередь... Да! Я вамъ и хватаграфію свою у другой разъ подарю, штобъ вы у альбомъ... Альбомъ у васъ есть?

НАДЕЖДА.

Байдуже. (Чыта).

МЫКОЛА (кладетъ била неи картку).

Теперь даже не прылично безъ альбома. Какойсь-нибудь гость, али ухажоръ дарыть вамъ хватаграхвію, такъ надо ее въ альбомъ... Да! Въ дешевой распродажи можно выгодно купить. Мы всѣ, котори княжески, покупылы... Да, теперь альбомы очень въ моди!

НАДЕЖДА (дочытала лыстъ).

Ну, Слава Богу!

МЫКОЛА.

А правда?

НАДЕЖДА (хова лыстъ въ кешеню).

Що таке?

МЫКОЛА.

Вы говорыте, Слава Богу, што всюду альбомна мода проныкаеть?

НАДЕЖДА.

Ни, я не про те... Це я де-що радистне прочытала въ лысти.

МЫКОЛА.

Да? (Помовчавъ). Штожь, вы тутъ, какъ гаварать, школу имѣите? Это не худо. Мы, котори люди понимаемъ образованіе, такъ должны деревню отъ невѣжества ослобонять поскорѣе... Да! Какъ же ваша прогрессія на счетъ грамотѣйства имѣетъ движеніе впередь?

НАДЕЖДА.

Вы-бо не кажить такихъ словъ...

МЫКОЛА.

Не любыте заковырыстыхъ, али не понимаете?

НАДЕЖДА.

Не люблю и нехай: не понимаю!

МЫКОЛА.

Да! Слыхалы: война опьять?.. Тамъ всѣ теперь національности и, знаете, такая пошла промезь ныхъ катавасія и демонстрація... Ахъ, да, вы не понимаете этихъ словъ! Значыть, это Испанія гаварыть: „я желаю!..“ А Италія и себѣ гаварыть: „и я тоже желаю!..“ А французъ крычыть: „пардонъ мусью!..“ То есть теперешня политика на столько прозрачна, что ничего не выдать! Возьмешь газету, чытаешъ, обдумуешъ и только одно выдышь: прозрачно, но не ясно; просто, но довольно хытро!.. Господа театры прыставляли.

НАДЕЖДА.

Справди? Цикаво!

Мыкола.

Да... Но только зачѣмъ они по деревенскому все? Это довольно глупо и неприятно. И вулиця деревеньска размалевана на полотнѣ, и хаты, и разговоры простые и—ни альхитиетурь, ни костюмовъ, ни умныхъ словъ... Неприятно! У цирку забавно. Какъ выбижить, къ примѣру, барышня, платя короткое выше колѣнъ, икры толстыи, сынпатычныи, покрутить это сюды-туды корпусомъ и сейчасъ хопъ на лошадь и ~~пойдетъ~~ скакать и кричать: „Ухъ! ухъ, ухъ!“ А публическѣ плещеть въ лодочки. Да, занимательно, не заснешь! А потомъ...

Надежда.

Нн, вы вже краще про театръ кажить.

Мыкола.

Ну, такъ и быть. Впрочемъ, зпервоначалу оно и ничего, занимательно. Поднимается это занавѣса и выходятъ какаясь чужая барышня и начинать бѣгать по возвышенности и гаварыть: „не хачу я кушать майской каши и газетовъ чытать...“ И заплакала отъ скуки. Тутъ выбигаить старычокъ, та какъ закрячить: „жарко мнѣ, ахъ какъ жарко! Наденька чего плачешъ?..“ Штось-то пагаварыль-пагаварыль и пайшовъ спать. Потомъ выйшовъ Макарка и почаль объяснять про прачокъ, што они платки крадутъ... Вотъ это такъ правыльно. Прачки народъ разбесовѣстной, не только у господъ, а и въ нашего брата крадутъ—и платки, и манышки, и карпетки... А мыють билье звесткою и жалвеемъ. А потомъ почаль Макарка потишаться надъ барышнею: „вы гаварыть деревеньска простота“. Дали заговорыль объ учености и на счотъ божественного; наконецъ того, схопылся, взявъ мамзель етую подъ ручку и пайшовъ у праходку... Тутъ вышла друга барышня и другой кавалеръ, балталы-балталы, ажъ

покамѣсть не выбѣгъ опять тотъ старычокъ и почавъ смихотворыть: „ежелы, гаварыть, бландынка—дура, такъ это Пашка; ежелы брунетной кавалеръ, такъ это Макарка!..“ Валяль-валяль дурака, ажъ покедова занавѣса не закрылы. Какъ закрылы занавѣсу, жыды заиграли на скрипкахъ и на трубахъ. Хорошо каналіи играють!.. Только што не все подъ ногу: играють, играють и какурать подладять подъ ногу, а потомъ зразу затягнуть какось уже зовсѣмъ не ладно... Да! Господа повставалы и пайшлы: мужеской полъ у бухветъ, а дамской у комнату... Предводительской поваръ моргнуль на меня, я и догадался. Пайшлы у расторацію, выкушалы по стакану пыва и по стакану сантурынського и закусылы колбасой... Еще выкушалы сантурынського и еще закусылы колбасой. Пайшлы. Прыходимъ у тятры, представленіе идеть и вже на деревеньской манеръ и такъ это показалось намъ неприятно... Андрий, Стеха, Олена, Мартынь? За для чово это? Простые и даже безсовѣстные разговоры!.. Не стоить, право, росказувать объ етомъ „Глытаѣ“...

Надежда.

Пожалуста-бо, роскажить?

Мыкола.

Какіе вы любопытни? Какъ заговорылы это они деревеньскими манерамы, а барышня ваши и сибѣ. Ну такъ это имъ не подходить... Я ихъ зразу упозналъ: бровы начернены, глаза кругомъ обведены, какъ будто вони у очкахъ—смѣхъ да и только..! А на головѣ у нихъ очепокъ. Вотъ это уже, такъ очень глупо!..

Надежда.

Чого жъ глупо?

Мыкола.

Очепокъ? Разви еще не глупо? Нонче даже рѣдкая куфарка носыть очепокъ. На

што уже у городи торговки, што яблуки али семечки продають, и тѣ волосы стовбуромъ чешуть и шпылька брондзовая!..

Надежда.

Кажить дали про театр?

Мыкола.

Вотъ я сувѣтувалъ бы и вамъ прычоску переменить.

Надежда.

Або кажить про театр, або...

Мыкола.

Да! Почалы барышня ваши усяки плаксыви речи выговарювать, я ледва-ледва удѣржався одъ смѣху. Когда бѣ поваръ не штовхонувъ меня разовъ сколько подъ бокъ—раздохотався бѣ!.. И вотъ, выйшовъ парень Андрій, значить, мужъ Оленинъ. Какъ выйшовъ и загаварыль: „не могу я, гаварыть, штобъ кожу мою собственную мазалы саломъ, потому што отъ етаво никотораго мнѣ удовольствія!..“ Выйшовъ другой чалавекъ, пьетъ ето чай и гаварыть: „пойдемъ до волости на счетъ механизму и всякой процендуры, штобъ усяки хвакты, куплеты и сословія“. Заковырысто, каналія, раздобарювавъ, жаль што не довго. Потомъ выйшлы ваши барышня, да какъ заголосять, какъ заголосять!.. А Андрій ихъ обнимаитъ и объявляитъ: „не терзай меня страданіямы чувствительными, потому што Богъ на небесахъ, а я тебя оставляю!..“ И занавѣсу закрылы. Пайшлы мы опять у расторацію, подкroppылись сантуринськимъ и уже закусылы по порціи судака, по польски, прыкурулы, пагаварылы; приходымъ въ театръ прыставленіе вже йдетъ. Парни и дѣвки идуть и поють: „Ой дубъ, дуба, дуба, дуба!..“ А одынъ парень въ присядку шмалыть; тутъ скрипка и бубонъ... Когда бѣ еще гармонія? Ето было

веселое прыставленіе; только ежемы бѣ еще надѣлы хочъ двѣ-тры маски, тогда смивнѣй було бѣ!.. Закрылы занавѣсу, поваръ подморгнувъ на меня, ну я не согласылся, потому и такъ, признатця, у головѣ шумѣло довольно несносно и за галстукомъ уже було порадочно... Подзвоннылы и знова открылы занавѣсу. Ну, тутъ вже я ничево не розобралъ: старычокъ штось пагаварыль-пагаварыль и пайшоль... Такъ только можно було понять, што достаецця бѣдному старычку. Ажъ тутъ барышня ваши, какъ выбижать, какъ закрычатъ, какъ заверещать, какъ зарегочуть, чысто, какъ самашедчіи! Меня смѣхъ такой разобралъ, я какъ прыхну... А тутъ зо мною рядомъ какойсь-то гаспадынъ сидѣль, да какъ штолхонѣтъ меня подъ бокъ, да какъ засычыть на меня: „дуракъ ты!..“ Тогда я понявъ, што сміятьця не полагаецця. Одколь не возьмысь Андрій: а барышня какъ закрычатъ: „Андрій!“ А онъ ихъ какъ садонѣтъ у груди, а оны и впалы. Потомъ выхопывъ онъ ножъ, у пастуха, да какъ полоснетъ имъ старычка, дакъ тотъ такъ и быркыцнулъ до долу!.. „Ну, убейте меня, али закуйте!“ гаварыть Андрій. И занавѣсу закрылы. Правда, ничево интереснаго и непонятно?..

Надежда.

Та якъ вы розказалы, то я ничого не поняла.

Мыкола.

Потому што нечево и понимать: одна простота и деревонщыва. Да!.. Даже какіе-то гаспода гаварылы: „однообразіе, безъ всякаго разнообразія!..“ Послѣ етаго, у нашихъ гасподъ былъ вужинъ, шампанское пылы, мороженое кушалы... Я такъ много мороженого зкушалъ, што ажъ внутрѣ почало замерзатъ... (*Регоче*). Который теперъ часть? (*Дывытця на годынныкы*). И съ тѣмъ, такъ сказать,

што до приятного свиданія. (*Почолом-кався и пишовъ*). Пора въ путь вояжь!

Я ва 3-я.

Логвынъ (*трохы раницъ пидійшовъ и слухавъ*).

Що винъ тутъ розказувавъ про театръ, я ничего не розибравъ?

Надежда (*сміється*).

Отъ такъ же и я розибрала... Тиль-кы, що я вже сама бачыла театръ не разъ.

Логвынъ.

Бачылы? Овъ? Щожь воно таке?

Надежда.

Нехай колысь прочытаю тобі що вебудь театральне и розкажу. Оцей лакузований людъ, якъ ось и Мыкола, це покаличеный народъ, котрый почыва науку не зъ початку, якъ треба, а зъ киньця. Попаде у панськы покои, та якъ одягне сертука та фрака, то вже винъ личыть себе не простымъ и першь всего цураетця ридной своей мовы... А якъ навчытця чытаты, видъ такого жъ лакузованого перевертня та чыта що попало, безъ толку, тоди пышы пропало!.. Простого розуму позбудетця, а освиченого не досягне и все ему въ паморокахъ скаламутытця и те, що кожый втяме, ему здаетця не зрозумилымъ... Цилкомъ стане схожий зъ попугаемъ, хочъ заразъ садовы его въ клітку!..

Логвынъ.

Колыбъ мени побуваты у театри?

Надежда.

Щобъ зрозумиты, що таке театръ, найкраще самому у нему побуваты. Колысь побуваешъ...

Я ва 4-а.

Андрій.

Чы у насъ, Надеждо, багацько е хлибивъ, бо, мабуть, прийдетця мени взять зъ собою, у ярмарокъ, хлибивъ зъ трое?

Надежда.

Е ще пятеро цилыхъ и пивъ хлиба. Берить зъ собою хочъ и четверо, а я завтра вчыню свижий.

Андрій.

Покладешъ же у мишокъ: четвертыну сала, та сыру трохы, а цыбули не треба, бо у насъ ии и такъ мало, —придетця купуваты. Лыбонь, ты казала, що й кашныка треба купыть?

Надежда.

И кашныка и покрышокъ зо тры. И сыто вже продерте, ажъ у трехъ мисьцяхъ... Я вже латала-латала!..

Андрій.

А чы не пора лагодытись до обиду, якъ ты думаешъ?

Надежда.

Якъ лагодытись, то й лагодытись. (*Встае*). Та прывезить, тату, Настусю до дому, це вже ий годъ скинчывся, не наймайте бильшь.

Андрій.

Та вона дома не зайва буде, бо тобі, такы що не кажы, треба помишныцю... Слава Господеви, хлибець у насъ цего року зародывъ, не попухнемо зъ голоду.

Надежда.

Настуся помогатыме мени въ работи, а я ии вчытому грамоты. На мою думку и Костя бильшь не найматы бь?..

Андрій.

Э, це вже ты багато захотила... Ну, ходимъ же обидаты.

Логвынъ.

А я вхоплю видро та збигаю до крыныци, прынесу свижон воды. (*Хутко пишовъ въ хату*).

Андрій.

Друзяка парняга. (*Пилигы въ хату*).

Я в а 5-а.

Прохоръ и Солоха.

Прохоръ (*въ чемерци, у вузькихъ штаняхъ и зъ бляхою*).

Не хотивъ-бы я на те весилле йты, такъ не можна жъ не йты, бо тамъ, сказать, уся наша паравхія буде: староста, пысарь, може и урядныка запросять?.. Сывуватымуть пыты горилку, знаю, що сывуватымуть... Пытыме староста, пытыме й пысарь, якъ же мени не пыты? А ще якъ урядныкъ прыпожалуе та скаже: „выкушай соцький!..“ Якъ же я зможу не выкушати? Бачышь, що иноди трапляютьца таки задачи, що де-кому слидуе пыть!..

Солоха.

А Андрій такы не пишовъ на сватанне, разивъ зо тры клыкалы, не пишовъ!.. Невже й на весилле не пидуть—ни Андрій, ни Надежда?

Прохоръ.

Такъ Андрій же не пры которій довжноты, ему можна й не пыты, ему можна иноди и не выпыты; а началныкови, якъ отъ мени, не полагаеця...

Солоха.

Чомъ ты не заткнувъ горлянки Хведорови, якъ винъ коренывъ Андрія и видмакомъ и упыремъ?..

Прохоръ.

Ежели бъ винъ почавъ быты и викна у Андріевій хати, чы тына ламаты, такъ и тоди ще треба змизкуваты, чы буде це нарушеніе порадкивъ въ тышыни, чы не буде?

Солоха (*дыветця*).

Хиба?.. Чого це Мыкышкамъ забанулося винчаты молодыхъ ажъ у Таранивци, ажъ за дванадцять верстовъ?

Прохоръ.

Нашъ пипъ позавчора раптомъ заслабъ и давъ запыску, що дозволя винчаты у Таранивци. Колы бъ не тее, то ихъ ще позавчора звинчали бъ.

Солоха.

Онъ воно що?

Прохоръ.

Безъ запыскы не полагаеця.

Солоха.

А якъ же теперь буде дытына Хвенчына?

Прохоръ.

Я бъ тоби и розтлумачывъ це дило та чы ты жъ втямышь? Ты понымаешъ, що таке розносна книга? Бачышь, вже зразу и вырячылась!.. А що таке сергучъ? Э, то-то жъ бо й е! Треба усе понымать. Сергучъ на те, щобъ зъ него печати до бамагъ налиплюваты!.. Повинча пипъ Демыда и Хвеньку и заразы дытыну запыше и якъ печать прылипыть... Ще не розибрала? Ну, отъ, прымеромъ, оце ты, такъ це буде Хвенька, а оцей стовпчыкъ—Демыдъ, а межъ нымы дытына, це, скажемъ, я... Повинчалы, запысалы, печать прылипылы и положеные на законнимъ основаныи скоро-двыжыме и правыльне... Доки не винчани—беззаконны, а повинчани—законъ!.. (*Чутно гуркитъ, дзвинкы, дали есильный спивъ. Спивъ раптомъ обрываеця, чуеця крыкъ и гвалтъ*). О, вже вчынылось изъ закона якесь беззаконны!..... (*За лаштункамы голосы: „держы, держы, переймай!..“ „Нерушите, не рушите, не хапайте за*

поводы!..“ „Колесо, колесо злетило!..“ „Перекынулъсь! Молодого поволокло за возомъ!..“). Я жъ кажу, або нарушеные порядкивъ въ тышны, або беззаконныя?.. (*Пишовъ на гвалтъ*).

Хведиръ (*бжыть туды жъ*).

Що тамъ вчынылось?

Я в а 6-а.

Васылына (*перелякана бжыть ему на зустричъ*).

Ой, таточку! Демьдови кони голову розбылы!.. Я жъ казала буярынови: не давайце Демьдови коней поганять, бо винъ пьяный!“ А буярынь не послухавъ мене.

Хведиръ.

Де жъ Демьдъ успивъ напытысь?

Васылына.

Заіздылы жъ по дорози до монопольки. Демьдъ якъ запустывъ коней та все батогомъ, батогомъ хлеска!.. Кони бжыть скилькы духу та все хвыцають; а Демьдъ все батогомъ стеба! Дали злетила люшня, а згодомъ и колесо!.. Все мы попадады зъ воза, а Демьда зачепыло виссю за пояса тай поволокло!.. Степанъ Горбатый заразы прыбигъ, перепынывъ коней и повивъ до дому, кленучы насъ... Каже: „понаровылы мени коней, не варта було й позычать такимъ свынямъ!..“ (*Проводяты пидъ руки Демьда, зъ перевязанною головою*).

Я в а 7-а.

Ти жъ, Демьдъ, Хвенька проходыть зъ весильными гостями, старосты, буяре, дружны и народъ.

Хведиръ (*до Демьда*).

Здорово розбывъ голову?

Демьдъ (*маха руками*).

Наплювать!.. (*Его повелы*).

Гаврыло.

Треба тилькы намочыты горилкою рушныка або хустку, обвязаты голову и завтра буде здоровъ. Я старостую бильшь трыдцятка годивъ, такъ траплялося не разъ, що обомъ—молодому и молодій, головы попровалюють, то заразы намочышь рушныка горилкою, обвяжешъ головы и завтра все якъ слидъ благополучно!..

Народъ.

А бува, бува!..

Одынъ зъ народа.

Та отъ, якъ позаторикъ, Сенька Гусакъ вертався видъ шлюбу...

Хведиръ.

Ни, люде добри, не такъ воно це дило е, якъ вамъ вбачаетця. Тутъ не безъ прычыны, це почынено!.. Гаврыло, чья оце хата, Андріева? А хто такый Андрій? А хто его дочка Надежда? Кажы прямо!..

Народъ.

А хто жъ винъ? А хто жъ вона?

Хведиръ.

Гаврыле! Хиба Андрій не упырь?

Народъ.

Хто упырь? Андрій? Хиба?

Хведиръ.

А чы его покійна жинка не видьма була?

1-й изъ народа.

Жинка?

2-й изъ народа.

Та казалы що...

3-й изъ народа.

Авжежъ що видьма!..

Хведирь.

А дочка его Надежда ще бильша видьма!.. У мене е на те прикметы, що вона видьма!.. Ось тутъ до речи и господынь пысарь...

Пысарь.

Да, я здѣсь: трезвъ и при своей пам'яті... (*Хытається*).

Хведирь.

Воны намъ ти прикметы заразъ и розтовкують!

Пысарь.

Краще всякого снотолкователя изясню и выпьемъ вообще...

Хведирь.

Шкода, що нема ще господына старосты!.. Та ось, господынь соцький тутъ. Идемo заразъ у хату до Андрія и я привселюдно выведу обохъ—батька и дочку, на свижу воду.

Прохорь.

Ежели што какъ...

Солоха.

Ой, не слухай, чоловіче, брехень!..

Прохорь.

Що ты тямшь? Ежели, которе не-вкосьнительно обозначено: упырь и видьма!.. Такъ тутъ треба скоропостыжно понимать, потому кожному хазяинову, у которого корова е, недзя безъ молока зоставаться!..

Солоха.

Та звисно!..

Хведирь.

Ведить передъ, господынь соцький.

Прохорь.

Ходимъ, господа! Тилькы, щобъ не було никоторого нарушенія порядка въ тышыни,—розумієте?

Пысарь.

Ибо статья... Извлеченіе изъ свода законовъ... управа благочинія. (*Пышлы*).

2 ОДМИНА.

Декорация 1-й діи.

Я в а 1-а.

Андрій, Надежда и Логвынь.

Андрій (збирається).

Це ты мени стилькы загадала покупокъ, що й десяткомъ карбованцивъ не одбудусь: и полотна тоби купы, и сытцо купы, и заполочи купы...

Надежда.

Кольсь виддамъ вамъ, видроблю.. Барышня у лысти пышуть, що надіюця скоро дистаты дозвиль на видкрытте школы: вони помогутъ мени экзамена выдержаты на учительку, тоди я буду жалуванне получать... Може рубливъ сто мени дадутъ?

Андрій.

Такъ, такъ, дожыдайся... Коль ты ще воно буде?

Надежда.

Я певна, що буде. Тоди вже я не дозволю вамъ роботы безъ спочывку.

Андрій.

Ну, це... Докы я въ сыли, доты й роботыму.

Надежда.

Вы вже попрацювалы на своимъ вику вдоволь и я мушу васъ пожалиты. А якъ вылюдніють Настуся та Кость, то вже вони мене пожаліють...

Логвынь.

Може ще е таки люде, що васъ пожаліють?

НАДЕЖДА.

Тату! Що винь мени все *выкае* та й *выкае*? (*Шукае чогось въ скрыни*).

ЛОГВЫНЪ.

Вы вчителька моя, стало быть, не повиненъ я казаты вамъ *ты*.

АНДРІЙ.

По правди сказаты, у мене иноди и въ самого языкъ засакае, щобъ сказаты на тебе *вы*?

НАДЕЖДА.

Оттакон!

АНДРІЙ.

Ты, звисно, вчена...

НАДЕЖДА.

Почнить знову тѣи жъ. И де я загубыла мою книжечку запысну? Николы зо мною цего не траплялось, а це якъ на грихъ!.. Нема и въ скрыни. Де жъ це вона?..

Я в а 2 - а.

Прохоръ, пысарь, Хведиръ, Солоха, Гаврыло и други входятъ разомъ.

ПРОХОРЪ.

Порадокъ, порадокъ господа!

Хведиръ (*показуе на Надежду и Андрія*).

Панове громадяне! Ото видьма проты васъ стоить, а ото упырь!

АНДРІЙ.

Що це таке? Втыся пьяный въ мою хату та ще й безчестышь дочку мою й мене?.. Геть зъ хаты!

ПРОХОРЪ.

Стрывайте, Андрію! Ежели що винь докаже, що ваша дочка видьма?..

АНДРІЙ (*зъ жахомъ*).

Що це таке?

ХВЕДИРЪ.

Вси вы знаете, панове, що у нашій крыныци, котра межы моею и Андріевою левадою, вода була на все село; ще покойный батюшка, отецъ Есыпъ, разъ-у-разъ брамы воду зъ нашон крыныци на самуварь.

ПЫСАРЪ.

Верно. Я самъ этотъ чай пывъ и да же зъ ромомъ, а пры не имѣнии такового— зъ водкою.

ХВЕДИРЪ.

Теперь ни зъ сего, ни зъ того вода зъ крыныци позчезла, тилькы багнука та жабы на дни. Ставь я думаты та гада ты, зъ якои бъ-то воно прычины?

АНДРІЙ.

Ось въ чимъ ричъ? А зъ тѣи прычины, що воду здорово выбираютъ: за для конопель, за для скотыны и на всяку потребу... Ставкивъ же у насъ теперь нема?

ХВЕДИРЪ.

Стрывай, стрывай!

ПРОХОРЪ.

Пождить, Андрію.

ХВЕДИРЪ.

Почавъ я, якъ тилькы смеркне, засидать у левади, щобъ постерегты... Мушу вамъ, панове, признатись, що мене кой-хто навчывъ кой-чому и такъ, що я можу бачыты видьму своими очыма.

ГАВРЫЛО.

Винь може... верно!

НАРОДЪ.

Ага! Онъ що? Та невже?

ХВЕДИРЪ.

Дывлюсь, прыходыть Надежда до крыныци, набрала у видра воды, понюхала,

щось пошептала, сплюнула и вылыла ту воду протывъ вечерней зори и пишла зъ порожними видрамы.

Надежда.

Що воду вылыла, це правда; а щобъ шептала, то це неправда, бо не вмю шептать... Якось у день не було часу збигаты по воду, я побигла смеркомъ, а тутъ якъ разъ Дудненкы налылы дви здоровенныхъ бочки, зачерпнула я видромъ, глянула—одна тилькы грязюка, а й вылыла ии додолу.

Хведиръ (*кризно*).

Але замовкны покы що, будешъ балакаты описля!

Надежда.

Ни, не замовкну!.. Вы правытете якусь нисенитныцю, якусь дурныцю, а я мушу все те слухаты,—за для чого?

Прохоръ.

Надеждо! Не нарушай порадкивъ въ тышныи.

Надежда.

Що вы мени торочыте, чого й сами не тямыте?

Прохоръ.

Якъ, я не тямлю, я?

Надежда.

Що азбуку до буквы и вивчылы та вже...

Прохоръ (*кыви и морга на неи*).

Ц-сь! Не треба! Надеждо, мовчы!..

Хведиръ (*шука щось у кешени и на решти выйма запысну книжку*).

Осьдечкы! Ось що я знайшовъ!.. Паламаривъ сынь, якъ прочытавъ мени, що тутъ напысано!.. Слушайте!.. Господынь писарь, чытайте! Панове!

Пысарь.

Любопытно! (*Бере книжку*).

Надежда (*побачыла*).

Моя запысна книжечка? Виддайте мени ии заразы!

Хведиръ.

Ага, виддайте? Не видавайте!

Пысарь.

Не, атанде мадамъ! (*Выйма очки*).

Надежда.

Мого сміють мени не видаваты?

Пысарь.

Позвольте, прочытаемъ и поступымъ по обстоятельствамъ... Одно скло чымсь замазане. (*Плюе на окуляры и вытера*).

Прохоръ.

Надеждо!.. Пожалуста, нехай буде порадокъ... и буде благополучно все...

Пысарь (*надивъ окуляры чыта*).

„Свиты, свиты мисяцю и вы ясни зирныци,
Нема мылого—не весели вечорныци“ ...

Хведиръ.

До чого воно оце йде, га?

Молодыця.

Це писня, але теперь вже ништо такихъ не спива! Нема моды на таки писни!..

Хведиръ.

Такъ за для чого жъ воно спысано?

Надежда.

За для того, за для чого мени треба.

Хведиръ (*зло регоче*).

Тоби? Ни, скажи и намъ за для чого?

Надежда.

Не зрозумієте ви, дядьку! Це той глекъ, у котрый ваша голова не влизе. Годи каламутъ заводыты, наша хата до того не звыкла... Виддайте книжку!.. (*Хведиръ регоче*).

Пысаръ (*чыта*).

„Котылыся возы зъ горы, та въ долини стали“. (*Говорыть*). Въ старовыну самъ спивавъ оную, подь гытару. (*Чыта дали*). „Сокиль зъ орломъ купалыся“... (*Говорыть*). Нехай соби купаютця, когда имъ жарко.

Надежда.

Це прямо якась знущанне, якась насыліе!

Пысаръ (*чыта*).

„Колы у кого зубы заболять“.

Хведиръ.

Слушайте, слушайте, панове!..

Пысаръ (*до Хведира*).

А вы не мишайте! (*Чыта*). „Колы у кого зубы заболять, то треба на молодыку выйти зъ хаты у ночи, стати на прычильнымъ вугли и трычи промовыты: „иды соби, болячко-зубачко, на очерета та на сухи болота, тутъ тоби не жыты, жовтои кôсты не сушыты, щырого сердца не крушыты, червоной крови не пыты... одъ молитвенной, рожденной, хрещенной, сповиданной, прычашенной“... Сказать имня болячого, потимъ сплунуть на ливый бикъ. Такъ треба промовляты тры вечернихъ зори, тры пивнычныхъ и тры свитовыхъ, а якъ не поможе“...

Хведиръ.

Нуте, панове громадяне, я васъ пытаю, що це воно означа?

1-й изъ народа.

Ликарствые.

2-й изъ народа.

Сказать бы: средствые?

3-й изъ народа.

Шепотинне?

Пысаръ (*чыта*).

„Якъ кого вкусе гадюка“...

Хведиръ.

Такъ и не видьма вона?.. И колы бъ вона була прырожденною, то ще бъничого, а вона вчона, стало быть, люта видьма! Доки жъ мы ій дывытymesя въ пыку? Ось роздягнемо іи заразъ и якъ що у неи е хвостыкъ, такъ вона прырожденна!.. Треба зъ нею расправытысь!..

Надежда (*зъ лякомъ*).

Боже мій! Що це таке?

Молодыця.

Я бачыла у неи хвостыка своимы очыма, такый якъ у зиньского щеняты!..

Гаврыло.

И справди роздягнемо?

1-й изъ народа.

Та, мабуть, прыдетця?

2-й изъ народа.

Таке дило, що колы треба, то треба...

Логвынь (*у бикъ*).

У мене кровь почына закипаты!..

Хведиръ.

Берить іи! (*Народъ завомонивъ*).

Надежда (*зъ крыкомъ*).

Якъ вы сміете? (*Бижыть до батька*).

Андрій.

Схамэнитця, люде добри! Чы вы зь п'яну, чы подурилы?

Логвынь (*зхопыўз сокыру зь пидъ лавы*).

У мене ось сокыра въ руци!.. Моя голова пропаде, але докы трехъ-чотырехъ не розмижжу вашыхъ—не пидступыте до Надежды!..

Хведирь.

Ахъ ты жь блазень, байстриюкь! Зхопыть его.

Логвынь (*крыкомъ*).

Не руштесь зь мисця! Дядьку, Хведоре! Кому, кому, а вамъ не животиты!.. Пидходьте першы.

Прохорь.

Логвыне, я тоби велю невоскынтельно!..

Логвынь.

А я васъ не слухаю!..

Я в а 3-я.

Ти жь и панна Ольга.

Ольга.

Здрастуйте! (*Вси загомонили: „панна!“ и видступаютьця*). Що це за гости у тебе, Надю? (*Здоровкаецця зь нею*).

Надежда (*тремтыть и плаче*).

Самъ Богъ васъ прынес! Захыстить мене видь оцихъ звиривь!.. Мене осоромыты хочуть!..

Ольга (*зъ жахомъ*).

За вицо?

Андрій.

А отъ, спытайте у нихъ?

Хведирь.

Вона видьма!.. Я кныжку таку знайшовъ, по котрій вона видьмувала!..

Пысарь (*подае кныжку*).

При семъ имъю честь почтительнѣйше представить!

Ольга (*роздывляецця кныжку*).

Запысна кныжка, котру я подарувала Надежды!..

Народъ.

Якъ?.. Що таке?..

Ольга.

Я прохала Надежду спысувати сюды усяки писни, котри почуе видь людей, найпаче видь старыхъ: казкы усяки, прысливья, ворожбу... И ця работа чуть ий не прычыныла лыха? Ахъ вы жь дыкый народъ!.. (*Сметця*).

Пысарь.

Точно, сторона дыкая, монгольская!.. И какъ мнѣ зь ными дальше быть?

Ольга.

Горилкы побильше пыть!

Пысарь.

Точно, единственное утишение въ горести напрасной!

Ольга.

И соцькый тутъ, началныкъ?

Прохорь.

Такъ тошно!.. Какъ ежелы которе скородвыжыме превзошество...

Ольга.

И бляха на грудяхъ блестыть, а въ головы свыстыть?

Солоха (*тыхо*).

А що, казала я тоби?

Прохоръ.

А, не... безкопий мене!

Ольга.

Боже, Боже! Коли ты здѣмешъ полуду зъ очей цего темного люду? Це, Хведоре, все зъ твого привоуду?.. Оглянься ты на себе: чымъ ты бувъ и чымъ ставъ? Де твои достатки, де твоя худоба?.. Все въ шыньку! И все те скоилося черезъ твое ледарство та черезъ заздрить. За мисць праці ты баглаи годувавъ, та завыдувавъ всимъ, всихъ ганьбывъ и пестывъ дурну думку: чы не можна бѣ до своихъ рукъ прыбраты все те, що други гиркою та невсыпучою працею здобувають?.. А жинку свою до чого ты довивъ що-денною бійкою?.. И очей не ховаешъ? И цей звиръ чоловикомъ зветця? Але годи, не хочу бильшь докоряты тебе, ни корысты зъ того, ни толку не буде!.. Я зъ тобою и ранищъ розмовляла про це, на рѣшти жъ переконалася, що ты зъ тихъ, котрымъ хочъ килъ на голови тешы!.. А отъ краще я поділюся моею новыною зъ тими, котри ще не пишли по Хведоровій стежци. Я выхлопотала у начальства розрешеніе открытъ въ нашій слободі школу.

Де-хто.

Та невже? Це ловко! Отъ тоби й на!..

Ольга.

Отъ якъ ваши диты вчытымутця грамоты та по троху навчатымутця розумиты та змизковуваты те, що конця навкругы ихъ, то и жытте ихне пиде инчымъ шляхомъ и инчымъ напрямкомъ; и инчи выроблятця межы людмы видносны и погляды на все...

1-й изъ народа.

А по скильки жъ прыйдетця платыты зъ души на школу?

2-й изъ народа.

Це нова халепа!

3-й изъ народа.

Эге, хочъ здыхай!

Ольга.

Платыть не будете, я открываю школу на свій коштъ.

1-й изъ народа (*весело*).

Ага!.. Ну це нича ричъ.

2-й изъ народа (*смѣючысь*).

Якъ не платыть, такъ...

3-й изъ народа.

У мене трое хлопчакивъ, нехай вси вчатця! Коли вже вчыть, то всихъ вчыть, онъ я якый!..

Хведиръ.

У мене дитей малыхъ нема, то мени школа безъ надобности...

Я в а 4-а.

Ти жъ и Демыдъ.

Демыдъ.

Тату! Идить, давайте розпорадокъ, вы жъ, лыбонь. батько? Уже й господинъ урадныкъ пожалувалы.

Прохоръ.

Невже?.. якъ що той... Бо де началство, тамъ и я. (*Пишовъ, за нимъ Солоха*).

Демьдъ.

Васыльна побигла до крыныци, прынесла воды холодной, якъ лідъ, я намочывъ голову и полехчало.

Хведиръ.

Невже прыбула вода?

Демьдъ.

Каже: прыбула!..

Хведиръ.

А що, мыряне, чуеце?.. Якъ прытслы видьму и вода заразъ прыбула!..

Ольга.

Несчастный ты чоловікъ, Хведоре, дыкый, дыкый!

Хведиръ (*выходе регочучы*).

Не знаю, хто зъ насъ дыкый?

Пысаръ.

Страна татарская, монгольская. Какъ пры такихъ розанафемскихъ обстоятельствахъ не пыть? (*Пишовъ*).

Андрій.

О така, якъ бачыте несподивана напась!..

Надежда.

Я ледве могу зрозуміты, що це вчынылось?..

Логвынь.

Колы бъ панна не зъявылыся, то безъ душоубства не обійшлося бы!

Андрій.

Идить, люде добри, зъ Богомъ, частуваты я васъ не буду.

Де-хто.

Не коженъ може ласый до частування?..

Андрій.

Та й на балачку не сподивайтесь. А якъ хочете, то сідайте.

1-й изъ народа.

Та мене клыкано на весилле... (*Пишовъ*).

2-й изъ народа.

Тамъ десь жинка? (*Пишовъ*).

3-й изъ народа.

Тамъ, звисно, веселищъ... (*Пишовъ*).

Ольга (*сидя*).

Ну, Надю, тыжднивь черезъ два повезу я тебе въ городъ, на экзаменъ; пился того дасы въ городской школи пробный урокъ, вернемось въ село и Господы благословы працюваты, на корысть та пидмогу своимъ кривнымъ.

Надежда (*цмле ей руки*).

Чимъ я вамъ виддячу за вашу добристь до мене?

Ольга.

Я це роблю не рады подякы. (*Надежда цмле панну*).

Андрій.

Янгольская вы душа!..

Логвынь (*цмле панни руку*).

Хиба жъ не лехко у свити жыты, побичъ такихъ людей, якъ вы?..

З а в и с а.

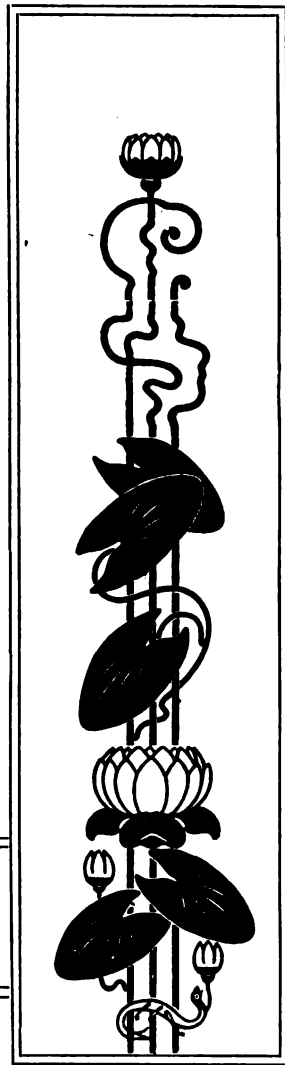
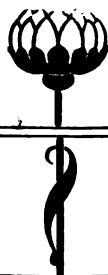
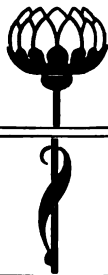

Глумъ

и помста

Драма у 5-ты дѣяхъ (сюжетъ позаыченый изъ поэмы
Т. Шевченка „Титаривна“).

Дія 1-а. У оранди.

Дія 3-я. Борець.

Дія 2-а. Мандривка.

Дія 4-а. Розлученне.

Дія 5-а. Помста.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Гаврыло Бакаляръ, багатый обыватель.

Степаныда, его жинка.

Настя, ихъ дочка.

Худолій } обыватели.
Деркачь }

Худоліиха.

Деркачыха.

Явдокымъ, бандурысть.

Тетяна, подруга Настына.

Гаврыкъ, }
Тымишъ, } парубкы.
Семень, }

Хома Нетяга, борець.

Марта, покытка.

Мыкыта, ии сынъ.

Оксюта, ии прыймачка.

Янкель, орендаръ.

Морозыха, знахарка.

Грыць, хлопець.

Тыхонъ, } слугы бакаляра.
Лепестына, }

Соцький.

Поводаръ.

Молодыци, дивчата, парубкы, диты й народъ.

Діетця зъ початку 19-го столиття.

Дія 1-а.

Оранда, дерев'яни столи, лави, ванкыр, на столи: суліи, корци, чаржы и закуска. У ванкыри: барыло, суліи, глекы и ласоци.

Я в а 1-а.

(Навкругы столівз сидять: Бова, Худолій, Деркачз и инчи стари и пидстаркувати люде. Край одного столу Явдокымз зг поводаремз; за другимз столомз грають у картз; парубкы купують у орандаря ласоци и дають дивчатамз... Народу у оранди повно).

Явдокымъ (спива).

Чы вмерты, чы жыты—
Не варта тужыты,
Доки льхо ще сміетця,
Доки въ грудяхъ сердце бьетця:
Чого жъ намъ сумниты,
Краще будемъ пыты!

Гурть.

Чого жъ намъ сумниты,
Краще будемъ пыты!

Явдокымъ.

Молодыта-юнакы, дидуганы-старыкы,
Не гайте й частыны, случной годыны,
Налывайте вына,
Спорожняйте до дна!

Гурть.

Налывайте вына
Спорожняйте до дна!

Явдокымъ.

Вась маты повывала,
Повываючы спивала,
Не бійтеса, диты, смерты,
На те й живемъ щобъ умерты.
То чого жъ сумниты,
Чы не краще пыты?

Гурть.

Чого жъ намъ сумниты,
Краще будемъ пыты!

Явдокымъ.

У юнака одна доля—
Могилюнька въ чыстимъ поли,
У юнака здобыченька:
У головкахъ травыченька,
На оченькахъ муравочка,
На лыченьку кытаечка,
На рученькахъ нагаечка,
Нагаечка дротяночка!

Гурть.

Налывайте вына,
Спорожняйте до дна!

Бова (*бье кулакомз по столу*).

Ажъ ось колы наскрызъ дошкульвѣ,
такы ажъ до самисенького деньця!

Худолій.

Ну, тай писня жъ!

Деркачъ.

Прямо чудова, такъ тебе и пече!

Явдокымъ.

Така, панове, моя парахвія, спиваты болячиць, та горячиць, щобъ проймаы слухачивъ дошкульниць!..

Бова.

Гей, жыде! Ще око меду, або й два!

Деркачь (до *Бовы*).

Та й друзяка жъ ты, Свырыде! Дай Господы, щобъ тоби и на тимъ свити що разу легенько гыкалось за це твое щыре слово!

Худолій.

И гыкатыметця, побый мене святыи гримъ, гыкатыметця!

Бова.

Янкелю, моторниць повертайся!

Худолій.

Хутчій!

Деркачь.

Швыдче, швыдче, а то нетерплячка ажъ нудыть!

Янкель (*подае у суліи медъ*).

Заразь, заразь! Осьдечкы око меду та й вже!

Бова.

Панове товариство! Пылы мы за мынуле и за покійнычкывъ, нехай надъ нымы земля перомъ, а теперь за кого пытымемъ?

Деркачь.

За кого не пыты, абы пыты.

Худолій.

Авжежъ! Мертвымъ вичный покій, а намъ на добре здоровьячко; и докыживемъ, не слидь часу гаяты, якъ у роботы, такъ и у пытви!

Деркачь.

Истынная правда!

Бова.

Выпьемъ жъ за тихъ живыхъ, котримъ ридный край милиць, нижъ хлеба окрай и дай Господы, щобъ никола не переводылысь про межъ насъ таки, за котрихъ варта що разу промовыты путне слово!

Деркачь (до *Бовы*).

Ты може маешъ промовыты про мене лыхе слово?

Бова.

Не про тебе ричъ!

Худолій.

Побый мене святыи гримъ и не про мене!

Бова (до *Явдокыма*).

Явдокыме, де ты вышкрибъ оцю писню?

Явдокымъ.

Богъ подавъ мени у виконце, — сказа-но-бо: Господь слипчивъ умудряе! Витерь голосъ нанисъ, голосъ пошептався зъ серцемъ та й выстачивъ слова, а я вже ихъ выпивую передъ охочымы слухачаы.

Деркачь.

Я охочый слухаты.

Худолій.

Послухаешъ, послухаешъ, та й запьешъ!

Бова.

Дмухны жъ, старче Божый, зъ нами рядовой та ще утны намъ якои! (*Пидносе чарку*).

Деркачь.

Хочъ бы и такон!

Худолій.

Та й зновъ почаствуемъ.

Явдокомъ.

Ловы жъ мою руку, а чарку я й самъ
донесу до рота, бо то не хытра работа.

Бова.

Ну й гострословъ, хай тоби щастыть
на довго. А ну, хыльны однимъ крякомъ!

Явдокомъ.

До пытва мене не пидганяй, бо якъ
хвоськнешъ хочъ разъ, тоди не вшпешъ
и наливаты. (*Пье*).

Народъ.

Ха-ха-ха! Ну й бандурыста!

Бова.

Ну й козарюга жъ! На очи слипый,
за те на розумъ надто выдючий!

Худолій.

Я волю почоломкатысь зъ Явдокомъ.

Деркачъ.

И я!

Явдокомъ.

А де жъ ваши губы? (*Чоломкатыця*).
Налый мени. Бово, ще. (*Бова налива*).
Дай же мени Господы писля щей,
та хочъ и щей, або й мицнищон!
(*Пье*).

Бова.

Мытець. Кожене его слово гостре, якъ
брытва.

Явдокомъ.

Бо самъ те слово кую, самъ сталю,
самъ его й гартую, та ще й не на торгъ
и не въ боргъ, а за гроши готови, за для
хатней знадобы.

Деркачъ.

Оттакого переговоры!

Худолій.

И не наважайтесь, куме!

Явдокомъ.

Языкомъ може и попередышь, а дум-
кою прыстанешъ.

Худолій.

И яжъ кажу, що даремна й праця.

Деркачъ.

Годи змагаться, частуйте!

Бова.

Явдокомъ на прымовкахъ собаку
стрискавъ.

Худолій.

Дви!

Деркачъ.

Не гайте-бо часу, частуйте!

Бова.

Гей, жыде, ще меду!

Деркачъ.

Оця промова наймудрища!

Худолій.

До самисенького серця йде!

Янкель.

Ось и медъ вже тутъ! (*Ставе*).

Бова.

Не сикайся зъ розмовою, колы не до
тебе пьютъ. Мовчы, то розумнищымъ зда-
ватимесь!

Я в а 2-а.**Ти жъ и Грыць.**Грыць (*заспанвшысь*).

До насъ якыйсь гультай прыйшовъ,
борецъ бы-то, чы що?

Вси.

Та не вжо?

Бова.

Давай его сюды! Давно вже у на-
шимъ хутори не зъявлялысь борци.

Деркачъ.

Ще того року, якъ оселилы мы оцю
Займанщыву, инколы зъявлялысь, а то
вже й не стало ихъ.

Худолій.

Теперь, куме, сыла не въ кулаци, а
у мозкови.

Я в а 3-я.

**Ти жъ, Семень, Гаврыкъ, Тымишь,
Настя, Тетяна, дивчата, парубны, по-
задь всихъ Мыкыта.**

Семень.

Та й садыть же гайдука!

Тетьяна.

Ажъ земля стогне!

Семень.

Ногамы такъ дрибно выбера, що й
очыма не потрапышь.

Гаврыкъ.

Я дрыбнищъ выберу!

Настя.

Та ты у насъ здавна хвалько!

Гаврыкъ.

Я хочъ и заразь въ закладъ!

Семень.

Ни, брате, заховайся у запичокъ,
далеко тоби до него!

Гаврыкъ.

А може ему до мене?

Татьяна.

Якъ що цей борецъ такый и дужый
якъ танцюрыстый, то завдасть нашимъ
хлопцямъ на довго пам'яткового!..

Гаврыкъ.

Або мы ему?

Настя (*глянула на Гаврыка*).

Ну що, колыбъ ты, Гаврыку, и справ-
ди бувъ такый дужый на сылу, якъ сми-
львый на промову?

Гаврыкъ.

Та вже, куць выгравъ, куць програвъ!

Я в а 4-а.**Ти жъ и Хома Нетяга.**Хома (*танцюе прыстивуючы*).

Ты жъ мене пидманыла

Ты жъ мене пидвела,

Ты жъ мени молодому

Вечеряты не дала!

А хочъ дала вечеряты

Та не дала ложки,

Насыпала въ черепочокъ

Сыроватки трешкы!

(*За нымъ музики, юрба дитей и
народъ*). Горилкы, меду! Хто тутъ ота-
манъ? Громадо, сопкый! Препогане, мер-
зене, мерзле парубоцтво, ходите бытысь,
чы боротысь,—бо я борецъ! (*Озырнувъ
всихъ*). Якъ бачу, тутъ опричь сыво-
вусыхъ дидуганивъ, тилькы блазни?

Бова.

Дошкуля митко, матери его хрийъ!

Деркачъ.

Неначе ажъ пече! Эхъ, колыбъ моя сыла!

Худолій.

Якъ бы мени, десятка два зъ горба, задавъ бы я ему!

Хома.

Та чы це жъ сыны, тихъ батькивъ та онуки, тихъ дидивъ, котри край ридный боронылы и пидпералы шыроку славу прадидивъ? Ледацюгы вы, ледацюгы!

Бова.

Правду каже!

Деркачъ.

Та ще й яку правду!

Худолій.

Чомъ винъ, панове, не зъяввся тоди, якъ я бувъ въ сыли?

Хома.

Та невже жъ никому не кортыть чмеливъ послухаты? Невже жъ ништо не цикавый повчытысь, якъ лыка деруть? (*Резоче*). Такъ ось яки тутъ юнаки! Геть же капосни пущьвирынкы, геть у запичокъ, кашу істы! Орда-бъ васъ полонила, татарва-бъ васъ подавила!

Бова.

А ну, молодята, выходи котрый, утры хвалькови носа!

Народъ.

Ну-жъ, зъявсь!

Худолій.

Не гай часу, зъявляйся мерщій!

Деркачъ.

А мы заразъ выпьемо за ваше здорье!

Хома.

А ну жъ, страхонуды! Пу-гу! Кому кортыть, щобъ я зигнувъ его въ дугу?

Бова.

Та що жъ це? Начхайте краще мени на чупрыну! Нема не одного велетня?

Хома.

Дивчата! Женить видъ себе геть тихъ вылупкивъ-блязюкивъ, чого вони тулятыся за ваши плахты? А геть, бисова дрибнота, пидъ пиче, межъ горшки!..

Деркачъ.

Дывына!

Худолій.

Новына! Якъ бы двадцять годивъ..

Настя.

Гаврыку, що жъ ты осивъ?

Гаврыкъ.

Хто, я?

Тымышъ.

Разъ маты породыла, не двичи й померать! (*Выходе*). Простору! (*Засукуе рукава*).

Вси.

Простору! Простору!

Бова.

Насъду!

Деркачъ.

Знайшлась спасенна душа?

Худолій.

Око меду за Тымоша,—жыде!

Янкель.

Чую! (*Подае*).

Бова.

Гей, Тымыше, не поганого батька сыну, захысты нашу славу, покажы, що въ насъ ще не вмерла одвага й миць!

Деркачъ.

Выдавы зъ хвалька и хвузъ и олиу!

Худолій.

Чы Тымышь борця, чы борець Тымоша, а намъ слидь почаствуваться.

Бова.

Туть тисно, на просторъ борци!

Вси.

Гайда зъ оранды! На просторъ, на просторъ!

Бова.

Янкелю, несы за нами й медъ! (*Выходятъ: Бова, Деркачъ, Худолій Хома, Тымышь и народъ*).

Янкель (*несе медъ*).

Побачымо, хто кого подужа: чы наши, чы нашихъ? (*Пишовъ*).

Парубкы.

Ходимо й мы подывымось!

Семенъ.

Ходимъ, Мыкыто! Ходимъ, подывымось... На мою думку, хто-хто, а що ты, то утеръ-бы носа цему хвалькови!

Мыкыта (*хова очи*).

Куды мени до него?

Семенъ.

Чы не ему до тебе? (*Пишовъ*).

Мыкыта.

Я ще не вмоцювался!

Настя (*глянула на Мыкыту*).

Яка у Мыкыты, ваблыва постать, вильна та хыстка! (*До Гаврыка*). Що жъ ты, Гаврыку, не выйшовъ на боротьбу, а якъ порскавъ? Мабуть ты проты борця вутла вивця? (*Регитъ*).

Гаврыкъ.

Колыбъ Тымышь не зъохотывся, я заступывъ-бы его мисце!

Настя.

Навдаху!

Тетяна.

Чого жъ гаяты часъ, паруймося до танцивъ. Старымъ цикава боротьба, а намъ танци,—чы такъ?

Гаврыкъ.

Авже жъ. Насте, пидешъ зо мною?

Настя.

Якъ поборешъ борця тоди пиду, а теперь потанцюй зъ инчою.

Гаврыкъ.

А я хочу зъ тобою!

Настя.

Не варта ты того, щобъ я топтала нови сапьянци! (*Регитъ*).

Гаврыкъ.

Та й я забуду, що у мене нови прышвы й закаблукы! (*Видходе*).

Настя.

Ну, ходимъ!

Гаврыкъ (*пидбига*).

Оттакъ бы и давнищъ!

Настя.

Ни, не хочу! (*Пишла у гуртъ*).

Гаврыкъ.

Вымучыла ты мене сегодня! (*Одйшовъ*).

Семень (*входе*).

Воны довго водытымутця тамъ! Степаныдо, гайда зо мною! (*Бере дивчыну*).

Тетяна.

Васылю, а я зъ тобою!

Семень.

Скыдаймо жъ музыкамъ на дохидь. На стиль музыкъ, щобъ просторищъ було! (*Скыдають Явдокымови гроши*).

Явдокымъ.

Якъ на стиль, то й на стиль, абы не пидъ стиль; а колыбъ на пичъ, то я бувъ бы выщый за всихъ! (*Сивъ*). Купенькои вамъ, чы довгой?

Дивчата.

Довгой, довгой, та щобъ була пидъ ногу!

Явдокымъ.

Бачъ, якъ медъ то й ложкою! (*Почына гратъ, танцюють не вси*).

Мыкыта (*зипнувся на лаву*).

Видцила буде выдницъ.

Гаврыкъ.

Гляды, Мыкыто, щобъ стелю плечыма не розвалывъ?

Мыкыта.

Якый розвале, такой и полагоде!

Явдокымъ (*спива*).

Якъ поихавъ Саврадымъ—

У поле ораты,

Его жинка Саврадымка—

До корчмы гуляты!

Гуляла, гуляла,
Доки не спылася,
Наварыла борщу, каши—
Въ поле потряслася!

Настя (*глянула на Мыкыту, говоре у бикъ*).

Ого-го, якый высокий выгнався, мало не до неба!

Явдокымъ (*спива*).

Ходыла, блукала,
Мылого шукала,
Подывыся, Саврадыме,
Яка жъ-бо я стала!

Мыкыта.

Гарна, мабутъ, якъ вихтемъ змалевана!

Настя (*глянула на него, у бикъ*).

Якый речыстый!

Явдокымъ (*спива*).

Подывыся Саврадымъ,
Ничого не каже,
Бере мылу на налыгачъ
Та до ясельъ вяже!

Мыкыта.

Нехай посолонцюе на похмилле!

Настя.

Мытець якый на прымовкы!

Явдокымъ (*спива*).

Чы іла чы не іла
Дае винъ ій пыты,
Запрягае въ борону
Та йде волочыты!

Мыкыта.

Нема крацион дивкы, якъ Настя Бакаляривна! Чыясъ доля цвите! (*Зитха*).

Настя (*у бикъ*).

Чого Мыкыта такъ ість мене очыма?
Отъ того вже я ненавядю!

Явдокомъ (*спива*).

Выпрягае зъ бороны,
Запрягае въ визъ,
Гей собъ-цабе, моя мыла,
Поїдемъ ще въ лисъ!

Настя (*у бикъ*).

Я чую плечыма, що Мыкыта дывытця на мене! (*Зыркнула на Мыкыту*).
Авже жъ дывытця. Така бь-то гарна?
(*Одвернулася*).

Явдокомъ (*спива*).

Не барывся въ лиси,
Тилькы набравъ лому,
Гей собъ-цабе, моя мыла,
Поїдемъ до дому!

Мыкыта (*у бикъ*).

И зросте жъ така краса на дыво мырови, а комусь на горе!..

Явдокомъ (*спива*).

Якъ прыхавъ Саврадымъ
Изъ поля до дому,
Та й поставивъ свою мылу
На яшну солому!

Тутъ и мы, докы Саврадымыха пидгудетця, спочынемо.

Дивчата.

Оце вже й край? А нуте, дидусю, инчу!

Тетяна.

Та й ця добра!

Настя (*пидбига до Явдокыма*).

Ще, дидусю, цїеи!

Явдокомъ.

Лыбонь, Настя Бакаляривна?

Настя.

Та я жъ вона и е! А вы не добренькы, почалы вже нашу господо обмынаты?

Явдокомъ.

Не обмынаю, а не вчащаю!

Настя.

А я ждала, ждала васъ и такъ вже скучыла за вашымы думами!.. Може я у чимъ не догодыла вамъ, чы татко чымъ не вдоволнылы, чы ненька?..

Явдокомъ.

Ни, я всемъ задоволенный, але треба, голубко, такъ роботы: де люблять—не вчащаты, де не люблять—не буваты!

Настя.

Прыходьте до насъ сегодня полуднуваты.

Явдокомъ.

Спасыби, прышкандыбаю!

Настя.

Неодминно прыходьте!

Тетяна.

А до насъ вечеряты, я васъ медомъ напою!

Настя.

А я вареною!

Явдокомъ.

Спасыби Богови, що й на мою долю, лышылыся ще спасенни души.

Ой вы дивчата,

Рожеви квитчата,

Вы погорда отця-невькы—

Моторни, гарненьки!..

Тетяна.

Заграйте, дидусю такои, щобъ я до схочу натанцювалася!

Явдокомъ.

Наврядъ чы выиграю вже до схочу. думка гра, а рука шкундыля! Теперь

вже дидусь, якъ та цыганська шкапа, що день бижыть, а тры дни лежыть!.. А ты, Насте, чы танцювала вже?

Настя.

Ни, ще не кортило!

Гаврыкъ.

Та ну-бо, Насте, потанцюй зо мною!

Настя (*глянула на Мыкыту*).

Якъ що зъ тобою, то й зъ тобою!..

Мыкыта (*у бикъ*).

Чы драгуе, чы навспряжки клыче мене у танецъ?

Гаврыкъ.

Ну жъ, ставаймо!

Настя.

Може мене кортило зъ инчымъ потанцюваты, ну, та колы вже ты прылыпаешъ...

Гаврыкъ.

Зъ кымъ же инчымъ?

Настя.

Зролу-вику не дочухаеся! (*Глянула на Мыкыту*).

Гаврыкъ.

Отъ ненавядю, якъ хто почне загадками балакаты.

Настя.

А я до такой балачки найохоча!

Гаврыкъ.

А чы зугарна жъ?

Настя.

Якъ на чый розумъ и на чый хысть!

Гаврыкъ.

Не несесь пидъ хмары, а частищъ дывись пидъ ноги.

Настя.

Що? Це ты вже сылкуеся вхопыты мене на зубокъ, ой не вгрызешъ!

Гаврыкъ.

Насталымо зуба, якъ треба буде!

Настя.

Не знайдешъ такого коваля.

Гаврыкъ.

Овъ!

Явдокымъ.

Отъ тоби, Гаврыку, вже й осивъ, а то черезъ те, що зразу пишовъ зъ копыта.

Гаврыкъ.

Та Настя сегодня щось дужо пышаеця та малюеця!

Настя.

Не передъ тобою!

Гаврыкъ.

Передъ кымъ же?

Настя.

Хиба ты мени увесь свить заступивъ?

Тетяна.

Та ну вже танцюйте, або давайте другимъ простору. И завжды Гаврыкъ зъ Настею, якъ кишка зъ собакою!

Гаврыкъ.

Сегодня, Насте, ты мене не перетанцюешъ.

Настя.

Не хвалысь згынаючысь, а хвалысь выпрямляючысь.

Гаврыкъ.

Я гнучкый.

Настя.

А мене зъ проста не зигнешъ.

Явдокымъ.

Та й козырь же дивка! Що промове слово, то все круглиць. Та хочъ бы тоби, хочъ разъ спорснула!

Гаврыкъ.

Ну-жъ музыки, тнить на пропале!

Явдокымъ.

Якои жъ?

Вси.

Догравайте Саврадыма!

Настя.

Якои грайте, то грайте швидчъ, бо скоро вже скажу: не хочу!

Явдокымъ (*регоче*).

Зъ выбрыкомъ дивка!

Тетяна.

Насте! Проведи Гаврыка, разивъ зо тры навкругы выхылясомъ, нехай выбъе тропака, а потимъ въ перебіи дрибушечкы зъ вывыхомъ.

Настя.

Знаю, не вчы!

Гаврыкъ.

Розстунитесь абы яки, нехай погуляють онъ яки!

Тетяна.

Насте, почны хрущыкомъ зъ пидъ закаблука.

Явдокымъ (*гра, Настя и Гаврыкъ танцюють*).

Въ Саврадыма у двори
Дошова калюжа,
Ой розсердылася
Та жона на мужа!

Мыкыта.

Поплывла Настя, якъ вутя по тыховоду и не схыбнетця!

Явдокымъ (*спива*).

Якъ розсердылася
Та й розгнвалася,
Якъ полизла на пичъ
Розманижылася!

Мыкыта (*сплеснуєз руками*).

Мій Боже, що то за краса!

Явдокымъ (*спива*).

Ой устань, моя мыла,
Принись гарнець меду,
Цуръ тоби, Саврадыме,
Головки не звезду!

Тетяна (*до Семена*).

Чы ты бачышь, що зъ Мыкытою коитця?

Семень.

Настю пасе очыма, якъ вовкъ ягня!

Явдокымъ.

Ой устань, моя мыла,
Попарывъ дубыну,
Не товстую не тонкую
Та на твою спыну!

Семень (*весь часъ балакаєз зъ Тетяною тыхо*).

Онъ воно що! Не годылося бъ ій драгувати парубка. Чы винъ же ій ривня?

Тетяна.

Така вже у неи натура. А Гаврыкови хйба не задурыла паморокы?

Явдокымъ.

Схопылася мыла
Та якъ не лежала,
Та й обняла Саврадыма
Та й поцилувала!

Гаврыкъ.

Дрибницъ, дрибницъ музыка!

Явдокымъ.

Ой, дай тобі Боже,
Спасенія зъ неба,
Що ты, серце, догадався,
Чого мени треба!

Гаврыкъ (*крычить*).

Дрибницъ, дрибницъ музыка, ось якъ
у насъ!

Настя (*зупыняється*).

Не хочу бильшь зъ тобою!

Вси (*здывованно*).

Перетанцьовавъ, перетанцьовавъ Гав-
рыкъ!

Настя.

Соби жъ на лыхо.

Гаврыкъ (*ставъ и музыка зупы-
нялась*).

Чого жъ-то такъ?

Настя.

Я не люблю розжовуваты. (*Глянула
на Мыкыту*). Думаешъ, втомылась?

Гаврыкъ.

Скажешъ: ни?

Настя.

Мени сегодня зкортило даты тобі пе-
ремогу. Не вирышь? А мени байдужи-
сенько!

Мыкыта (*хутко пидійшовъ до му-
зыки*).

Грайте, на останнего! (*Выйма гро-
ши и кыда музыкамъ*). Насте, ходимъ
зо мною у танецъ!

Настя (*озырнулась навколо, нибы
хотила йты зъ Мыкытою у та-
нецъ, потимъ видсагнулась видъ него*).

Що? зъ тобою у танецъ? Ха-ха-ха!
Видчепься, пройдьсвите!

Мыкыта (*звонгывъ*).

Насте!

Настя (*регоче*).

Хиба тобі наймычокъ не стало?
(*Одвернулась регочучы*).

Мыкыта (*зкытивъ*).

Згадаешъ же ты мене, Бакаляривно!
(*Хутко пишовъ зъ хаты*).

Тетяна (*пидбига до Насти*).

Бачыла, якъ у Мыкыты неначе ажъ
искры сыпонулы зъ очей?!..

Настя.

А мени що? Байдужисенько! (*Регоче*).

Семень.

А ну, Тетяно, гайда ще зо мною у
танецъ!

Тетяна.

Вытрушуй мерщій талары та дукаты.

Семень.

Танцьоватимешъ и на шелягы.

Настя (*у бикъ*).

„Згадаешъ, каже, мене!..“ Не знала
кого згадуваты!..

Я в а 5 - а.

Ти жъ, Бова, Деркачъ, Худолий, по-
тимъ Хома и останни.

Бова.

Бодай Тymoша пятамы до горы вы-
вернуло!

Вси хатни.

Невже не зборовъ?

Бова.

Зъ одного маху опынввся на споди.

Гаврыкъ (*у бикъ*).

Кольбъ мене черга не спобигла боротись зъ тимъ бугаємъ!.. (*Хутко пишовъ*).

Деркачъ.

Оттакои славоныкы зажылы!

Худолий.

Вернить мени мои молоди лита!

Бова.

Нечуване лыхо, негаданный соромъ! Ой, утнить мени мерщій чупрыну! (*Падае на стилъ, его де-хто обступае*).

Настя.

Пиду до дому! (*Иде*).

Тетяна.

Куды ты?

Настя.

А, видсахнысь видъ мене!.. (*Хутко пишла*).

Тетяна.

Чы не шкода вже Мыкыты? (*Пишла*).

Худолий (*до Бовы*).

Годи-бо тоби, Свырыде, хлыпаты, ну й чого патёкы розпустывъ?

Я в а б - а.

Ти жъ и Бакаляръ.

Бакаляръ.

А що тутъ за оказія?

Бова.

Ой, Гаврыле, друже, соромъ жене мене зъ свита!

Бакаляръ.

Инчому соромъ болячишь болячкы.

Бова.

Склькай, друже, задалегидь по мой души на панахыду, не хочу жыты!

Хома (*входе*).

Щожъ, выстачайте ще борця, такого жъ якъ и Тымишь молодця, або гиршого!

Бакаляръ (*глянувъ на Хому*).

Онъ у чимъ ричъ! Та й бравый же нетяжыще. То це бь-то нема вже про межъ нашою молодецою такого, щобъ нагнавъ борцеви зашпаривъ?

Хома.

Бувъ та скысь! (*Регочучы налива соби меду*).

Де-хто.

А де жъ Гаврыкъ? Винъ охотывся?

Деркачъ.

Панове! Борець насъ зневажа: пье нашъ медъ и не каже доброго здоровьячка!

Худолий.

Гаврыле, де мои молоди лита?

Бова (*схопывся*).

Стійте! Маю борця!

Вси.

Де жъ винъ? Хто винъ?

Бова (*до Хома*).

Ну, чванлывыи гындыче, ображавъ ты насъ у волю, зальемо жъ и мы тоби зашкуру вышкваркивъ! Ось яка умова. Коли мій борець подужа цего харцыза, то утнемо ему одного вуса по самисеньку губу!

Хома.

Дорогий закладъ, варта й головы.
Але згода! Якъ же осылю я, то й твоя чупрына хай спаде зъ головы.

Бова.

Самъ безъ примусу пиду за высокый муръ, на чернечу харчъ... Давайте заразъ сюды Мыкыту-сиру свыту!

Де-хто.

А й справди! Де Мыкыта? Той, лыбонь, подужа? Де Мыкыта?

Други.

На просторъ, скоричъ на просторъ!

Бова.

Мыкыто, де ты?

Грыцько.

Я заразъ збигаю по него! (*Побигъ*).

Бакаляръ.

Якъ що Мыкыта подужа борця, я подарую ему всю зброю до коня!

Деркачъ.

А я дви жмени грошей срибныхъ!

Худолій.

А я... А що я подарую? У мене е шабля, та шкода—поламана!

Бова.

А я коня подарую, якъ змія!

Бакаляръ.

То попереду почастуємося жъ. Жыде, меду!

Деркачъ.

Почастуватись найголивнице дило!

Я ва 8-а.

Ти жъ и Грыць.

Грыць (*вбига*).

Нема Мыкыты!

Вси.

А де жъ винъ?

Грыць.

Мабуть чы не пишовъ у байбузы?

Бакаляръ.

То видкынемо боротьбу до завтрего, а тымъ часомъ, по стародавнему звычайу, мусымо частуваты и голуваты борця, докы не завдамо ему чосу. Почнемо жъ гульню зъ мои господы!

Я ва 9-а.

Ти жъ и Худоліха.

Худоліха.

Бувайте здорови, зъ празныкамы! (*До Худолія*). Це такъ пишовъ у лугъ за киньмы, щобъ іхаты на торгъ?

Худолій.

Ты жъ зпершу розжуй, яке тутъ дило, а потимъ вже и урекай!

Деркачъ.

Кумасю, це мы справляемо громадську покуту!

Худоліха.

Яку тамъ покуту?

Худолій.

А таку, що хочешъ-не хочешъ, а пий!

Бова.

Кумасю, Худоліхо! Сегодня я вже у останне гуляю, а завтра може утнуть мени чупрыну по самисеньку макивку!

Худоліха.

Це ми вже не разь чулы. (Бова тидносе їй кухоль). Бодай же вы криви гарячои напылыся! (Пшла).

Худолій.

Кобыла зь воза, на бабу лехче!

Бова.

Явдокыме, затынай голоснои, та шпаркои! Гаврыле, беры Хому за руку та й веды передь!

Явдокымъ (гра и приспивуе, вси приспивують и пританьцевують).

Якъ посіявъ мужыкъ та й у поли ячмынь,
Мужыкъ каже: „ячмынь“. Жинка каже:
„гречка!“

Не мовь мени не словечка,
Нехай буде гречка!

Якъ посіявъ мужыкъ та й у поли просо,
Мужыкъ каже: „просо“. Жинка каже:
„гречка“.

Не мовь мени не словечка...
И т. д.

Зависа.

Д і я 2 - а.

Выгнз. Вь глыбыни Бакалярова будивля, великый будынокъ, стани, коморы, повиткы, тикъ, клуня, садъ, а дали лисъ.

Ява 1-а.

Настя (входе зь саду).

По садочку похожаю,
Сама себе розважаю,
Куды гляну подивлюся,
Слизонькамы обильюся!..

Думкы душу обхопылы,
Тяжкимъ смуткомъ оповылы,
Серце скиглыть, замирае,
Зь жалю, зь тугы умливає!

Ой, хто жь мене розговоре,
У раптовимъ моимъ гори?..
Не розважуть чужи люды,
Хто бь розважывъ—не прыбуде!..

Ява 2-а.

Настя и Лепестына.

Лепестына (надходе).

Чы не дывына! Чого спиваешь такон сумной? у перше чую!.. Що це зь тобою?

Настя.

То не я, Лепетю, то само серце!..
Одлынулы раптомъ видь мене вси весе-

лощи, тяжкый смутокъ обгорнувъ... Не можу соби ни рады даты, ни порады; розбурхалыся думкы, мовь хвыля на мори: клекотять и стогнуть, лютують, мутять розумъ и мордують серце!..

Лепестына.

Оттакон!.. Що це ты выгадуешь? Чы не пидвій це, або пристрить?..

Настя.

Не мовь щось мене заморочыло, не мовь зачарувало!.. Охъ, пожалыся жь Боженьку, на мій викъ молоденькый! Чы не збожевилила я, чы не опалила?.. Не втямлю ничого!.. Мовь блыскавкою заслипыло мени розумъ, пожежою поняло серце!

Лепестына.

Ничого не розберу, що ты кажешь!..

Настя.

Чы ты кохала колы небудь, Лепетю?

Лепестына.

Може й теперь кохаю. Та що зь того?

Настя.

Стережися жъ, щобъ винъ не образывъ тебе зневажливомъ словомъ; не доводь его до скрухы, щобъ не дойнявъ тебе докирливомъ та гострымъ поглядомъ... Во стане той докиръ тоби передъ очыма марю, поглядъ той ввишьетца въ твои очи и боляче колотыме и ризатыме ихъ!.. Скильки не одвертатымешъ своего погляду видъ его погляду—не одвернешъ!.. Бачытымешъ скрызъ тильки его одного, чутымышъ тильки его голось, котрый цвяшкомъ вбыватыме въ твое сердце докирливу промову: „згадаешъ ты мене?..“ Розумиешъ, серденько?

Лепестына (*у бикъ*).

Мени страшно слухаты и! Чы не стерялася? Колюбъ хочъ швыдчъ баба Морозыха прыйшла?..

Настя.

Никола не гнivy его и никола не ображай! А образышь, жалкуватымешъ такъ, що й жалю не зупынышь!..

Я в а 3-я.

Ти жъ и Морозыха.

Морозыха.

Ажъ ось де ты?

Настя (*полохлыво*).

Хто се?

Морозыха.

Чого жажнулася, Господь зъ тобою! (*Показуе Лепестыни щобъ та шила соби*).

Лепестына (*на бикъ*).

Мабуть и справди стерялася вона? (*Шила*).

Настя.

Ой, бабусенько, голубонько, сердце мое, венько, лышонько жъ мене спиткало!.. Рятуй же мене зозуленько, рятуй!..

Морозыха.

Колюбъ лыхо не по людяхъ ходыло, чы спиткало бъ и тебе? А такъ вже, де люды, тамъ и лыхо; а де сердце, тамъ и жаль!.. Дай гляну тоби въ очыци. (*Дывытця*). Пристрить, та ще й не абы якый, а зъ зазихомъ!.. Де краса—тамъ и зазихъ, а кого жъ и зазихаты, якъ не тебе?.. Та не буты ему довго въ тоби, выжену и задураю!.. Хто жъ тебе зазихнувъ?

Настя.

Ой не знаю, бабусенько, не знаю!

Морозыха.

А я вже знаю и добре бачу! Кажы мени все, якъ на духу, все, про вищо пытатыму. Де була сегодня, кого бачыла, зъ кымъ розмовляла, зъ кымъ жартувала и кого дратувала?

Настя.

Бавылась у оранди, на музыкахъ... Розмовляла зъ тымы, хто до мене промовлявъ.

Морозыха.

До одного облеслыво промовляла, а другому зневажлыво одмовляла?

Настя (*зъ жажомъ*).

Ой, хто жъ це вамъ таке переказавъ?

Морозыха.

Нихто, сама все бачу де що контыця! Не гордуй тимъ що у латахъ, а гордуй тимъ що у шатахъ, бо цей и самъ погордуе, а той що въ латахъ пожалуетця Богови и Богъ покарае!

Настя.

Охъ, вынна я, вынна!.. Гришна!..

Морозыха.

Бачышь!

Настя.

Погордувала я надъ биднымъ, образыла безбатченка!

Морозыха.

Де батька немає, тамъ Богъ заступає. А який у него волосъ, русявий, чы биявий?

Настя.

Русявий, ажъ нибы чорный!

Морозыха.

Ой, зачепыла жъ ты соби клопоту, та ще й не малого. Видь биявого лехко видшептаты, видь русявого сякъ-такъ, а що вже видь чорнявого!..

Настя.

Ой, страховывна!..

Морозыха.

До плачу тебе нахыля, чы до скрухы?

Настя.

Охъ! Лыбонь все плакала та й плакала бъ, безъ краю!..

Морозыха.

Та слизь у очахъ нема?

Настя.

А ни слезынкы!.. Не мовъ запеклыся бия сердца!..

Морозыха.

Забравъ ихъ, вси слезы забравъ чорнявий волосъ; вси слезы забравъ въ себе; якъ забера въ себе сонце ранню росу, оттакъ чорнявий волосъ забравъ въ себе вси твои слезы!.. Охъ, прыстрить та ще й безъ плаксывыць. А колыбъ плакала, то нибы легко бъ тоби стало?

Настя.

Лыбонь, легко бъ!

Морозыха.

Винъ, винъ це! Шкода, що мисяць теперь на ущерби, бувъ бы молодыкъ, або на пидповни—шепотинне зразу пишло бъ на корысть, та на здоровьячко!.. А теперь на ущерби, то поморочся. Бия сердца не нудыть?

Настя.

Охъ, нудыть!

Морозыха.

Зверху, чы знызу?

Настя.

По всимъ!.. Не мовъ я отруты напылась.

Морозыха.

Отъ на яки очи наскочыла! Прямо гадючи очи, що пронызали наскризь, мовъ ныткою, розныжы теперь хто зугарень?

Настя.

Охъ, поворожы жъ мени швыдчъ, бабусенько!

Морозыха.

Добре вже наворожыла ты сама соби, а мени прыпада видворожуваты, та видшптуваты.

Настя.

Що хочъ робы, тилькы рятуй мене! (*Полохлыво*). Глянь, бабусенько, ондечкы зъ отого стовба очи дывлятця, то его очи на мене дывлятця!.. Моимъ очамъ боляче, неначе ихъ хто вдавлие!.. Глянь, якъ искры сыплятця зъ его очей, бачышь, бачышь?.. (*Дрижыть*).

Морозыха.

Святъ, святъ, святъ!

Настя.

Винъ щось промовляю, ты чуешь? Спытай его, бабусенько, чого ему видъ

мене треба? Чуешъ, каже: „згадаешъ ты мене, Насте!“ (*Затуляеця за бабу*).

Морозыха.

Ходимо мерщій у хату! Зазихъ и пристрить! (*Шепче*). Зазихъ, зазихъ, иды на волю, та й розмайся по полю! Тутъ тоби не ходыты, червонои кривы не пыты, жовтои косты не сушыты. Тьфу, тьфу, тьфу! (*Повела Настю у будынокъ*).

Я в а 4 - а.

Мыкыта и Тымишъ (*сходятця*).

Мыкыта.

Хто на шляху?

Тымишъ.

Мыкыта?

Мыкыта.

Тымоше, ты куды?

Тымишъ.

Туды, де одвага медъ пье, де нема видъ кого очей ховаты!

Мыкыта.

Однымъ бы-то шляхомъ зо мною?

Тымишъ.

Хиба?! (*Здывованно*).

Мыкыта.

По воли, чы по не воли?

Тымишъ.

Хиба ты не чувъ?

Мыкыта.

Про вищо?

Тымишъ.

Осоромывся у боротьби!

Мыкыта.

Та не вже?

Тымишъ.

Я боровся на сылу, а винъ на хватку и жбурнувъ мене якъ мнячъ! А ты чога втикаешъ?

Мыкыта.

Ни сыла, ни хватка мене не осыла, а образа... Втикаю видъ самого себе!.. (*Зитхае*).

Тымишъ.

Стало бутъ, тому правда, що я чувъ? Дай твою руку! Хочешъ буты побратымомъ?

Мыкыта.

Чога серцеви бильшъ и треба, якъ не сердца? (*Дае руку*).

Тымишъ.

Щырысть на вики?

Мыкыта.

До загыну!

Тымишъ.

Нехай же той зъ насъ, котрый першый зречется слова, першый и головою накладе!

Мыкыта.

Нехай! (*Миняютця хрестамы*).

Тымишъ.

Ты и не прыоруженый? На! (*Дае пистоль*). Шкода, що мы обое пиши, не товариши мы киннымъ!

Мыкыта.

Та що жъ робыть?

Тымишъ.

Стрывай, побратыме, будемо обое киннымы. Пожды мене, я заразы! На горби пасетця батькивъ косякъ! (*Хутко тшова*).

Мыкыта (*самъ*).

Просты мене, моя матинько безталанная, моя страднице не втишная, що не

полагословившысь, крадькома, мовъ хыжый звирь, я покидаю тебе. Куды йду и самъ гараздъ не знаю!.. О, колыбъ я змигъ втекты видъ самого себе, видъ тихъ лыхихъ замиривъ, котри гнитять и мордуютъ мое серце!.. Все, що дала ты мени, моя нене, моя страднице, все я зъ собою забираю, лышаю тоби тилькы безкрае горе, та незупынни слезы!.. (*Бере грудку земли и привязуе до хреста*).

Я в а 5 - а.

Мыкыта и Оксюта.

Оксюта.

Насылу тебе догнала!

Мыкыта (*зъ жахомъ*).

Сестра, Оксюта! (*На бикъ*). Постерегла?..

Оксюта.

Куды це ты вырядывся? Вернысь мерщій до дому, бо матуся голосять, ажъ до земли прыпадають. Воны довидальсь, що ты хочешъ змандруваты?.. Вернысь!..

Мыкыта.

Ни, не вернусь!

Оксюта.

Колы не вернешся, матуся зъ роспуки сконають.

Мыкыта.

Нехай Богъ ии прыймае!..

Оксюта.

Ой, таке страшне говорышь! Схаменись!..

Мыкыта.

Иды, Оксюто, до дому и не гай дармно часу, не умовышь ты мене!

Оксюта.

Та що це зъ тобою почынылося?

Мыкыта.

Перекажы нашій матинци безталанній, що уклоняюсь иі до сырой землицы, благаючи благословення на вичне розлученне; одынъ тилькы шляхъ мени зостався и не зверну я зъ него, докы не здобуду скарбивъ и роскошивъ!... А злыднивъ бильше я не хочу, чуешъ: не хочу?

Оксюта.

Ой, що жъ це ты забравъ соби у голову? Булы мы щасливы и тимъ, що малы, а це раптомъ...

Мыкыта.

„Булы щасливы?“ Ни, то такъ здавалося. Бачышь отой будынокъ, чый винъ?

Оксюта.

Чый же, якъ не Бакаляривъ?

Мыкыта.

Багатый Бакаляръ, багато у него срибла-злота?

Оксюта.

Нехай воно ему й буде!

Мыкыта.

Багата Настя Бакаляривна?

Оксюта.

Цуръ ихъ роскошамъ и тому сриблу-злоту!

Мыкыта.

Не кажы такъ, не цурай, бо пидъ срибломъ-злотомъ, на самисевькимъ сподн, лежыть людське щасте!

Оксюта.

Такыхъ речей я видъ тебе не чула николы!..

Мыкыта.

Тамъ щасте, тамъ воно, тамъ!.. Горда Настя Бакаляривна?.. Погордувала? И я нею погордую!..

Оксюта.

Щось таке кажешъ, що й не розберу!

Мыкыта.

Не спатыме ненька, цилисеньку ничъ плакатыме-проквылятыме,—знаю; до билои зори край виконця сьдидыме, дождаючи мене, очей не заплющыть,—не высуше,—чую сердцемъ: сподиватыметця, що вчуе мій голосокъ, мою ходу,—даремна сподиванка!..

Оксюта.

Не пустуй такымы речамы, легко хиба ихъ слухаты? Схаменысь-бо!

Мыкыта.

О! Скорищъ нагнешъ до долу верхивья высоченного дуба, нижъ звернешъ мене зъ цего шляху; скорищъ загасышь свить ясної зирки, нижъ задмухнешъ пожежу у моему сердцеви!.. Годи! Мовчы, мовчы!.. Скажешъ ще докирлыве слово и сердце мое розирветця!.. (*Ухопывъ себе за голову*). Иды, иды видъ мене мерщій!..

Оксюта (*у бикъ*).

Що це зъ нымъ почынылось? Побижу мерщій по матирь! (*Побигла*).

Мыкыта (*самъ спива*).

Степъ широкий, степъ привольный,
Ты краю мій ридный,
Вси багати, вси щаслыви, } 2
А я тилькы бидный! } раза.

Ой порадь же мене ридный,
Ты краю широкий,
Ой якъ же я скоротаю, } 2
Викъ свій одынокый! } раза.

Ой пиду я свить за очы,
Въ сторону чужую,
Чы не вздрину не спогляну, } 2
Долю мою злую! } раза.

Прощай Бакаляривъ будынку, великый та просторый!.. Тамъ горда Настя пышаеця,

якъ полева квитка, своєю не зривняною красою, своєю русою косою! Пышайся, Бакаляривно, докы твоя черга... Охъ, Насте, Насте! Насміялась ты привселюдно нади мною и зневажила,—за вищо? За те, що я въ сирій свити, що я безбатченко?.. А чы у мене нема сердца, нема души? Не подарую тобі цего, Бакаляривно, до суду—до вику не подарую!.. Чы довгою заходу треба, щобъ отой будынокъ зъ коморамы и ставямы, зъ худобою и скарбамы, обернуты у попиль? Одна ничемна искра и все господарство, мовъ выхремъ знесе! Але я не зроблю того! На таку помсту зугаренъ коженъ злодій, коженъ дурень!.. Инчой помсты жада душа моя! Запалыты не будивлю, а душу Бакаляривныну, якъ вона запалыла мою!..

Я в а 6 - а.

Мыкыта и Тымишь.

Мыкыта (*хутко входе*).

Побратыме, пора! Двое коней на прыпони копытамы землю збывають, нась чекаючы!

Мыкыта.

Вже?! Прощай матинко, прощай сестрыце! Сподивайся жъ мене, Насте! (*Хутко пишы*).

Я в а 7 - а.

Бакаляръ, Бова, Худолій, Дерначъ, Худоліхъ, Явдокымъ, Дерначыха и народъ идучы спивають.

Розлылыся крути бережечкы,
Гей-гей, по роздолли,
Пожурылыся славни козаченьки,
Гей-гей, у неволи!
Гей вы, хлопци, вы добри молодци,
Гей-гей, не журитесь,
Посидлайте кони вороны,
Гей-гей, садовитесь!

Бова.

Стійте! Ця надто сумна, не хочу сьогодні такої, а завтра я може видамся Богови, тоді й заспиваєте мені ще сумнищою. Ой, піднесить же мені корець меду, бо я вже плачу! Кобзарю, шкребы чеберячки, та ще й зъ прымовкою, та колыбъ ще й зъ скоромною... Затынай мерщій, щобъ зрадливый витерь не почувъ, якъ я плачу, та щобъ не рознисть тієї неславы по шырокому свитови!.. (Цве).

Бакаляръ.

Таньцюй, друже, докы ноги носять!

Бова.

И танцюватиму. Шкребы жъ, кобзарю, бо я вже розходився и ноги задриботили! (Танцюе).

Явдокымъ (грає, гуртъ прытаньцевуе).

Ой гопъ, та помалу,
Якъ пошыла штаны зъ валу,
Якъ пошыла та й надила,
Кажуть люде, що до дила!

Ой гопъ, навпрысядки,
Потоптала вси высядки,
Ой гопъ, та по троху,
Дотопчемось до гороху!..

(Пишлы у будынокъ).

Я в а 8-а.

Лепестына (входе зъ будынку).

Отъ ще бисяка надавъ! Тутъ музыка у двиръ, а тебе женуть зъ двору, бижи до бабы по зилле, та ще й приказують: „бижи прудчищъ!“ Хазайска дочка заслабла, а челядонька видбувайся. Хотила хочъ у синяхъ потанцювати, а тутъ тебе туряють... Колы то у друге диждемось мукъ? (Побигла).

Я в а 9-а.

Настя и Степаныда (зъ хаты).

Настя.

Душно у лижку, душно у хоромахъ!

Степаныда.

Доню, моя едыная! Настусе, квиточко! Скажи жъ, що зъ тобою почынылося?

Настя.

Не знаю... Повчалы вы мене, мамо, гордуваты неривнею, пышатыся достатками... Не на добро вы повчалы.

Степаныда.

Що таке? Дурочко! Я жъ тоби завжды приказувала: гордуй зъ розумомъ, пышайся зъ увагою?..

Настя.

Була бъ я убогою, може бъ теперь щаслывою була!.. На шо дороги шаты, роскишни палаты, колы нема серця, зъ серцемъ розмовляты?

Я в а 10-а.

Ти жъ и Тетяна.

Тетяна (прыспивуе).

Ой, була я, ненечко,
На торгу, на торгу,
Та й купыла, ненечко,
Запасчыну дорогу!

Кругомъ себе озырнуся—
Запасчына рясніе,
Куды окомъ подывлюся—
Парубоцтво ажъ мліе!

Ой була я, ненечко,
На торгу, на торгу,
Та й купыла, пенечко,
Соби стричку дорогу! и т. д.

Добрывечирь!

СТЕПАНЫДА.

Веселà ты, Тетяно, спасыби що забигла.

ТЕТЯНА.

А що це зъ Настею? Млява якась, змарнила,—видь чого це?

НАСТЯ.

Стысло мене за серце, не мовь выдавлюе зъ него жытте!

СТЕПАНЫДА.

Розважъ ии, Тетяно, а мени треба бия гостей попеклуватись. Ци гости, якъ той татарынь, зовсимъ не въ часъ!.. (*Пшла*).

ТЕТЯНА.

Насте, та невже жъ я догадююсь?

НАСТЯ.

Певно.

ТЕТЯНА.

И це ты за нымъ такъ нудыся? Чы варта жъ?

НАСТЯ.

За кымъ? Я не розберу, про кого ты? Думаешъ, що Мыкыта що небудь?.. Байдужисенько! Та й зъ якои печали? Отъ, не знала бъ за кымъ нудытись!.. Це тоби хто сказавъ, чы?.. Ондечкы... Мовчы! Бачышь, щось на шляху наближаеця?

ТЕТЯНА.

Щось двое! (*Отходять на бикъ*).

Я в а 11 - а.

Ти жъ, Марта и Оксюта.

МАРТА.

Де жъ винь, де?

ОКСЮТА.

Туть бувъ, теперь нема!

МАРТА.

То вже жъ и не вернетця, знаю его натуру! Сыну мій любый, сыну единый! Чы на те жъ я тебе повыла, чы на те жъ пестыла и доглядала, щобъ такъ ратомъ утерять тебе? Чы на те жъ я тебе породыла, щобъ такъ несподиванно, не гаданно оплаваты? А хто жъ видкыкнетця теперь на мій поклыкъ? Хто порадуе матырыне боляче серце любою розмовою, веселою надією, голосною писнею?.. Хто збудуе мени домовыну, хто посадить у головкахъ червону калыну?..

ОКСЮТА.

Годи, матусю, ходимо до дому. Тутъ побачуть чужи люде, ще поглузують надъ нашимъ горемъ! Може Мыкыта вже дома?..

МАРТА.

Ни, ни!.. Охъ, дай же мени у останній разъ прыпасты до его слидочку, окропыты той слидочокъ дрибными слизонькамы, щобъ почувся винь моимъ жалемъ!.. (*Прыпаста до земли*). Не клену тебе, мій одычкы, и не нарикаю!.. Колы забажалось здобути славы де-инде, здобувай соби ии! Политай, мій орленьку, по чыстому полю до схочу, та видвидай и свою неньку безталанну!.. А я жъ тебе ждатиму, прыслухатимусь до буйного витру, чы не нанесе твого голосочку, пытатиму у орла-соколенька, чы не бачывъ тебе у чыстимъ поли—хочъ у ватази, хочъ у обози!.. (*Простяга впередъ руки ныбы благословляе*). Нехай тебе захыстыть Господь и его Пречыста Маты! (*Рыдае*).

НАСТЯ.

Голосыть хтось? Хто то, прыдывысь?..

ТЕТЯНА (*прыдывляеця*).

То Марта. Мыкытына маты.

НАСТЯ.

Марта? Чого вона голосыть?

МАРТА (*рыдаючы*).

Вернися, вернися жъ, мій сыночку,
хочъ на хвылыночку!

НАСТЯ.

Чуешъ, вона клыче Мыкыту?

ТЕТЯНА.

Винъ же змандрувавъ.

НАСТЯ.

Змандрувавъ?!

МАРТА.

Вернись, дай хочъ въ останне на-
двляюся на тебе, оплачу тебе!..

НАСТЯ (*порывається*).

Марто, Марто! Не наклый лыха на мою
голову, я й такъ мучусь!..

ТЕТЯНА.

Опамьятайся, Насте!

НАСТЯ (*рыдаючы прыпада до Тетяны*).

То жъ на мою голову вона квылыть!..
На мою безщасну голивоньку наклый лыха!..

МАРТА.

Охъ, сыночку мій, одынчыку!.. (*Плаче*).

З а в и с а.

Д і я 3-я.

*Бакаляривъ будынокъ. Велька кимната, вбрана кылымамы и зброєю; стилъ
накрытый кылымомъ; дзыглыки, канатки, верцадло, на стинахъ малюнкы.*

Я в а 1-а.

Тыхонъ и Лепестына.

(*Тыхонъ спытъ на канатци*).

ЛЕПЕСТЫНА (*сидячы передъ верцад-
ломъ, начиплюе на себе сережки,
намысто и всяки прыкрасы*).

Оци сережки я прыстала бъ тильки
у правныкъ и носыты; а Настуся, надивала
ихъ що-дня. Здаеця, добре тому жыты,
кто у достаткахъ та въ роскошахъ? А отъ
Настуся и въ достаткахъ, а помирае; а
може вже бидна и померла тамъ, у Києви?
Якъ що померла?.. (*Прыслушаетця*).
Зновъ Тыхонъ захрипъ и колы винъ
выспытъ?.. Якъ уберуся оце зновъ у
Настусьну каратчату плаху, та якъ пиду
до оранды—вси хлопци тильки до мене
и лыцятымутця. Певно наши хазяини,
якъ що Настуся померла вже, подаруютъ
мени всю ии одѣжу и убранне, бо рид-

ни у нихъ тутъ ниякои нема? Повезлы
Настусю у Києвъ видмолебствуваты. Якъ
що вона ще жыва, та мае оттакъ мучы-
тись, то краще бъ швидчъ померла,
а то ажъ жалъ на неи дывытись!.. (*Спи-
ва манижучись передъ верцадломъ*).

Чомъ ты мене, моя маты,

Рано не збудыла,

Ой, якъ тая чумачына

Зъ села выходыла!

} 2 раза.

Тымъ я тебе, моя доню,

Рано не збудыла,

Пишовъ мылый попереду,

Щобъ ты не тужыла!

Якъ уберуся у Настыну одѣжу, то на-
врядъ чы й знайдетця навколо краца та
бадернища видъ мене! (*Спива*).

Ты думаешъ, моя маты,

Що я не журюся,

Ой, якъ выйду за ворота—

Видъ витру валюся!

} 2 раза.

Вдвляюся я оце въ себе у верцадлычко и
конче запевняюся, черезъ що хлопци, що

разу моргаютъ на мене!.. На кого жь другого имъ и моргаты? (*Стива*).

Ты думаешь, моя маты,
Що я и не плачу,
За дрибными слизоньками
Я свита не бачу!

Пида, та пошукай крапчи видь мене!
А яке блескуче намысто, мабуть, и не
дешеве! (*Стива*).

Купы мени, моя маты,
Зъ три копы шовку,
За чотыри золотіи.....

(*Ненарокомъ глянула у вишко*). Ой,
ненько! Це жь наши хазяины идуть?..
Авжежъ воны! И кони наши и визокъ...
Отъ тоби и зибралась до оранды! (*Скыда
убранне та хова у шахву та столы*).
А цей хроче! Чуешь, лобуряко, вставай!
Вставай-бо мерщій, хазяины прихалы!

Тыхонъ (*крызь сонъ*).

Не обдурой, бо такъ и заїду по
мармызи!

Лепестына.

Прочумайся-бо, скажений, сатано, су-
пысе!.. Отъ бевзъ проклятушый, хроче
такы!.. Чы чуешь, господари прихалы!

Тыхонъ.

Ой, додратуешься ты сегодня!..

Лепестына.

Сказывся парубокъ! Чуешь-бо, у
двирь вже заїздять!

Тыхонъ.

Заїду я тебе по тварюци, такъ за-
їду, ажъ симъ тысячъ свичокъ блысоне у
очахъ?

Бакаляръ (*за дверьма*).

А корогву и ставныка, нехай Тыхонъ
заразъ однесе у церкву, до тытаря!..
(*Входе*).

Я в а 2-а.

Ти жь и Бакаляръ.

Бакаляръ.

Чого це вы сюды забрались?

Тыхонъ (*цилуе ему руку*).

Та тутъ треба було цвяшка знайти...
Тамъ поламалася...

Бакаляръ.

Чы не поламалось у тебе яке ребро,
видь перелогивъ? Хто то валявся на
канапци?

Тыхонъ.

Вже й валявся!

Лепестына (*поправля на канапци
кылыма*).

Та то кылымъ самъ зсунулся!

Бакаляръ.

Насоваты бъ вамъ обомъ стусанивъ
пидъ боки... Геть зъ очей! (*Тыхонъ и
Лепестына хутко пишлы*). Не вспіешъ
видмолыты старыхъ грихивъ, якъ вже
новыхъ набересся по самисенького коми-
ра!.. (*Роздягається*).

Я в а 3-я.

Тыхонъ (*вносе покупки*).

Куды це все постановыты?

Бакаляръ.

То зъ восковыми свичками, та зъ
ольвою. Постановы до завтрего ось сюды, у
кутокъ. Ачь, мордяка розбрыкла, видь
баглаивъ!

Тыхонъ.

Якъ разъ розбрыкла! Було мени колы
й спочыты? У мене може печинкы роз-
брыклы, видь тяжкои пращи...

Бакаляръ.

О, певно працювавъ, лежучы до горы черева? Капусту, що дня поливали?

Тыхонъ.

А якъ жѣ?

Бакаляръ.

А чому жъ сегодня не полилы?

Тыхонъ.

Га? сегодня?... Сегодня не було часу,—то за тымъ, то за сымъ...

Бакаляръ.

А бурякы пропололы?

Тыхонъ.

Не вси ще.

Бакаляръ.

Хиба жъ ихъ такъ багато?

Тыхонъ.

Хочъ и не багато... такъ... то за тымъ, то за сымъ.

Бакаляръ.

А ясенкы та кленкы, що передъ ганкомъ посажени—геть поохлы, мабуть, ни разу не поливани? Певно те жъ, то за тымъ, то за сымъ?

Я в а 4 - а.

Степаныда и Лепестына вѣдутъ пидъ пахвы Настю, Тыхонъ прокрадаецця зъ хаты.

Бакаляръ.

Отъ, донечко, дякуваты Господеви, мы й до дому прыхалы.

Настя (*тыхо*).

Слава Богу, слава Богу... (*Садовлять ии на канатку*).

Степаныда.

Питы роздягтысь! (*Пинила*).

Бакаляръ.

Чого жъ такъ журно очыцями поводишь? Всю дорогу тилькы й бажала, колыбъ швидчѣ до дому...

Настя.

Жарота... Умливала въ дорози, зовсимъ знесылылась... Тяжко мени дывытыся, що вы такъ багато били мене пеклуетесь.

Бакаляръ.

А били кого жъ намъ и пеклуватись? Одна ты у насъ.

Настя.

Та й та не людське.

Бакаляръ.

Вси мы въ Божій воли. Дастъ Господь, одужаешь, и пустелныкъ казавъ, що одужаешь, и все пиде на добре здоровля.

Настя.

Подавъ хочъ манійну надію, нею й жыву. Щобъ то було за жытте, безъ надін на Боже мылосерде?

Я в а 5 - а.

Ти жъ и Тетяна.

Тетяна (*вбѣга*).

Прыхала, живисенька? (*Цилуе Настю*). А тутъ такого наплелы!

Настя.

Поховалы вже мене?

Тетяна.

Не то що, а... (*До Бакаляра*). Выбачайте, я васъ и не прывитала! (*Влажеться*).

Бакаляръ.

Спасыби, Тетяно! Якъ же вы тутъ, чы вси живи, здорови?

Тетяна.

Пожываемъ не тужучы, сподиваемось на краще.

Бакаляръ.

Розмовляйте соби, а я пиду спогляну на хазяйство, бо безъ хазяина и товаръ плаче! (*Пшхогъ*).

Настя.

Хотила вмерты у Кыиви,—не сподобылась.

Тетяна.

Богъ зъ тобою, хйба такъ жытте обрыдло?

Настя (*помовчавшы*).

Важко жыты. И нема чымъ... Що жъ у васъ тутъ?

Тетяна.

Що жъ у насъ? Якъ було позавчора и вчора, такъ и сегодня; и завтра певно такъ буде,—стоимо на однимъ мисцеви, якъ вода у плеси, ось-ось вже й плиснивити почнемо. Розскажи, що ты тамъ бачыла у Кыиви, о то цикаво?

Настя.

Скризь бачыла, тилькы свою недолю... Вдывляючысь на щаслывыхъ, почувала себе ще нещаслывшою... Сама я провныла, сама й мушу спокугуваты свою провynu.

Тетяна.

У чымъ ты провныла? Я зовсимъ не вбачаю ниякои провны! Мало надъ кымъ не трапляецця поглузоваты?

Настя.

Вынна я, вынна!.. Чымъ бильшь вдумуюсь, тимъ бильшь впевняюсь у свой

провны!.. (*Помовчала*). Якъ я хотила зостатысь у Хроливскимъ, вже и игумѣни сказала про те, але жъ татко якъ почалы благаты, мамка якъ почалы плакаты... И на вищо я имъ? И заразь мене, Таню, маныть чернече жытте. Тамъ, у тій тыши, людына мусыть почуваты себе блыжчою до Бога...

Тетяна (*задала шось*).

Стрывай! Я й забула сказаты, у насъ е такы новына, та ще й не абы-яка!..

Я в а 6 - а.

Ти жъ и Гаврыкъ.

Гаврыкъ.

Здорова була, Настусе! Насылу Богъ прынисъ до дому. Якъ же тебе Господь мылуе?

Настя (*нелюбязно*).

Якъ бачышь... Чыймысь мольтвамы волочу ще жытте—никому не потрибне...

Гаврыкъ.

Бо е тутъ таки, що онъ якъ щыро молылся за тебе, щобъ Господь продоужывъ тоби вику и оздоровывъ!

Настя.

Я, Гаврыку, ледве дыхаю, втомылась въ дорози, не до розмовы мени... Пробачъ! Не въ часъ провидавъ ты мене... Завтра!..

Гаврыкъ.

Якъ зачувъ, що ты прыхала,—не змигъ собою володиты, щобъ заразь не провидаты.

Настя.

Я вдячна... Тилькы сегодня мы не розбалакаемось... знесылѣнна, я, зовсимъ немощна... Трудно мени.

Гаврыкъ (*зитає*).

Якъ тяжко мени бачыты тебе такою!

Настя.

Я мушу заразъ прылягты, чы не полехша мени? Завтра може й покраца!..

Гаврыкъ.

Ну, бувай здорова, очунюй швыдць. Завтра я прыбизу якъ свить!

Настя.

Чого жъ такъ? Хиба тоби ничего робыть?

Гаврыкъ.

Хочь навидаюсь, та спытаюсь про тебе?

Настя.

Рано не прыходь... иды соби!..

Гаврыкъ.

Ну, прощайте! (*У бикъ*). Якъ зъ хреста знята!.. (*Пишовъ*).

Тетяна.

Бачыла, якъ очи его сповнылысь слизьмы? Боже, якъ винь тебе кохає!..

Настя.

Може... Ты про вицось почала розказуваты.

Тетяна.

Такъ винь за тобою свитомъ нудыть, що й Господы!

Настя.

Правдыво спиваетця:

Той мене пече, риже,

Що не люблю—въ вичи лизе!..

Тетяна.

Новже винь тоби и не на думци?

Настя.

Годи про него!.. Ты почала розказувать про якусь новыну?

Тетяна.

Ага! Стрывай-бо. У насъ проявився борець, усихъ дивчаты зъ ума позоводыць, а хлопцямъ такого жалю завдавъ дивчатымы, що й... И такє по селу вытворяє!.. Его поють и кормлють и ни якъ не вдовольнять!.. Не хоче дали видь насъ иты та й не хоче!.. Певно и до васъ прыбуде зъ музыкамы!.. Здывуеся, якъ скажу тоби, хто той борець?

Настя (*полохлыво*).

Хто жъ такый?

Тетяна.

Чутка була пройшла, що его вбыто, а винь жывисенькый! Такє дороге убранне на ему, та якъ вылюдивъ!.. Якъ побаче старця, чы обидранного хлопчыну, то такъ жменямы гроши й жбурля!..

Настя.

Хто жъ винь такый?

Тетяна.

Мыкыта!

Настя (*зъ крыкомъ*).

Мыкыта?! Винь жывый? Его не вбыто?

Тетяна.

Жывисенькый же! А якъ прочувъ, що его маты померла и сестра змяндрувала свить за очи, то упавъ на стиль, та такъ же голосывъ, що ажъ сумъ всихъ обійнявъ. Дали схопывся та якъ гукне: „музыкы, твнить! Хочу справыты помынкы, по сестри й по матери!..“ (*Настя падає на вколуюкы*). Що це зъ тобою?

Я в а 7 - а.

Ти жъ и Степаныда.

Степаныда (*побачыла*).

Що зъ нею?

Тетяна.

Хотила певно стати на ноги и немощна впала! (*Пиднима Настю*).

Настя (*ледве промовля*).

До лижка швидчть... голова! Туманіе въ очахъ! Воды холодной... Тетяно, скажи ему... щобъ... не приходывъ... Охъ!..

Я в а 8 - а.

Ти жъ и Лепестына.

Степаныда (*ведучы зъ Тетяною Настю, тихо до Лепестыны*).

Побижи заразъ по бабу Морозыху! (*Пшилы*).

Лепестына (*сама*).

Отъ тоби и выгоилы, Настю: недужою повезлы у Кыивъ и мало не мертвою привезлы до дому!.. Баба Морозыха казала, якъ тилькы, почне видъ людны земли тхнуты то це прекмета, що хутко вже помре. Не знаю, чы тхне вже видъ Настуси? Чы покласты Настусыни сережки у пуделко, чы въ себе зоставыты докы вмре? (*Выйма зъ кешени сережки*). Та й гарни жъ! Колыбъ вона хочъ швидче померла!

Я в а 9 - а.

Лепестына, Худолій, Худоліха и Деркачь.

Худоліха.

Здорова! Що ваши господари, чы живи-здорови повернулись?

Лепестына.

Дайте покой, у насъ лихо!

Худоліха.

Яко?

Лепестына.

Настуся тужъ-тужъ помре! (*Хутко тшыла*).

Худоліха.

Помре? Треба питы та сказаты якъ помиратыме, щобъ свичку далы у руки, та гривнями йи очи позакрывалы, а то чого доброго, за клопотамы и не догадаютця!.. (*Побигла*).

Деркачь.

Отъ тоби и Настуся. Заразъ жива, а черезъ хвылыну чого доброго и помре?

Худолій.

Оттакъ и кожна людына, живе-живе, а дали й помре!

Деркачь.

Черезъ те жъ, кожна людына, коженъ разъ и мусыть буты на поготови. Передъ страшнымъ судомъ, Арханголъ возогра у сурму и вси оживемо и предстанемо гуртомъ передъ судъ, вси якъ одынь!..

Худолій.

И въ пысаніи сказано: „вси якъ одынь“ . Сыла тоди буде людей, страшенна сыла!.. И коженъ предстане зъ своимы грихамы.

Деркачь.

Вси оживемо и вси станемо поручъ, плече въ плече. Татарва, ляхъ, турчынь, хрыстыянынь, жидъ...

Худолій.

И стоятымемъ—безъ сваркы, безъ суперекры, безъ ворогування...

Деркачь.

Спокійно и покирно, мовъ диты, або ридни.

Худолій.

И Суддя праведный всихъ розсудыть. Праведныхъ пошле въ царство небесне, а гришныкывъ...

Деркачь.

Охъ грышни, мы грышни! (*Сида*).

Худолий.

Сыла грихивъ, вольныхъ и невольныхъ.

Деркачъ (*помовчавъ*).

Куме!

Худолий (*сидъ*).

Га?

Деркачъ.

А скинь окомъ у ливоручъ, що то за сулія стоить, зъ чымъ вона?

Худолий.

Колыбъ була зъ пытвомъ якимъ, то я почувъ бы давно.

Деркачъ.

Хиба?

Худолий.

Вынницю я за десять гинъ чую, черезъ те никола ни однои и не обмыну.

Деркачъ.

Отъ нись у васъ такъ нись, ажъ завдыкы беруть! А мене не наградывъ Господь!

Худолий.

А то, пакунокъ у кутку, певно винъ зъ восковыми свичками, бо щось воскомъ пахтыть здорово!

Деркачъ.

Отъ який Гаврыло, винъ и про Бога турбуетця, ажъ зъ Кыива свичокъ привизъ, а мы...

Худолий.

Мабуть, Гаврыло не заїздывъ у Бровары, то й старкы не привизъ; а першъ завжды привозывъ.

Деркачъ (*зита*).

Може не до старкы ему було, сердешному, що дочка хвора?

Худолий.

А може й на Бровары не іхавъ, а другимъ шляхомъ? Бо колыбъ іхавъ поузь Бровары, привизъ бы старкы.

Деркачъ.

Невже привизъ бы?.. А яка старка на вашу думку смаковитища—Кыивська, чы Черкаська?

Худолий.

Кыивська не такъ смаковита, якъ мицна, а Черкаська смаковитищъ.

Деркачъ.

Певно вынныкы щось пидмишують? И якъ воно чудернацько выходе: одного не додай, а другого передай, вже й не те!..

Худолий.

Эге жъ, вже не той смакъ и пьетця не такъ. А Кыивська старка мени до смаку, черезъ те...

Деркачъ.

Годи, не нагадуйте!.. (*Сплюе*).

Худолий.

Я тилькы кажу, що тимъ вона мени до смаку, що ще й до рота не донесешъ и, якъ вона вже пошле тоби веселый духъ и въ душу и въ сердце.

Деркачъ.

Мовчить, Бога рады!.. У мене смага на губахъ зъявилася и въ тельбухахъ неначе щось ажъ заворушылось.

Худолий.

И черезъ що у насъ на хутори нема вынницъ? Скильки олійницъ, млыннвъ, фолушивъ, а вынниця хочъ бы одна?.. Сказать бы никому пыты, слава жъ Богу, пытуцихъ людей доволи!

Деркачъ.

У мене вже ажъ сохне въ роти...

Худолій.

Та й мени неначе що, ажъ втягуе
языка въ середину.

Деркачь (*помовчавъ*).

Куме?

Худолій.

А що скажете?

Деркачь.

А Даныло загорёванный привизъ гар-
ного спотыкачу.

Худолій (*хутко*).

Хиба куштували?

Деркачь.

Та вчора хыльнули *елько можажу*.

Худолій.

Опаска бере, щобъ часомъ жинка...

Деркачь.

Поки вони тамъ панькатымутця била
недужо, я поспію вернутись.

Худолій.

Та вже що буде то буде, ходимо
заразомъ! (*Пшилы*).

Я в а 10 - а.

Худоліха, Степаныда и Бакаляръ.

Худоліха.

Нехай засне, поки баба зилле зваре,
сонъ то найкращи лики.

Степаныда.

Сидайте! (*Сидаютъ*). Охъ, Боже
нашъ мылый! И такъ вже ій було по-
лехчало, якъ исповидали та запрычас-
тылы у Велькомученыци.

Бакаляръ.

Все халалася до дому, поїдемо, каже,
мерщій до дому, очуняю! И отъ...

Худоліха.

А де жъ це моє срібно-золотце? И
Деркачь бувъ зъ нимъ, куды жъ вони
запропастылись?

Бакаляръ.

Чы не на другій половини? (*Пшиовъ*).

Худоліха.

Ажъ завидки берутъ, що вы и у
святому Къиви побували и святымъ по-
клоннылыся и свита навыдалыся... Боже,
Боже, колы-то я сподоблюся? Осила мене
дитвора, якъ галичъ, николы и въ гору
глянуты!.. У печеряхъ булы?

Степаныда.

А якъ жо? Булы у ближнихъ и въ
дальнихъ.

Худоліха.

Служылы молебствіе?

Степаныда.

Служылы и въ Лаври, и у Варвары,
и у Михайливскимъ... у Братскимъ ажъ
двичи служылы, а у Хроливскимъ говилы...

Худоліха.

Щаслыви!..

Степаныда.

Бову старого бачылы.

Худоліха.

Бачылы, невже?

Степаныда.

У Межыгорського Спаса, послушны-
комъ. Теперъ его й не пизнаты, зарисъ
бородою, смиренный такый, та поважный,
и промова богобоязна... Якъ выздылы
уже зъ Къива, зповъ его провидали, такъ
винъ и наказавъ: „кляняйтесь, каже, зем-
лякамъ, щобъ готувалы талыры та дука-

ты, скоро прийду до васъ за лептою,
на построєніе храму Божого“...

Худоліха.

Що жъ, нехай прыбува! Чуєте, му-
зыка гра, чы не до васъ идуть?

Степаныда.

Не до весилля намъ теперь!

Я в а 11-а.

Ти жъ и Лепестына.

Лепестына.

А тамъ иде борець та гука: „до Ба-
каляра у гости прямуймо!..“

Степаныда.

Охъ, не до гостей намъ!

Худоліха.

А гляньмо, що тамъ зъ Настею? Ко-
лыбъ не розбудылы іи та не сполохалы?
(*Пшлы*).

Лепестына (*слуха музыку*).

Якъ пидь ногу выграють, сами ноги
хочуть танцюваты! (*Спѣва и танцюе*).

Видь Кыива до Лубенъ,
Насіяла конопель,
Дамъ лыха закаблукамъ, } 2 раза.
Закаблукамъ лыха дамъ!

Я в а 12-а.

Мыкыта, за нымъ музыка и челядь.

Мыкыта (*гарно зодягнений спѣва и
танцюе*).

Та спасыби батькови,

Та спасыби матери,

Що насъ здобулы! 2 раза.

Якъ насъ здобувалы,

Жыто розсыпалы—

Въ ночи на печи! 2 раза.

Гей, Бакаляре, дукаре! Бравый на
пыху, вдальный на втиху, багатый на ду-
каты, видчиняй—но палаты! Становы на
стиль меды та вына, частуй борця-молод-
ця, покритчыного сына!

Я в а 13-а.

Ти жъ и Бакаляръ.

Бакаляръ (*зъ боковыхъ дверей*).

Я тутъ. Борець цей, лыбонь, по зна-
ку!.. По звичаю давнему прадидивско-
му, гостя не женуть зъ господы, якый
бы винь не бувъ, хочъ бы й ворогъ
лютый; але на цей разъ я волюю
видкупытыся и пытвомъ и грошыма; а
гульни не могу дозвольты, бо моя дочка,
моя едыная втиха...

Мыкыта (*регоче*).

Заведужала може? Зъ якои жъ хво-
робы: зъ гордощивъ, чы зъ глуму?

Бакаляръ.

Глузуваты надъ батькивскимъ горемъ
може тилькы звирь, а не чоловикъ!

Мыкыта.

А хто жъ мене й озвирывъ, якъ не...

Бакаляръ (*выйма калытку зъ гриш-
мы и кыда до низъ Мыкыты*).

Я озвирывъ? Ты мене за когось инчого
прыймаешъ? На, беры скільки хочешъ,
тилькы дай намъ спокій, дай хворій ско-
наты спокійно!

Я в а 14-а.

Ти жъ Настя, Тетяна, Степаныда и
Худоліха.

Настя.

Тату!.. Я той звирь!..

Мыкыта (*уздривъ Настю*).

Хто се? Хто?

Настя.

Не пизваошь гордой Насте?

Мыкыта.

О, Боже! Це манія!..

Настя.

Покарана я за погорду! (*Хотила пидійти до Мыкыты, але похытнула*).

Мыкыта (*пидхоплює їй*).

Насте! Завищо що жь ты? (*Кыда їй на руки Степаныды и Тетяны*). Ни, не жаль мени тебе, не жаль, а ни крихоткы!..

Настя (*пада на коліна*).

Зневажь мене, якь найобразнищ!.. Тилькы, тилькы!

Бакаляръ (*пидхоплює їй*).

Доню, доню, опамьятайся! Де твій розумъ, де твои гордощи?

Настя.

Гордощи зсушылы мою красу, гордощи зтруили мои молоди лита, гордощи захмарылы мои свитли мрії, ясни надїї!..

Мыкыта (*зхопывъ себе за груди*).

О, серце, чому жь ты не лютуешь, чому не скаженіешь? Музыкы! Юрбо! Назадъ! Не мисце тамъ гульни, де смерть косою замахнулася! (*Повертається и хутко иде*).

Настя.

Вернись, Мыкыто!.. (*Пада*).

З а в и с а.

Д і я 4-а.

Густый садъ. У глыбини помежъ деревами манячыть Бакаляривъ будынокъ, очерета, лозы и болото. Дубъ, пидъ дубомъ лава.

Я в а 1-а.

Настя (*входе зъ глыбини сада*).

Геть смутку, геть журбо зь думокъ, сегодня мылый прыбуде, ось-ось небавомъ прылыне!.. Скоро настане умовна доба. Все вже въ будынку спочывають, а моимъ очамъ не до сну, моимъ думкамъ не до спочывку. Надїи бижать мылому на зустричъ, витають его, роспытують, жалуютъ!.. Уже четвергый мисяць мынае якь бачыла его, чы легко жь? А скільки страшныхъ думокъ зъявлялося у серцеви тоди, колы лыхи люде прыносили не добри висты?.. И якь мое серце змогло передужаты все ти муки? Охъ, прыбудъ же, прыбудъ мерщїй коханий! Зирочки ясни, блескучи, безгришни, святїн, осяйте найясничимъ свитомъ путь-дориженьку моему мыленькому, щобъ не

забудывся винъ, щобъ не зтомывся. Щось заквылыло чайкою? Чы то мени вчулося? О, зновъ! Невже винъ? Теперь чутно посвистъ! (*Прыслушаетця*). Винъ, винъ! це жь мій чорнобровый, орель сызкрылый! Смійся серце, радїй, пышайся, ось вже мыленькый! (*Побыгла ни зустричъ*).

Я в а 2-а.

Гаврыкъ (*входе зъ ливого боку*).

Я постеригъ, що Настуся сюды пришла видъ будынку, де жь подилась? Мушу розказаты їй все, що провидавъ про Мыкыту. О, лютый харпызе, за вищо ты звивъ дивчыну зъ ума? Хто се сюды йде? Настуся и зъ нею... Мыкыта?! Сказалы, що Мыкыту упіймалы десь у ватази и закутого въ зализа погналы до Кыива?!.. Мара це, чы й справди Мыкыта?.. (*Ховається у гущину за дерево*).

Настя.

Бо переплутались думки, и то поло-
хаютця, то сумніють, а очи ти думки й
одсвичують певно?..

Мыкыта (*оглядається*).

Чи не дійшла до тебе яка надзвы-
чайна чутка?

Настя.

Не багато треба чутокъ, щобъ заля-
каты полохлыве серце...

Мыкыта.

Все більшь и більшь загадки ты
труишь мали хвыли щастя, котрыхъ я
такъ довго чекавъ.

Настя (*зъ жахомъ*).

„Мали хвыли?“ Справди ты пры-
бувь не на довгий часъ?

Мыкыта.

Такъ, вгадала... Що жъ, моя люба,
такий мій таланъ?

Настя (*зъ отчаємъ*).

Пророкувало жъ серденько не даромъ,
не даромъ вищувало! Якъ же я змогла бъ
веселою буты? (*Зъ за дерева пока-
зується місяць*).

Мыкыта.

Сумуй же найтяжче, бо ондечкы й
бурлацьке сонечко зійшло вже, часъ роз-
лучення прыспивъ.

Настя (*зъ крикомъ*).

Що кажешъ? Ой! Ни, це вчулося
мени?

Мыкыта.

Якъ місяць на неби підійметця, такъ,
якъ сонечко у обидню дѣбу, я мушу вже
буты у Нерубаевському лиси!

Настя (*кынула на шыю*).

Любий, коханий, загайся!.. Скажи,
чого такъ поспигаешъ?

Мыкыта.

Я мушу тамъ буты! Ты жъ, докы не
знаешъ ще ничего, краще и не знай,
не забигай лыхови навпереймы!

Настя.

Невже тому правда, що люде про тебе
кажуть?

Мыкыта.

Хочъ и кажутъ та не все... Правда
страшница!.. Краще не знай всего до
случного часу!

Настя.

Ой, загайся жъ хочъ на хвылину ще!

Мыкыта.

Не загаюсь, не маю воли и не маю
часу!

Настя.

Страшно, страшно! Дай ще хочъ
мить щастя, зостанься хочъ до ранней зори!

Мыкыта.

На зори я мушу буты далеко.

Настя.

Пропала жъ моя доленька, на выкы
пропала!..

Мыкыта (*туле їи до серця*).

Вывуй—не вывуй мене, а я мушу
покинуты тебе!.. Якъ що хвортуна не
зрадыть, то сподивайся мене черезъ тыж-
день и вже на довгий-довгий часъ!

Настя.

Це сонъ, сонъ! Я сплю! Розбуды
мене худчій, докы цей страшный сонъ не
задавывъ мене! (*Прыпада до его груди*)...

МЫКТА.

Настусе! Ты вдержуешъ мене, не мовъ хочешъ виддаты власными руками лю- тимъ врагамъ?

Настя (*одступа*).

Що? Якъ? Коли такъ, ідь!

МЫКТА.

Прощай! Тильки ничъ ще й живыть мене и выховуе; а въ день, я муляю врагамъ очи! (*Обійма її*). Вповай на свою хвортуну, то скоро побачимось! Бо моя хвортуна... (*Хутко пишовъ*).

Настя (*мовъ остовпынила*).

Що?! Що це? Чы навспряжки? Я его упустила? На вищо? Упустила мыленького! (*Промовля чуло*). „Упустила соколенька, та вже й не ввіймаю!“ Якъ зиронька, що спада зъ неба и въ останне освичуе на мить свій путь блестячою смугою, а потимъ згаса на вики, такъ теперъ згасла на вики и моя остання надія... Щастячко блискавкою зъявилося, ослипыло на мить сердце и згасло!.. Хотила сказаты ему, сказаты багато, сказаты все и не сказала ничего!.. Обступае мене темрява непроглядна, обгортае непросвितтя ничъ... Невже заразъ тутъ бувъ мылий и нема его? Бувъ и нема!.. Зійшовъ мисяць и сполохавъ мылого!.. О, захмарся жъ лютий мисяцю на вики, не треба мени твого зрадльвого, холодного свиту! зирки згаснить на вики, нехай все навколо такъ стемніе, якъ темно теперъ у мой души!.. (*Рыдаючи прыпала до дерева*).

Я в а 4-а.

Настя и Гаврыкъ.

Гаврыкъ (*надходить*).

Настусе, не любыть винъ тебе!

Настя (*полохливо*).

Га? Кто се?

ГАВРЫКЪ.

Отруивъ винъ твое жытте!..

Настя (*по паузи*).

Ты хто жъ такый, що якъ злодій підкрався и підслухавъ жаль мого сердца, підслухавъ те, чога батько й маты не мусять чути и теперъ не соромыся зъявлятьсь передъ моими очыма?

ГАВРЫКЪ.

Я не властенъ въ соби! Одне я тильки знаю, одне тильки тямлю, якъ дуже, якъ безъ миру кохаю тебе!

Настя.

Сужена я тоби, чы заручена, чы слово тоби подала, чы поглядомъ коли пома- нила, що ты слидкуешъ за мною?

ГАВРЫКЪ.

Настусе, выслухай мене!

Настя.

Я зневажаю тебе. Геть!

ГАВРЫКЪ.

Я вволю твою волю... Тильки виръ тому, що я тоби у останне выявлю. Ты николи вже Мыкты не побачышь!

Настя.

Ты наведешъ на его слідъ ворогивъ? О, на лыху одвагу, ты бувъ завжды здатнымъ!

ГАВРЫКЪ.

Знай же, що Мыкты харцызомъ ставъ, розбійникомъ, его чекае шыбеныця!

Настя (*схотылась за груди*).

Сестра я тоби, чы ридня? Чы я яка безридня, що ты маешъ захищаты мою честь, або помщатысь за мене?.. У мене е батько, котрый ще зуміе захыстыты мене, якъ треба того буде. Геть зъ очей моихъ, осоружный!.. (*Пшла*).

З а в и с а.

Д і я 5-а.

Вулиця. Ливоруч тинь, біля тину крыниця и перелаз; праворуч хата Худолія, поруч хата Деркача.

Я в а 1-а.

Лепестына (*набира воду зъ крыници и стива*).

Ой у степу, степу крыныченька,
Ой тамъ вода прыбуває,

Ой тамъ чумаць, чумаць мо- }
лоденькый, } 2

Сири воли напуває!

Гей, воли ревуть, та воды не пьють,
Бо въ Крымъ дориженьку чують.

Гей, чы на мою, чы на свою } 2
Та голиваньку звищують? } раза.

Гей, прылетила сыза зозуленька,

Та все: „куку“, та „куку!“

Гей, подай, подай, молодой чумаче, } 2
Та хочь правую руку! } раза.

Я в а 2-а.

Лепестына и Худоліха.

Худоліха (*на порози своєї хаты*).

Здорова, Лепестыно! А що, чы дуже
зрадили твои хазяини онукови?

Лепестына (*зъ лякомъ*).

Якому онукови?

Худоліха.

Думаешь, що Худоліха ничего не зна?

Лепестына.

Я не збагну, про вищо це вы?

Худоліха.

Ой, не хытруй, дивко! Прызнайся
краще, чы вже внесла Настя дытну въ
хату, чы й досы выхове въ садку? А
що й Богъ давъ—чы хлопчыка, чы див-
чынку? (*Глузуючы*).

„Якъ що буде хлопчыкъ, то виддамо
въ дячки,

Якъ що буде дивчына, то виддамо въ
швачкы,

Щобъ вмила шыты ще й вышиваты,
И такъ саме робыты, якъ робыть маты!“

Лепестына.

Якъ вамъ не соромъ оттаке плесты?

Худоліха.

Ты не вирышь? То пиды у берегъ
та й подывысь, що тамъ у дупленастій
верби заховане? Пиды, пиды!

Лепестына.

Цуръ вамъ, пекъ! (*Иде черезъ пе-
релазъ у бижъ*). Треба й справди зби-
гаты до дупленастон вербы!

Худоліха.

Отъ дивка! Жыве тамъ у наймахъ и
не зна, що въ неи пидъ носомъ коитця!
Треба буты слипоку совою!..

Я в а 3-я.

Худоліха и Деркачыха.

Деркачыха.

Зь кымъ це вы тутъ гомонили, про вищо?

Худоліха.

Не знаю, чы й казаты вамъ? Баба
Морозыха прохала, щобъ никому не роз-
казуваты... але я тилькы вамъ розкажу.
А вы, пожалуста, мовчить, никому а ни сло-
вечка! „О пивночи, каже, пишла я, у Ба-
каляреву леваду, стерегты папоротныка,
якъ цвистыме, та за мисть папоротныка
постерегла, якъ Настя выховувалась зъ
своимъ соромомъ“...

ДЕРКАЧЫХА.

Що? Отъ тоби и Настя! И хто бѣ мигъ подуматы?

Худоліиха.

Оттакон! Та я завжды певна була, що Настя колысь такы наляхотворыть!

ДЕРКАЧЫХА.

О, стрывайте, я й забула! Выбачайте, никола мени, треба бигты до сестры Палажкы, по той... (*Хутко побигла*).

Худоліиха.

Вы жѣ не кажить Палажцы про Настю. Це вже расплеце тамъ! И яки тилькы е языкати люде!

Я в а 4 - а.

Худоліиха и Тетяна.

Тетяна.

Здорови булы, зѣ недилеу!

Худоліиха.

Спасыби, Куды простуешѣ? Чы не до Бакаляривны?

Тетяна.

До неи та й не знаю: чы йты, чы ни?

Худоліиха.

Хиба ты вже довидалась?

Тетяна.

Вы те жѣ вже чулы?

Худоліиха.

Чула, тилькы ще не бачыла.

Тетяна.

Не бачылы? Та вы про вищо?

Худоліиха.

Та про Настю жѣ! А ты?

Тетяна.

А я про те, що оце свижо повернульсь татко зѣ миста, зѣ базарю, та прочулы тамъ таку новыну, що бодай краще й не чуты. Кажуть, що нибы-то Мыкыта, зибравъ юрбу гультипакъ, ставъ ватажкомъ и обдерае, та грабуе людей!

Худоліиха.

Я про це давно вже знала. Моя новына, краща твоеи. Пиды на низъ, у леваду Бакаляреву, до дупленастон вербы, тамъ побачышь таку дывыну!

Тетяна.

Яку?

Худоліиха.

Не знаю, чы й казаты тоби? Баба Морозыха не велила... але я тилькы тоби й скажу, а ты гляды, никому!.. Настя вже маты... (*Тетяна жахаеця*). Боже мій, Боже мій! Що жѣ воно буде теперь зѣ дытыною, га? Подумай тилькы?

Тетяна.

Та вы це правду кажете? Ой, страшно! У мене серце терпне! Ой, Боженьку! (*Пишла хутко вулицею, ломаючы руки*).

Худоліиха.

Колыбѣ швыдчѣ вечерило, побижу у леваду, та й подывлюсь—чы хлопчыкъ, чы дивчынка?

Я в а 5 - а.

Худоліиха и Деркачыха.

Деркачыха.

Кажете, баба Морозыха вамъ сказала про Настю, а стари ще Бакаляри не знаютъ?

Худоліиха.

Певно ще ни. А вы никому ще не казали?

Дытына (зъ дверей).

Мамо, идить у хату мерщій. Пана-
сыкъ упавъ зъ печи та геть розбивъ
лоба, кровь такъ и юшыть!

Худоліха.

Хай вамъ тряся, не до васъ мени!..
Остогыдлы вже гиршъ болячки, бодай васъ!
(У хату). Га? Ось я тоби дамъ! (До
Деркачыхы). Може дытыны вже й нема?
Може Настя задавила, або звирь зъвѣ,
або померло?.. Отъ воно, свахо, и справ-
дылось те, що я вамъ давно пророкувала
про Настю: що якого покохала, таке и
пуття вышло!

Деркачыха.

Эге, такъ такъ воно и спевнылось.

Худоліха (плачучы).

А мени, свахо, все такы шкода Насти.

Деркачыха (хлыпа).

А якъ же не шкода?

Худоліха.

А стійте, я збигаю до Бакаляривъ
та подывлюся, якъ воны соби тамъ мают-
ся? Будь ласка, якъ постережете, що
дыты гармыдеръ пидіймутъ, то прямо по-
скубить одного-другого, смилыво поску-
бить мою рукою, а я заразъ! (Побила).

Деркачыха.

Такъ, стану я клопотатись била чужыхъ,
мало мени бидкання и зъ свои вылушкамы?
(Пшла въ хату).

Я в а 6 - а.

(Здалеку чутно дивочый спивъ, по-
тымъ спивъ наближається и выхо-
дятъ короводомъ дивчата).

Шумъ ходе, по води броне,
А Шумыха рыбу лове,
Що зловыла, то й пропыла,

Сучци дочки не вгодыла!
Жды доню до субботы,
Куплю тоби червони чоботы,
Огиркы-жовтякы,
Старійтеся парубкы,
Огирочки зелененькы,
Вси дивчата молоденькы.
Плету-плету, лисъ-лисъ,
На парубкивъ, бисъ бисъ,
А на дивочокъ золотый виночокъ!
Огиркы и т. д. (Пшли дали).

Я в а 7 - а.

Тетяна и Лепестына.

Лепестына (на перелазы).

Тетяно, швыдчь сюды!.. (Тетяна
пидходе, вона шепче їй на вухо).
Ей же Богу, правда! Жывисеньке и такъ
очыцями поведе! Якъ глянула я на него,
такъ мене слезы и облылы!.. Ой, що жъ
це буде?

Тетяна.

И не знаю, чы йты мени до Насти,
чы не йты?

Лепестына.

На мою думку, краще не йты!

Тетяна.

И не пиду, страшно, боюсь! Ой, сер-
дешна жъ Настуся, хай вже іи Господь
напутыть у такій страшній прыгоди! (Иде
вулицею, Лепестына назадъ).

Я в а 9 - а.

Тетяна и Худоліха.

Худоліха (иде через перелазъ).

Пострывай, Тетяно! Колыбъ ты спо-
глянула, що теперь конця у Бакаляривъ
у господи, чыстый шарварокъ! Якъ ска-
зала я имъ про Настусынъ грихъ, то
тамъ таке заварылося, мовъ у казани!

Тетяна.

На вищо жъ вы сказали?

Худоліха.

Хиба зъ такимъ дипломъ виховаеся?
Не сегодня, то завтра, выявылося бѣ, але
чымъ ранишь, тымъ краще! Якъ глянула
Настуся на мене, то сразу помитыла, що
я все знаю и не мовъ отерпла бідна!..

Тетяна.

Нещасна страдныця!

Худоліха.

Стари, якъ почалы репетуваты, ажъ
сумъ пишовъ по хати; а Настусю сразу
не мовъ що выявило зъ хаты, такъ и
майнула! Я вже й не рада що сполохала.
Та мерщій утекла, Богъ зъ ными!..

Тетяна.

Ой, бідна жъ, бідна Настуся!

Худоліха.

Такъ мени іи шкода, такъ шкода!
(Плаче). И на вищо вона покохала
харцызяку?

Тетяна.

Така вже іи безщасна доленька!
(Шшла плачучы).

Худоліха.

И вылупытця жъ на лыхо та на
горе отгакий зумазвондъ! (Вытира очи).
Чы й досы жъ-то дытына у дупли? Ко-
лыбъ, бороны Боже, звирь не розирвавь,
або собака не задавыла? Уже якъ пиде
не безголивье, то лыхо до биды лыпне,
якъ репьяхъ до вовны. Колыбъ швыдчъ
смеркало, коргыты мене збитаты до вербы...
А тутъ ще й тисто вчыныла на пырогы,
чы до тиста жъ мени теперь? Певно вже
зійшла опара, якъ ще збижить!.. И на-
дало жъ мени не въ часъ вчыныть те
тисто! (Хутко шшла въ хату).

Я в а 10-а.

Худолій и Деркачъ (идуть вулицю).

Худолій.

Та й забавылися жъ на ради, скоро
и смеркне.

Деркачъ.

Ну щожъ, скажете жинци, що по
громадському дилу...

Худолій.

Та воно можна... А стрывайте! Отъ
же щось тутъ не безпечно, неначе жин-
чынымъ духомъ тхне... Чы нема іи де
тутъ? (Придывляетьця).

Деркачъ.

Та що це вамъ що разу вбачаетця?
Побачыте стовба—жинка, сояшныка—
жинка, корову—жинка... То журавель стов-
беніе, била Бакаляровои хаты.

Худолій.

Я вамъ скажу, якъ добрый мысли-
вещъ завжды угада де звирь залигъ, такъ
и я чую слидъ моеи жинки понюхомъ!..
Побый мене святыи гримъ, що вона або
йде, або свижо тутъ пройшла, у мене
на мою жинку собачый нись!

Деркачъ.

Вѣлась вона вамъ у печинкы?

Худолій.

Усима зубамы вѣлась... Скоро майну
видъ неи свить-за очи!

Деркачъ.

Давно вже вы туды збираетесь!

Худолій.

Ой, не драгуйте мене, бо такъ якъ
стою схоплюсь на коня та й полечу, якъ
выхорь.

Деркачъ (*сміється*).

На коня? Не вдавайте зъ себе лыцаря. Вы сами на коня не взлизете вже, а я ни за що не пидсажу васъ, хочъ якъ прохатымете!

Худолій.

Не вирите, дратуете? (*Хоче ити*). Дакъ ось же я вамъ докажу! Де мій кинь?.. Шаблю мени, мушкета?..

Деркачъ (*удержує его*).

Та ну, потерпите ще який часъ, може вона й схаменетця?

Худолій.

Га? Може?.. Тильки наврядъ! А може...

Деркачъ.

Годи порскаты, краще зайдимо до Бакаляра, винъ намъ по одній, по другій пиднесе.

Худолій.

Пиднесе? Хиба у него є?

Деркачъ.

Учора привизъ оттаке барыло, самъ бачывъ!

Худолій.

Якъ що по такому дилови, то зайдимо. А тильки я и вамъ и ій, якъ що той, то докажу!.. (*Пшлилы через перелазъ співаючы*).

Колыбъ мени транды-ранды,

Додыбаты до оранды,

Хыльну меду одну краплю } 2

Тай до домоньку потраплю! } раза.

Колыбъ мени вышничочки,

Або зъ кварту терничочки,

Я не пывъ бы меду й пыва, } 2

Голивонька бъ не болила! } раза.

Я в а 11-а.

Худоліиха (*выбига зъ хаты*).

Що воно за знакъ, у хати вже такъ стемнило, що й нытки не засилю въ голку,

а на двори й досы выдко? Видколы жыву на свити ще такого довгого дня не бачыла! Ой, це непаче мени на злисть, колыбъ швидче смеркало, а то, бороны Боже, занедужаю цикавощами!

Я в а 12-а.

Худоліиха, молодыци, згодомъ Деркачыха.

1-а молодыця.

Адже не даромъ и писня каже:

„У козака виры, якъ на мори пины:

Витерь подмухне пину розжене,

Оттакъ козакъ дивку изъ ума зведе!“

Худоліиха (*прислухається*).

Це вже вони про Настю, хто жъ це имъ расплескавъ? И яки у насъ є языкати люде!

2-а молодыця.

У мене ихъ ажъ семеро дочокъ и всихъ я виддала замижъ, якъ перемыштьхъ, якъ переполисканыхъ. Та я волила бъ скоричъ самотужъ передушыты ихъ властными руками, потруиты ихъ, нижъ придбаты сорому на свою голову!..

Деркачыха.

Може черезъ Настынъ грихъ и засуха цего року, и сарана, и падижъ?..

Худоліиха.

А вы думаете черезъ що? Я ще зъ весны помитыла, що у Бакаляривъ мусыть сконтысь щось не певне. Де жъ, була у мене рябесенька курочка, сказать, якъ цецарочка, якъ зозуля. (*До молодыци*). Горпыно! ты жъ памятаешъ мою рябушечку?

1-а молодыця.

Ту, що зъ чубчыкомъ?

Худоліиха.

Эге жъ. Найранищъ всихъ курей вона почынала вестысь, найранищъ всихъ

я ии пидсыпала. А що вже яець було на-
несе, то й... Вирыте, иноди по двое у
день весла!

Деркачыха.

По двоє? Це щось нечуванне!

Худолиха.

Та у моєи матери була така, що ажъ
по трое несла!

1-а молодыця.

Та про ту и я чула, а про цю?..

Худолиха.

Тото жь-бо й е!

Деркачыха.

Може воно у старовыну и бувало
такъ!

Худолиха.

Всихъ сусидивъ завядкы бралы на
мою рябушечку! Ото жь, якъ разъ на
благовисныка, у обидню добу, дывлюсь,
бижить моя рябушечка зъ току до хаты,
такъ прудко-прудко бижить!.. Прыбигла,
стала на порози, головою супроты Бака-
ляривськой будивли, та за мисьць: „куд-
куда-а!“ Якъ закукурика: „кукурику“, тай
„кукурику!“

1-а молодыця.

Такъ, такъ...

Худолиха.

Ей Богу! „Кукурику“, тай „кукурику!“
Перелякалася я, ажъ неначе пропасныця
затрясла мене, а ось сюды у бикъ мене:
коль-шпыгъ, коль-шпыгъ!.. Охъ голивонь-
ко моя бидна! Я худчій до бабы Моро-
зыхы. Оттаке кажу, бабусенько, лыхо
вчынылось!..

Деркачыха.

Та це жь було не цєи весны, а по-
заторошнєи.

Худолиха.

Якъ позаторошнєи?

1-а молодыця.

Лыбонь и справди позаторошнєи?

Худолиха.

А хйба не однаково? Ото баба Мо-
розыха и кажуть: „визьмы жь ты сокыру,
та завтра, до схийдъ сонця, видрубай на
хатнимъ порози твойй рябушечки голову,
а мясо ии выкынь на покормъ шуликамъ
та яструбамъ!..“

Я в а 14-а.

Ти жь и Морозыха.

Морозыха (*надходе*).

Оттаке, молодыци, у насъ на хутори
завелося. Здрастуйте, зъ недилею!

Вси.

Спасыби, будьте и вы здорови!

Морозыха.

Трыдцять годивъ бабую та пупы
рижу, а й досы не чула такого осудовысь-
ка, щобъ хазайска дочка, та ще й не
абы—якихъ хазайивъ, вчыныла такыи
соромъ... Теперь и помиркуйте, черезъ що
Гапчына корова мертвымъ телємъ отелы-
лася? Черезъ що у Приськы Шмарагды-
хы зъ пидъ двоухъ квочокъ, тилькы се-
меро курчатъ вылушылось?.. Черезъ що...

Молодыци.

Чуете, чуете?

Морозыха.

Черезъ що Хвылымонь у ночи, якъ
разъ пидъ полу-Петра, понавъ у водя-
ный млынъ межъ лотокы? Черезъ що-цєго
року конопли по-де куды зовсимъ и не
зйшлы?

Молодыци.

Чуете, чуете?

Морозыха.

Через одну яку небудь хвойду, та на всіхъ отака напасть? Черезъ що Тымохвієвому волови...

Худоліха.

Стійте!.. Цытьте! Бачыте, бачыте?

Вси.

Що, що?

Худоліха.

Ондечки Настя крадетця!.. Бачыте, у неі на рукахъ дытына? Це жъ вона певно наважаецця переховаты дытыну, або?..

Вси.

Цс... цс! (*Прытуляюцца за прычылжомъ хаты*).

Я в а 15-а.

Настя (*зъ саду зъ дытыною на рукахъ*).

Не выховалась видь лютыхъ воротивъ, кинецъ мій прыходе! Не втямлю ни шляху, ни стежки—куды простуваты зъ своимъ соромомъ? Земле сыра, розступыся и проглыны мене!.. Боженьку, пошлы на мене раптомъ гримъ твій, щобъ убывъ мене и спалывъ...

Худоліха (*тыхо*).

Стрывайте, я побіжу та дамъ звистку батькови й матери, бо щобъ, бороны Боже, вона не стратыла дытыну! (*Побигла*).

Настя.

Де жъ ты, Мыкыта? Прыйды жъ, порадь мене, порятуй! Невже жъ зрадивъ мене, не вже жъ и досы помщаецця такъ люто?.. Охъ, якъ же мени буты теперъ?

Мыкыта зрадивъ, насміявся въ волю!.. Охъ, холоне серце, душа мре, терпне у грудяхъ! Де жъ пораду знайду? Де жъ вы подругы мой? Поділитесь жъ зо мною моимъ жалемъ, у цю страшну мою добу, хочъ словомъ, хочъ поглядомъ порадьте мене!.. Нема, никого нема, ни дружыны, ни порады! Одна я стою зъ своимъ соромомъ проты всіхъ!.. Немовлятко мое, безбаченку мій, порадь же хочъ ты мене, розважь!.. (*Чуты голосы*). Хтось иде сюды? Гукають? Мене клычуть? Маты гука? Ой, сыночку мій, смерть моя настала!..

Степаныда (*за кономъ*).

Насте, Насте!

Настя.

Ноги деревеніють! Духъ спираецця, у грудяхъ!.. (*Владе дытыну на цямрыни, сама затуля его плечыма*). Охъ, смерте моя, беры мене худцій!..

Я в а 16-а.

Мыкыта (*крадетця до крыныци*).

Що бачу? Настя.. А то що? Дытына? О, краще помры немовляткомъ, ніжъ маешъ рости на глумъ людямъ, на пове-виряние та знущенне, якъ твій батько! (*Кыда дытыну у крыныцю*). А теперъ мерщій свить за очи!.. Прощай, Насте! Не згадуй лыхомъ, а добромъ нема за що!.. (*Побигъ*).

Я в а 17-а.

Бакаляръ, Степаныда, Худоліха, Деркачъ, Худолій и вси останни.

Бакаляръ.

Насте!

Степаныда.

Доню, доню! Що жъ це ты наробыла?

Настя.

Я? Я прыиму кару!.. Я вчынула тяжкий грихъ, мене карайте!.. Осьдечки моя провныла!.. Де? де винъ?.. Де мій сынъ?

Худоліха.

Ой, лыпечко! Вона певно вкынула дытynu въ крыныцю! (*Підбигають до крыныци*).

Настя.

Въ крыныцю?.. (*Де-хто кыдається до крыныци*).

Я в а 18-а.

Ти жь и соцькый.

Соцькый.

Заразь Мыкыта у волосты переказавъ, що нибы Настя втопыла свою дытynu въ крыныци!.. Чы то жь правда?

Настя.

Переказавъ, самъ?.. О!.. Мыкыто?! (*Пада мертва*).

Степаныда.

Донечко, едынчко моя! За вищо жь ты виддала насъ на вичный соромъ, на вичне глумованне?..

Бакаляръ (*нахыляється до Насті*).

Не нарикай стара... Вона вже мертва! Богъ намъ тебе, доню, давъ, Богъ взявъ, Богъ тебе и судытyme!..

З а в и с а.

Головни друкарські помилки.

Сторінка.	Строчка.	Надруковано.	Помилка бул.	Сторінка.	Строчка.	Надруковано.	Помилка бул.
13—2	13	Отакн	такн	121—1	33	обдуриты...	обдуриты...“
15—1	12	Отоди-то	О, тоди-то	123—1	22	пущени	пущениа
23—2	27	коханпя	коханяя	— 2	13	смиштыть	смишить
36—1	22	спершу	зпершу	130—1	29—30	Хведиръ	Хведирь
36—1	32	розвидаю	розвидаю	133—1	21	зберетесь	зберетесь
41—2	19	дасть Богъ	дасть Бигъ	137—2	2	Мене	Мени
42—2	21	Ото	ото:	— 2	30	прудухвынъ	прудухвынъ
43—2	20	велькы	велькн	140—2	20	Нн	Чы
44—1	33	все жъ такы	все жъ... таке	146—2	37	хвалылы	вхвалылы
61—2	12	вкюлюшки	вкюлюшкы	147—1	29	не,	ни,
63—2	2	передъ „смачниця“	тире не треба	148—1	25	вчтыця...	вчтыця?..
64—1	11	обгорилы	обгорили	149—2	5	Доки—	Доки
—	19	казакъ	козакъ	157—2	8	Бчора	Вчора
66—2	25	спершу	зпершу	158—1	3	старатця	старатьця
69—2	33	тоби	тоди	161—1	26	казавъ	чытавъ
70—1	19	я	Я	—	33	казала	чытала
76—1	29	спершу	зпершу	—	33—34	я жъ и чую	я жъ чую
77—2	20	сполохайсь	сполохайсь	172—1	15	животиты	животиты
86—1	18	спершу	зпершу	173—1	38	нчы	нчы
96—1	16	нвякъ	ни якъ	178—1	33	Докижы-	доки жы-
—	43	сырены	сырены	— 2	5	котримъ	кетрымъ
97—2	25	Покатылось	Покотылось	—	8	котрихъ	котрыхъ
100—1	4	жывогыть	жывогыть	180—1	3	засапавшысь	засапався
112—1	15	Валыала	вылыала	—	24	Тетьяна	Тетяна
118—2	7	нчы	нде	— 2	6	Тетьяна	Тетяна
119—1	14	скрыпци	скрыпци	181—2	6	не	ни
120—2	15	мылостыни	мылостыны	183—2	28	чы іла чы не іла	чы іла, не іла
—	24	то	що	190—1	3	крявы	крявы
—	32	дывчына...	дывчына...“	192—2	13	по всимъ	не всему
121—1	9	Ту	„Ту	193—2	38—39	Безталанная	безталанна
—	29	Беры	„Беры	—	39	втишная	втишна

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ

А. С. КЕТЛЕРОВОЙ,

Николаевская нл., № 29.—Екатеринославская ул., № 34.

въ ХАРЬКОВѢ.

PG. 3948

K73

1895

v. 3

3 2000 005 667 391

